

Жак-Ив Кусто Филипп Диоле

Могучий властелин морей

Подводные исследования Ж.-И- Кусто

Jacques-Yves Cousteau and Philippe Diolé
Mighty Monarch of the Sea
New York, 1972

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Перевод с английского с незначительными сокращениями Н. Елисеева

Научная консультация, примечания и послесловие доктора биологических наук А. В. Яблокова

Художник Е. Адамов

Кусто Ж.-И. и Диоле Ф.

К94 Могучий властелин морей. Пер. с англ. Н. Елисеева. Науч. консультация, примеч. и послесл. А. В. Яблокова. М., «Мысль», 1977.

188 с. с ил. и карт.

В новой книге Жака-Ива Кусто и Филиппа Диоле продолжается рассказ о ярком, богатом мире Индийского, Атлантического и Тихого океанов, об интереснейших наблюдениях над китами в их родной среде.

20901-36

К-----БЗ-56-14-76

004(01)-77

596.5+551.49

© Перевод на русский язык. «Мысль». 1977

ВСТРЕЧА С КИТОМ

Необозримы океанские просторы. И все же, как ни странно, на этих просторах редки случайные встречи. Воды морей, подобно суше, испещрены сетью троп и больших магистралей. У каждого вида морской фауны свои маршруты, причем они меняются вместе с временами года. В этой замысловатой сети ничто не предоставлено воле случая. Все до мелочей предусмотрено, все строго регулируется биологическими факторами. А это очень кстати для мореплавателей вроде нас, ставящих себе целью наблюдать и понять обитателей океана.

В марте 1967 года «Калипсо» шла вдоль одной такой подводной магистрали. Много лет назад мы в Индийском океане, вблизи экватора, весной наблюдали кашалотов. И теперь, выйдя для исследований в Красное море и Индийский океан, мы один раз уже видели их. Так что я знал, что в это время года мы вполне можем встретить их снова.

Каждая встреча с большими морскими млекопитающими — кашалотами, косатками, гриндами и другими — событие для всего экипажа «Калипсо». Конечно, нам приходилось сталкиваться со всякими обитателями моря, мы изучали множество видов, всевозможных рыб, крупных и мелких, кормили групперов, угрей, осьминогов, даже акул. И конечно, эти контакты, наши попытки ближе узнать морских животных, приручить их, наладить с ними общение много нам дали. Но контакт с китами, огромными

теплокровными существами, удивительно похожими на человека своим дыхательным аппаратом, своим умом и развитыми формами общения, исключительно интересен.

И его исключительно трудно осуществить. Рыб можно приманить сколько угодно, только предложи им корм. А вот попробуй приманить таким способом кита весом этак в сто тонн. Да, верного способа наладить отношения с китом пока нет, мы можем только полагаться на опыт, добытый методом проб и ошибок. Тридцать лет работы на воде и под водой, тридцать лет изучения морских животных, но опыт наш, увы, так еще небогат!

Странно все-таки: китобойный промысел ведется не одну сотню лет, а люди так мало знают об этих исполинах моря. (Правда, некоторые китобои — например, В. Скорезби* — собрали немалую информацию о китообразных.) Человек лишь недавно сумел пересечь рубеж, отделяющий его от мира морских животных. Мало кто наблюдал полосатиков, кашалотов, косаток в их родной стихии. Нам первым предстоит встретиться с ними в глубинах под знаком любознательности и дружелюбия.

ЧУДО ПРИРОДЫ

Отношения между человеком и животными всегда окрашены таинственностью. Разделяющая их пропасть кажется непреодолимой. В море особенно трудно найти подход к большим млекопитающим.

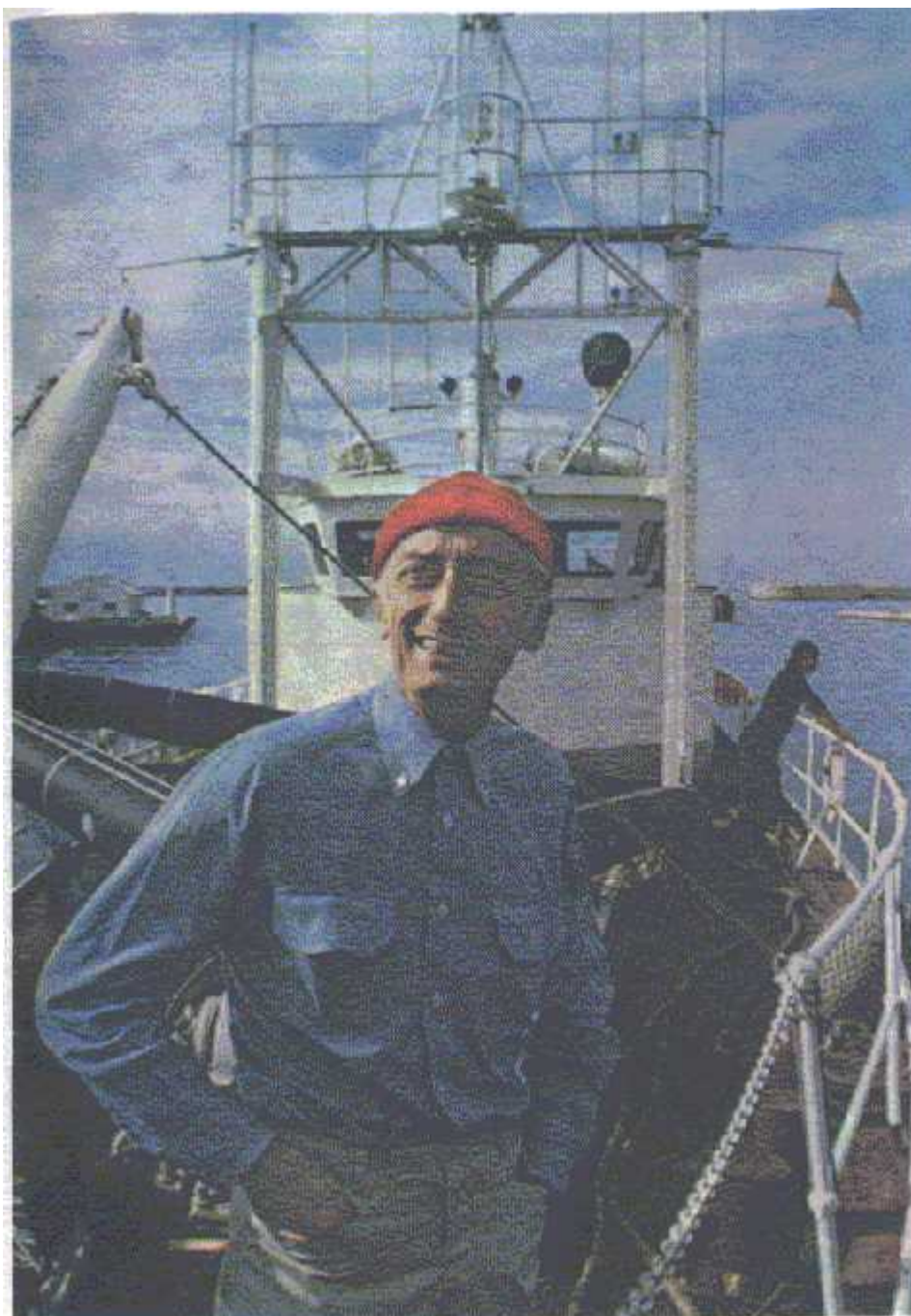
Сам вид кита, этой горы мяса, десятков тонн живой плоти, производил на человека потрясающее впечатление, и в разное время он реагировал по-разному.

Вначале, естественно, преобладал страх. А страх всегда дает пищу легендам. Библейский Левиафан, проглотивший Иону, очень ярко олицетворяет ужас человека перед существом, гигантские размеры которого не укладывались в его сознание. И еще долго после времен Ионы явления природы описывались категориями мифов, религии, поэзии.

На смену этой сравнительно безобидной эпохе пришла другая, не столь невинная, — эпоха охоты. А затем наступил и вовсе жестокий век истребления. Теперь о китах стали думать как о хозяйственном факторе, как о промышленном сырье. И преследовали их так нещадно, что с развитием современного оружия, когда чаша весов окончательно склонилась в пользу охотника, над многими видами нависла угроза полного истребления. Гарпунная пушка не только, сокрушила миф, легенду, романтику и белого кита Моби Дика, она поставила под вопрос само существование крупнейшего животного на свете.

В XX веке китобойный промысел ограничили, его регулируют национальные законы и международные соглашения. Это было сделано прежде всего из экономических соображений, по настоянию самих промысловиков. Затем общественное мнение, руководствуясь более гуманными побуждениями, начало настаивать на охране китов.

Но хотя китобойный промысел — экономически вряд ли оправданный — еще продолжается, отношение человека к киту переменилось. Наступил перелом прежде всего психологического свойства, и он необратим. Теперь уже не считается достойным охотиться на кита. Он перестал быть в глазах человека всего-навсего огромным — самым огромным и самым роскошным охотничьим трофеем. В наше время свалить слона разрывной пулей — не доблесть, и поразить гранатой кита тоже не подвиг. Потому что человек убедился (и мы надеемся упрочить это убеждение), что кит — величайшее и увлекательнейшее из чудес подводного царства, самый поразительный представитель морской фауны.

Капитан Кусто на носу «Калипсо»

Во времена Мелвилла было в моде расписывать «свирепость» китов. Сегодня нас поражает их миролюбие, удивительное умение нырять, способность общаться между собой. И нас глубоко трогает их высокоразвитый материнский инстинкт.

Калипсяне уже кое-что почерпнули из своих встреч с китами. Так, мы убедились, что возможность контакта с китами отнюдь не исключена. Мы не отделены неодолимой преградой от наших братьев — млекопитающих, которые в незапамятные времена променяли сушу на море. Правда, чтобы узнать это, надо было пойти на риск, искушать судьбу — и мы не убоились риска. Пожалуй, наиболее примечательно такое наблюдение: китообразные очень редко проявляют агрессивность, даже если мы вторгаемся в их жизнь, преследуем и окружаем их. Разумеется, все зависит от вида и от обстоятельств, но, как бы то ни было, до сих пор никто из калипсян не пострадал при наших довольно рискованных подчас встречах с китами. Более того, киты показали себя очень смирными животными, они старались не причинить вреда человеку, будь то на воде или под водой.

Вообще я должен подчеркнуть, что несомненное почтение кита по отношению к человеку представляет собой немалую загадку. Впрочем, во взаимоотношениях властелина морей и господина суши все выглядит достаточно сложно.

В 1967 году «Калипсо» отправилась в экспедицию, рассчитанную на три с половиной года. Как только мы из Красного моря вышли в Индийский океан и миновали мыс Гвардафуй, я наладил специальное наблюдение. С высокого мостика на носу два человека постоянно следили за горизонтом — не покажутся ли кашалоты. Как всегда, одним из самых ревностных наблюдателей была моя жена Симона. Участница всех моих экспедиций, она готова часами стоять на солнце и на ветру, наблюдая, размышляя и стараясь проникнуть в тайны океана.

Нас ожидали интереснейшие встречи с китообразными, и, пожалуй, лучше всего расскажут о них выдержки из моего дневника. Вот что я записал в Индийском океане после того, как мы покинули гористый остров Сокотра.

ПЕРВЫЙ АВРАЛ

Вторник, 14 марта 1967. В 5.30 звучит рында, одновременно раздается возглас: «Киты! Киты!» Первая встреча в этом рейсе! Почти мгновенно все высыпают на палубу. И мы видим китов — кашалоты, это видно по вырывающемуся из дыхала фонтану.

В считанные минуты все готово. Мы собирались использовать катер, но ведь он слишком тихоходен, киты в два счета уйдут от него. Может быть, не надо спускаться на воду лодки, подойдем достаточно близко на «Калипсо»? Осторожно, следуя указаниям наблюдателей на мостике, идем вперед, в самую гущу стада. (В этот час дежурили Фредерик Дюма, Альбер Фалько и Симона — кстати, никто лучше Симоны не умеет прокладывать курс в таких ситуациях.)

Посылаю кинооператора Рене Барского вниз, в подводную обсерваторию в носовой части «Калипсо». Там он может через иллюминаторы снимать китов под водой.

Снова и снова пытаемся подойти поближе к кашалотам. Нам это удается только три или четыре раза. Зато какие кадры получены! В первом случае два кита плыли рядом с «Калипсо», буквально прижимаясь к корпусу. Затем Барский снял мамашу и детеныша, которые шли всего в нескольких ярдах перед форштевнем. И наконец — наш ход в это время составлял всего около двух узлов, — «Калипсо» задела корпусом морского исполина! Барский изрядно испугался. Лежит в тесной подводной кабине, снимает, за иллюминаторами проплывают огромные туши, и вдруг — полная темнота! Киты так плотно окружили «Калипсо», что заслонили свет с поверхности. Что же случилось? А вот что: в стадо замешались косатки, и один кашалот, отступая от них, столкнулся с судном...

Словом, в этот день мы и порадовались и поволновались, а вот пленка в целом не очень удалась. Хотя вода была чище, чем в предшествующие дни, она все-таки оказалась недостаточно прозрачной, кадры нельзя было назвать первоклассными. Обидно, да что поделаешь, остается лишь следовать дальше и не терять надежду. Сейчас царит почти полный штиль.

Среда, 15 марта. Снова утром «китовый аврал», он длился с 08.00 до полудня. Видим пять или шесть стад, да еще несколько кашалотов ходят попарно или по одному. Условия для съемки неблагоприятные. Вода-то наконец очистилась, а вот киты капризничают, ведут себя нервно, настороженно. Вчера они то кружили на одном месте, то направлялись со скоростью пять-шесть узлов* на юго-восток и вроде бы ничего против нас не имели. Может быть, они сегодня заняты охотой? Во всяком случае, стоит нам подойти поближе, как они ныряют почти отвесно и бесследно исчезают. По словам наших аквалангистов, за ними тянется какой-то маслянистый след, но мне кажется, что это просто завихрения, которые возникают, когда кит бьет хвостом по воде.

Нырнут — и идут под водой на глубине 8 — 10 метров (вообще они способны погружаться на тысячу метров), лишь иногда всплывая за воздухом. Один раз 20 минут не всплывали — вот это дыхание!

Несмотря на все сложности, нам удастся снять несколько кадров. Спустив на воду «Зодиак» (так называется надувная лодка, у нее скорость и маневренность выше, чем у катера), Альбер Фалько, он же Бебер, дважды ухитряется обогнать стадо. Его сопровождают Делуар со своей кинокамерой и наш фотограф Сильнер, они стараются поймать в объектив кита, и при второй попытке обоим удастся снять несколько хороших кадров.

Но чтобы получить приличный киноматериал, нам надо найти менее пугливых китов. Что же все-таки произошло? Мы не видим причин, которые могли бы объяснить, почему киты сегодня ведут себя иначе, чем вчера. Почему вчера не обращали на нас внимания, а сегодня к ним не подойти?

Весь день, до самых сумерек, мы продолжаем наблюдение, но стадо больше не показывается.

Четверг, 16 марта. Пустой день. Нас задел краем шторм. Дует норд-ост, волнение — 4 балла, ничего опасного, но наблюдать китов в такую погоду нельзя: слишком легко спутать фонтан кита с гребнем высокой волны.

Я составил план съемок и раздал Барскому, Делу ару, Марселле-ну, Дюма, Беберу и Диди. Попросил их поразмыслить над ним и поделиться со мной своими соображениями.

Пора обрабатывать уже снятые эпизоды и готовиться к съемке следующих. Впрочем, за эту сторону нашей работы я не особенно тревожусь. Барский — подлинный мастер, на него вполне можно положиться. А Делуар — вообще чудо. У него всегда все продумано до мельчайших подробностей, но вместе с тем он настолько гибок, что никакие непредвиденные обстоятельства не могут застичь его врасплох. Вчера, например, выйдя на «Зодиак» вместе с Бебером и Сильнером, он лег с камерой в руках на носу лодки и, как только Бебер крикнул: «Пошел!», скатился в воду чуть не на спину кита и немедля принялся снимать. Делуар обожает такие штуки. Он весь веселье, всегда в хорошем настроении.

18 марта. Волны поумерились, и мы снова высматриваем кашалотов. К Мальдивским островам — следующий пункт захода — подойдем не раньше 20 марта.

Последние два дня были всецело заполнены поиском китов. Их заметно меньше, чем было в апреле 1954 и 1955 годов, когда мы ходили вдоль экватора севернее Сейшельских островов. Но мы не теряем надежду встретить еще китов до Мальдивов. Я нарочно проложил курс так, чтобы продлить этот рейс на десять дней, да только нет уверенности, что моя уловка оправдается.

Как всегда, меня поражает плодородие морей. Киты водятся буквально во всех частях океана. Что до рыбы, то японские рыбаки, похоже, способны где угодно забросить ярусы и вытянуть меч-рыб и тунцов длиннее собственного роста. Киты, тунцы, меч-рыба — представляете себе, какие ресурсы нужны, чтобы прокормить таких крупных (и прожорливых) животных! Да, морская фауна удивительно разнообразна и богата.

Мы приняли меры, чтобы не упустить китов при следующей встрече. Известно, что кашалоты развивают скорость до 20 узлов. А предел «Калипсо» — 11 узлов, поэтому я распорядился установить на одном из наших катеров два 40-сильных подвесных мотора, так что теперь морские исполины не должны уйти от калипсян. Правда, на катере даже при небольшом волнении опасно развивать такую скорость. Аквалангистов, операторов, рулевого бросает гак, что того и гляди окажутся за бортом.

Подойти близко к киту в принципе не так уж трудно — факт, который меня всегда удивлял. А вот запечатлеть его на пленке — задача посложнее. Только прицелишься камерой и наведешь резкость, как кит нырнул и нет его. Раз за разом Делуар в обнимку с камерой и еще один аквалангист прыгали в воду перед носом кашалота. Стоило киту их заметить, как он тотчас исчезал.

— При очень большом терпении можно снять хвост кита. — говорит Андре Лабан.

Говорит совсем без горечи и почти не преувеличивает. Кстати, на мой взгляд, и хвост кита вполне заслуживает внимания. Во всяком случае, с борта «Калипсо» именно его мы видим лучше всего, когда кит, так сказать, группируется, чтобы мощным рывком уйти вглубь. Плоский треугольник живой плоти как бы иронически приветствует нас перед тем, как исчезнуть в недоступной человеку пучине. Внушительное зрелище! Даже грозное подчас! А иногда мы невольно разражаемся смехом.

6 апреля. Стоим на якоре у Фуниду в Мальдивском архипелаге, зашли сюда запастись пресной водой. Вечером несколько калипсян решили побродить по острову и привезли на борт интересные сувениры — барабаны и великолепный кинжал с рукояткой из китового зуба. Лишнее подтверждение, что киты здесь водятся. И местные жители ухитряются их убивать, но как?

9 апреля. Утром, после завтрака, Бонничи, Бебер и Барский вышли на «Зодиак» и отменно позабавились с отрядом дельфинов. Дельфины полным ходом мчались прямо на лодку и в последнюю секунду, когда столкновение казалось неотвратимым, ныряли. Они обожают такие игры. Мы попытались снять на кинопленку великолепный эпизод, когда около сотни дельфинов резвились впереди «Зодиака». Казалось, они запряжены в лодку; на самом деле, Бебер никак не мог их настичь, хотя выжимал из мотора 18 узлов.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Чувствуя, что главное — все время быть начеку, ввожу четкий распорядок: держать наготове снаряжение, аквалангисты дежурят на носу, гарпуны, нейлоновый линь и буи — все под рукой, «Зодиак» и катер тоже в полной готовности, моторы не снимать. Две камеры для подводной съемки постоянно заряжены. И один кинооператор должен быть в любую минуту готовым спуститься в подводную обсерваторию.

Объясню, зачем аквалангистам гарпуны. Очень трудно наблюдать за одним определенным китом, когда он то нырнет, то снова всплывет за воздухом. Для человека все кашалоты одинаковы, вот и угадай, что за кит сейчас всплыл — тот самый, который ушел под воду 15 — 20 минут назад, или совсем другой? И попробуй определить скорость кита по расстоянию от точки погружения до точки всплытия, если ты не уверен, что перед тобой в обоих случаях один и тот же кит.

(Конечно, китобои могли засечь и длительность пребывания китообразных под водой, и скорость их

движения, но ведь они наблюдали поведение животных в ненормальных условиях, когда те уходили от погони.)

Я вижу только одно решение — метить животное. Метод тот же, какой мы применяли с акулами в Красном море. А именно попытаемся прикрепить метку к спинному плавнику хотя бы одного кита, если вообще сумеем подойти достаточно близко к бултыхающимся вокруг «Калипсо» могучим цилиндрам лоснящейся черной плоти.

Прикреплять метки будет Альбер Фалько. Задача непростая, следует ожидать всяких осложнений, но на Альбера можно положиться. Он пришел к нам 15-летним парнишкой, 20 лет делит с нами все трудности, все опасности. Притом Фалько не только крепыш и аквалангист высочайшей квалификации — он, что не менее важно, знает подход к животным, каким-то образом ухитряется с ними ладить. Другие калипсяне — Делемонт, Раймон Коль, Кьензи, мой сын Филипп — тоже кое-чему научились, но Альбер Фалько первым стал налаживать дружбу с обитателями открытого моря, и в этом сложном искусстве ему нет равных.

Сейчас эта сторона таланта Фалько особенно важна. Взаимоотношения человека и кита — дело тонкое и зыбкое. Конечно, китобойный промысел теперь сильно сокращен, и на китов больше не смотрят как на «свирепых чудовищ». Однако новый взгляд еще не устоялся, еще не найден новый подход к вчерашнему Левиафану, на которого смотрели просто: если ты его не прикончишь, он тебя убьет. Человеку трудно сразу перейти от беспардонного избиения к симпатии.

10 апреля. С рассветом я на палубе, проверяю, готовы ли к работе телекамера и автоматическая кинокамера в подводной обсерватории. В 7.30 Барский стоит со своей камерой на спущенной к самой воде водолазной платформе, задумал поснимать летучих рыб. Симона внимательно наблюдает с мостика, не покажутся ли кашалоты. И в ту самую минуту, когда ей на смену поднимается Рене Хаон, звучит возглас:

— Киты!

«Калипсо» изменяет курс, калипсяне развивают кипучую деятельность. Вот уже спущен на воду «Зодиак» с новым 33-сильным мотором, а также катер с двумя 40-сильными. Бебер и Бонничи выходят на «Зодиаке», взяв с собой гарпун. Он устроен так, чтобы не причинить киту вреда при мечении: острие короткое и легкое, дальше жирового слоя не пойдет. Морис Леандри и Рене Хаон садятся на катер.

В первой группе кашалотов четыре особи; поблизости ходят еще две группы, по три кита в каждой. И когда всего каких-нибудь 50 метров отделяет от них «Калипсо», киты ныряют. Мы опоздали.

Через полчаса все три группы появляются вновь, но теперь они рассеялись. На этот раз Бебер начеку. Выстрел — есть попадание! Кит озадаченно замирает на глубине двух-трех метров, его спутники ждут. Кажется, удача? Но тут же в воздухе мелькают три могучих хвоста, киты пропадают, и Бебер уныло сматывает лить. Видимо, гарпун запутался в лине, острие коснулось кита под углом и соскользнуло. Близок локоть, да не укусишь... Все расстроены. Кроме кита, разумеется.

И все же мы продолжаем погоню, пока в половине первого киты не исчезают окончательно. В опустевшем океане я снова беру курс на очередной пункт захода — Маэ в Сейшельском архипелаге. Калипсяне пользуются случаем отдохнуть. Разумеется, кроме тех, кто несет вахту на мостике.

Похоже, с рассвета примерно до 10 — 11 часов кашалоты сонные или просто вялые; в это время их нетрудно выследить и догнать. А около полудня они оживляются, приходят в движение, и тут мы их теряем. Даже фонтаны трудно заметить — может быть, потому, что в полдень пары конденсируются не так, как рано утром?

Не связана ли эта черта в поведении кашалотов с тем, что в часы между закатом и восходом большинство морских организмов поднимается к поверхности? Если допустить, что киты предпочитают охотиться ночью, когда не надо нырять глубоко за кормом, можно понять, почему они утром сонные и вялые. А мы пока умеем наблюдать китов только днем.

11 апреля. Веду корабль зигзагами, чтобы у нас было больше шансов встретить китов.

Ребята понимают, что перед ними стоит задача, за которую еще никто не брался, и решение ее сопряжено с опасностью, но нам такие задачи по душе. Одного лишь опыта тут мало, нужны особые качества и особое настроение. Даже молчаливый каталонец Раймон Коль, из которого слова клещами не вытянешь, вдруг оживился и стал необычайно разговорчивым. И превосходно, ведь у Раймона уже налажен контакт с крупными морскими животными — как-никак он первым в мире катался верхом на китовой акуле.

В ЛОВУШКЕ

16 апреля. Рано утром приходим в точку, где уже побывали много лет назад, — это «место сбора кашалотов». Наши надежды оправдываются. Около семи утра Фредерик Дюма замечает на горизонте какой-то бугор, он похож на то, что мы видели здесь в 1955 году. Еще четверть часа, и прямо по курсу,

примерно в полумиле, я отчетливо различаю огромного кашалота. Чтобы ничего не упустить, высылаю «Зодиак» с Бебером, Бонничи и Барским, они пойдут в двух милях левее «Калипсо». Катер с Морисом, Омером и Делуаром пойдет на таком же расстоянии справа. Восемь миль по фронту — теперь от нас никто не уйдет! Однако жизнь показала, что мы еще не все умеем...

Опираясь на группу опытейших аквалангистов, я задумал осуществить то, чего еще никто не пробовал: ходить в открытом море вместе с китами, встречаться с ними, что называется, лицом к лицу, как мы это делали с акулами, угрями, груперами. Ведь это факт, что встречи с рыбами под водой позволили нам узнать их ближе, чем было возможно до сих пор. Но мы забыли, что даже самые большие виденные нами акулы достигали в длину около 4 — 5 метров (вообще это не так уж и мало!), угри — около 3, груперы — 2 метров. И никто из них не шел ни в какое сравнение с 20-метровым китом. Как налаживать отношения с тушей, которая весит больше 60 тонн? Нашей экспедиции предстоит искать ответ на этот вопрос.

Звучит сигнальный колокол. Диди — Фредерик Дюма, наш самый старый друг и товарищ по подводным приключениям, — заметил с мостика фонтан. Похоже, кит дремлет. Еще два мощных выдоха, затем он исчезает на восемь минут, даже не показав нам спину. «Зодиак» идет вдогонку, но его тормозит барахлящий мотор. Около получаса уходит на то, чтобы снова выследить кита и осторожно приблизиться к нему. Под конец «Зодиак» делает рывок, однако кит уже проснулся и довольно быстро плывет на восток, преследуемый нашими ребятами. Теперь видно его спину, она обтекаемая и гладкая, словно корпус атомной подводной лодки, если не считать смехотворно маленького, скошенного спинного плавника. Скорость кита — 12 — 15 узлов, и Беберу на «Зодиаке» удастся сократить разрыв до 7 — 8 метров. Еще несколько секунд, и можно стрелять из гарпунного ружья... Ну!

Мотор «Зодиака» чихает и останавливается.

Бебер вне себя от ярости. Я тоже.

Через четверть часа мотор заменен и погоня возобновляется. Но прежнего задора нет, и, хотя мы продолжаем преследование, чувствуем что толка не будет.

Сегодняшняя неудача вызвана тремя обстоятельствами: во-первых, подвел новый 33-сильный подвесной мотор, во-вторых, море не так уж гладко, чтобы «Зодиак» и катер могли свободно маневрировать, в-третьих, ход «Калипсо» замедляется из-за отсутствия правого винта.

Вечером обращаюсь к карте, прикидываю, какие у нас возможности. Да, ничего не поделаешь, пора идти в Маэ. Похоже, что сегодняшней неудачей кончится наш эксперимент по изучению китов.

Сегодня мы скорее всего видели финвала. Обнаружили его по фонтану, но ни спину, ни маленький спинной плавник не рассмотрели. Сначала он почти не двигался, и частота дыхания была два выдоха в восемь минут. Но когда «Зодиак» начал преследовать кита, он явно напугался и стал уходить со скоростью 12 — 15 узлов, держась у самой поверхности. Тут он дышал уже чаще, и следить за ним было нетрудно. Когда он начал нырять, мы смогли убедиться, что его защитная система работает неплохо. Около часа кит демонстрировал нам эффективность своего звукового локаатора. Он точно определял положение «Калипсо», «Зодиака» и катера и каждый раз всплывал там, где никого не было.

У меня сложилось впечатление, что финвал превосходит кашалота в сообразительности* и единственный шанс подойти к нему близко — каким-то образом застать его врасплох в первые 15 минут преследования.

Должен признаться, что сегодняшние события меня обескуражили. Кажется, мечта об охоте нового рода, в духе XX века так и останется мечтой. Хочется побыть одному, и я не иду обедать. Нет желания никого видеть, ни с кем говорить. Но куда денешься на судне, переполненном людьми? На носу меня будет видно с мостика, там сейчас дежурят Сильнер и Сумиан. И вообще «Калипсо» — сплошной огромный резонатор для вентиляторов и дизелей. Запираюсь в своей каюте. Пишу, читаю. Наконец, пытаюсь отвлечься кроссвордом.

18 апреля. Проснувшись в 5 утра, выхожу на палубу встречать восход. И застаю там весь экипаж — всем не терпится увидеть землю, острова, деревья. Настроение приподнятое, но я не могу его разделять, вчерашнее поражение не дает мне покоя.

Тем более что сегодня море такое, каким мы желали видеть его вчера, — гладкое, словно пруд. А мы стоим между островами Берда и Денизы, три дня будем торчать здесь, как в ловушке, и возможно, это последние три штилевых дня в этом сезоне. Вот ведь досада! Я готов на три дня погрузиться в забвенье. Нет, в самом деле, я не смогу дышать полной грудью, пока мы не покинем эти злополучные прекрасные острова.

Сегодня два месяца, как «Калипсо» вышла из Монако.

Серый кит, пораженный гарпуном Каноз, уходит под воду

ГАРПУНЫ, ГАРПУНЫ...

20 апреля. Покинули Маэ в 07.30 и едва очутились в открытом море, как рулевой заметил приближающийся шквал и воскликнул:

— Пассаты начинаются, теперь на полгода зарядят!

То самое, чего я боялся. Ведь как подует — конец нашей охоте за китами.

Беру курс на юго-запад, собираясь обследовать воды в северной части Амирантских островов. Но не успел Маэ скрыться за горизонтом, как звучит сигнальный колокол. Забыты все промахи, все огорчения, снова в душе ожила надежда. Потому что впереди я вижу фонтан... еще и еще! Чем ближе мы подходим, тем больше тонких колонн из пара на фоне голубого неба. И что особенно меня радует — это, несомненно, кашалоты, об этом говорит характерная форма фонтанов, наклоненных под углом 45 градусов. К тому же среди крупных китов только у кашалота не два дыхательных отверстия, а одно.

Приказываю сбавить ход. Мы не можем рисковать, чтобы «Калипсо» столкнулась с кем-нибудь из наших исполинских друзей и поранила их.

Медленно, осторожно сближаемся с китами. Видим могучие спины среди океанских волн.

Кашалоты никуда не торопятся. По-видимому, гул наших моторов — а они его, несомненно, слышат, у китов великолепный слух — не пугает и даже не тревожит их, хотя у кашалотов есть все причины остерегаться человека и его судов.

Мысленно проверяю нашу готовность. Вроде бы все начеку: аквалангисты, кинооператоры, а также звукооператор, задача которого — записать звучания китов над водой и под водой.

Мы совсем рядом с китами, фактически «Калипсо» теперь окружена стадом. Спускаем на воду «Зодиак» — осторожно-осторожно, только бы не напугать кашалотов! На одной из лодок операторы, они попытаются снимать в воде. Стоя на мостике и провожая их взглядом, спрашиваю себя, не безрассудство ли то, что мы затеяли? Отсюда, сверху, люди такие маленькие и лодка крохотная... А неподалеку киты-гиганты — могучая спина, широченный плоский хвост, приводящий в движение всю огромную тушу. Эти темные силуэты под водой похожи скорее на горы, чем на животных. Но ребят на «Зодиаках» явно не мучают никакие сомнения. Фалько держит наготове гарпунное ружье; аккуратно смотанный кольцами в ведерке нейлоновый линь соединяет гарпун с бумом. Особая сбруя позволяет Беберу стоять на самом носу так, что он может стрелять даже на полном ходу.

Но рокот подвесных моторов явно беспокоит кашалотов — они начинают удаляться. «Зодиак» делают рывок, Фалько подходит совсем близко, прицеливается, стреляет...

На борту «Калипсо» все затаили дыхание. Что же там происходит? Видим, что второй «Зодиак» закладывает вираж около кита и сбрасывает ход. Раймон Коль прыгает в воду. Он пробует ухватиться за один из плавников кашалота! Значит, выстрел Фалько был удачным! Ну конечно, теперь и нам видно торчащий гарпун. И кит тянет за собой красный буй.

Похоже, кашалот озадачен возникшей вокруг него суматохой. И так как на поверхности он не может оторваться от преследователей, он прибегает к последнему средству — ныряет. На мгновение из воды высовывается огромный треугольник его хвоста... Пропал! Очевидно, наш приятель решил погрузиться вертикально на большую глубину. Красный буй с поразительной скоростью уходит в пучину. Наступает критический момент. Длина линя — 1000 метров; в принципе этого вполне достаточно. Но у кашалота могут быть свои принципы. Линь разматывается, разматывается... Весь размотался — и лопнул, словно нитка.

Нет ни кита, ни буя, ни линя. Придется начинать все сначала.

Проблема в том, чтобы вонзить кусок железа — наконечник гарпуна — в жировой слой кита. Но этот слой настолько упруг, что гарпун из пружинного, даже из порохового ружья лишь с трудом в него проникает. И чаще всего проникает неглубоко, так что зубец не держит. Мы стреляем с такого же расстояния, как стреляли первые китобои, почти в упор. Почему же у них получалось, а у нас нет? Все дело в оружии. Перед их гарпунами наш «гарпун» смехотворно легок и мал. А сделать его больше или тяжелее мы не решаемся, боясь причинить вред киту.

Сегодняшний случай нас кое-чему научил. Мы убедились, что мало заставить кашалота плыть медленнее, чтобы можно было снимать его спереди, — надо еще угадать, в какую сторону он пойдет. Да только вся беда в том, что поведение кашалота, пораженного гарпуном, нельзя предугадать. Вернее, предугадать можно, но от этого не легче — кит нырнет, а тогда прощай и гарпун, и буй, и линь. И наша надежда что-либо снять.

Погрузившись в пучину, кашалот появится вновь лишь через 5, а то и 15 минут. Все это время он плывет под водой. Идя за ним полным ходом, мы можем рассчитывать, что увидим его, когда он всплывет за воздухом. Но пока подойдешь к нему достаточно близко, кит уже сделает вдох и снова нырнет.

На первый взгляд кашалот двигается совсем не быстро. Но это превратное впечатление. Все его движения, когда он ныряет, особенно движения хвоста, кажутся ленивыми, даже вялыми. Но мы не всегда

помним о мощи, заключенной в этом хвосте, о замечательной координации и изяществе его движений.

Когда кит задумал уйти или нырнуть, нам остается только, прикинув его скорость, распределить свои силы на его предполагаемом пути. Наши операторы ждут в воде с камерами наготове, чтобы снять хоть что-нибудь, хоть профиль, хоть анфас, если объект вообще покажется. Потом «Зодиак» подбирает их, старается обогнать кита, люди снова прыгают в воду, операция начинается сначала. Дело отнюдь не простое, но оно всех увлекло, даже рулевых, которые маневрируют «Зодиаками», подчиняясь команде операторов.

В целом эта операция больше смахивает на бой быков, чем на обычные киносъёмки. Жалко только, что искусство и отвага наших матадоров чаще всего расходятся впустую. Ведь они охотятся не за очками, начисляемыми за отвагу и ловкость; их задача — получить толковые кадры, показывающие кита в его родной стихии. Должен сказать, что в этом смысле с китами все намного сложнее, чем было с акулами. Конечно, устраивать корриду с акулами чрезвычайно опасно, зато там риск оправдывался снятыми кадрами.

Так сложилось наше первое знакомство с кашалотами в Индийском океане. Впереди нас ждали новые встречи, еще более крупные животные, ведь мы отнюдь не собирались ограничиваться наблюдениями особей, которые случайно оказывались на пути «Калипсо». Мы поставили перед собой четкую цель — систематически изучать китов во всех уголках океана. Нам предстояло наблюдать их миграции, их половое поведение, наблюдать, как китиха кормит детеныша. Предстояло записать крики, слова, песни китов — все звучания, издаваемые этими на диво речистыми животными.

Первая фаза исследований теперь закончена. Она длилась не один год, и работали мы в самых разных местах — у Багамских островов, у Аляски, в Калифорнийском заливе. Позвольте отчитаться перед вами об этой экспедиции.

УЯЗВИМЫЙ МОРСКОЙ ИСПОЛИН

Два дня, что мы провели в гуще китового стада в Индийском океане, позволили нам получить некоторое представление о жизни гигантов. Речь идет о масштабах, возможных лишь в океане с его просторами и пучинами, — только в океане могли развиваться такие чудовищные туши, и только там могут они существовать. Огромная разница в размерах между человеком и китом пропастью разделяет нас, из-за нее киты представляются нам не просто необычными, но как бы из другого мира.

Кашалоты, которые плавали вокруг «Калипсо», отнюдь не производили впечатления тупых, безмозглых тварей. Их связывали друг с другом вполне осмысленные взаимоотношения. Можно было даже выделить индивидуальные черты характера: кто-то из них был смелее, кто-то опасливее, кто-то смысленнее остальных. Что лежит в основе — интуиция? Инстинкт? Возможно. Но как докопаться до истины, когда перед тобой десятки существ весом от 30 до 60 тонн, бесформенные горы мышц, костей и жира?

Вокруг «Калипсо», отделенный от нас всего лишь несколькими досками, в воде разыгрывался фантастический балет. Вернее, развивалась целесообразная активность, казавшаяся нам фантастической потому, что осуществляли ее левиафаны. Мы видели лоснящиеся спины, видели хвосты величиной с добрый парус, изредка — могучие головы. Умей мы толковать их язык, наверно, выяснилось бы, что все эти повороты и вращения отнюдь не случайны, что перед нами пример вполне осмысленного поведения. В самом деле, гидрофоны, через которые мы записывали звучания китов, свидетельствовали, что кашалоты «говорят», «беседуют» сериями щелчков и других звучаний.

Странно, как ни интересно было наблюдать китов, у меня было подавленное настроение. Конечно, мы нашли искомое, нас со всех сторон окружали киты. Но, глядя на них, я особенно остро чувствовал, что разделяющая нас пропасть неодолима, слишком велика диспропорция. В воде резвились существа чуть меньше нашего судна, и рядом с ними мы напоминали облепивших доску муравьев...

При всей нашей технике, подвесных моторах, «Зодиаках», катерах, при всем искусстве и опыте калипсян мы ведь все равно оставались букашками перед этими плавучими островами. На поверхности еще куда ни шло, видно только часть туши. Но под водой кит до того огромный, и двигается он подчас так стремительно, что с одного раза не охватишь взглядом громадину.

Сколько раз испытывал я чувство горечи, а точнее, бессилия при мысли о том, что киты, это чудо природы, недоступны для нас, непостижимы. Не потому, что они обитают в море, а потому, что представляют племя исполинов и от человека требуется особая гибкость ума и эмоций, особая проницательность и готовность отрешиться от привычных представлений — может быть, нам это попросту не дано...

Все наши ресурсы — катера, «Зодиаки», аквалангисты — обращены на то, чтобы наладить контакт, взаимопонимание с морским дивом. Но ведь работать приходится в океане с его необозримыми просторами и огромными глубинами, а это не наша естественная среда. Это среда изучаемых нами исполинов. Она под стать ид: размерам, их физической силе.

Трудно описать ощущения человека, который впервые встречается в воде с китом, с этим могучим, блестящим, черно-серым, движущимся живым цилиндром. Прежде всего вас ошеломляют размеры кита. Они превосходят все, что человек привык видеть в мире животных, превосходят все, что он себе представлял. Вы не просто удивлены, вы не верите своим глазам. Разум бунтует, аквалангист спрашивает себя, что это — сон, галлюцинация? Об этом говорят все калипсяне. При первой встрече кит наводит на вас ужас. Его не сравнишь ни с каким наземным животным. И еще один момент, в котором сходятся все наши аквалангисты: когда смотришь сверху, кит вроде двигается не так уж быстро. А попробуйте в воде коснуться его, поймать за плавник, и вы скажете, что перед вами чудо. Или кошмар.

Пока что нам удалось разработать только один способ работы с этими феноменальными существами. Как я уже упоминал, этот способ подразумевает участие двух «Зодиаков». Один «Зодиак» старается зайти спереди кита и заставить его плыть медленнее. Второй «Зодиак» подвозит кинооператоров и аквалангистов; они прыгают в воду и наблюдают, а также, если удастся, снимают плывущее мимо них, или под ними, или над ними животное. Но ничто не может остановить продвижение кашалота. Они могут оседлать его, ухватиться за плавник — ему хоть бы что, знай плывет дальше, словно не замечает их. «Зодиак» возвращается, подбирает людей, и забава начинается сначала. К сожалению, другого метода наблюдения у нас нет. При всей его эмпиричности, при всем несовершенстве он все-таки кое-что дал. Точнее, преподал нам кое-какие уроки.

Во всяком случае, мы убедились, как важно заставить кита сбавить ход, чтобы подольше наблюдать его, не говоря уже о том, чтобы снять на пленку.

— Мчишься за китом, прыгаешь в воду, ждешь секунду-другую, пока сориентируешься, и нажимаешь спуск, — рассказывает Андре Лабан. — А когда смотришь готовую ленту, в лучшем случае видишь хвост кита. Ведь пока вода успокоится после твоего прыжка, кит уже успевает уйти.

Какие только приемы мы ни испытывали, чтобы заставить стадо идти медленнее или хотя бы отбить от стада одного кашалота. Но рядом с китом наши лодки так малы, что одно это обрекает нас на провал. Право, в море нет силы, способной противостоять этим движущимся горам мяса...

И еще одна трудность: не может человек уверенно истолковать реакции кита, его повороты, движения ластов, хвоста. Поди угадай, как настроен сейчас кашалот — благодушно или свирепо? Когда собака рычит, лев рыкает, гремучая змея трясет хвостом, вы знаете, что это значит. А как с китом? Может быть, кашалот, прежде чем решить, что пришло время прихлопнуть вас одним ударом своего могучего хвоста, целый час копит бешенство, а мы об этом даже и не подозреваем. В самом деле, как определишь, что мы зашли чересчур далеко? Только вид чудовищной пасти с рядами поблескивающих зубов напоминает аквалангисту, что ему грозит... Но мы этим пренебрегли и 36 часов безнаказанно испытывали терпение добродушных исполинов.

Пока мы можем утешать себя тем, что наш метод «мечения» китов оказался успешным. Как мы и думали, самым отважным и искусным в этом деле показал себя Альбер Фалько. И рулевые на малютках «Зодиаках» проявили новые чудеса отваги. Чтобы выйти на удобную позицию для кинооператоров, они наловчились пронеситься над самой спиной плывущего у поверхности кита. Здесь важно вовремя поднять подвесной мотор, чтобы не поранить кита винтом.

К счастью, море вело себя смирно, держалась отличная погода. Шквал после Маэ оказался ложной тревогой, пассаты еще не начались. Мы продолжали искать китов и пытались метить их уже описанным способом. И не без успеха. Наши аквалангисты ухитрились прыгать в воду прямо перед самым китом. (А то ведь кит заранее сворачивает в сторону — то ли видит человека, то ли эхолокация ему помогает.) И операторы тоже облачились в акваланги. Правда, лишний груз тормозит, но без акваланга просто нельзя, ведь меченый кит часто уходил на глубину от 5 до 15, даже 20 метров, а операторы и их помощники, естественно, следовали за ним. Во всем этом деле было что-то от цирка, и, как во всяком номере с животными, не обходилось без риска...

Один раз нам после удачного мечения удалось сутки следовать на «Калипсо» за одним и тем же кашалотом — рекорд! Все это время остальные члены стада — около десяти китов — держались по соседству, не хотели бросать товарища, и наши гидрофоны ловили непрерывный обмен сигналами. Стадо шло впереди «Калипсо», чуть правее нашего курса. Время от времени мы видели фонтаны.

Несколько раз Лабану удалось снять голову кашалота в упор, и ему показалось, что кит, эта огромная машина, оробел. Несомненно, какую-то роль сыграл тут рокот мотора на «Зодиаке».

И за все время, что мы снимали кашалотов, ни малейших признаков агрессивности. Правда, какие-то черты поведения можно было истолковать как проявление нервозности: то резко мотнет головой, то дернет хвостом, то вдруг уйдет в глубину.

Когда мы пытаемся притормозить кашалота, он обычно стремится продолжать движение и соединиться со стадом. Предпочитает уйти, вместо того чтобы дать отпор, хотя ему ничего не стоит расправиться с утлой лодчонкой.

НОВЫЙ ПРИЕМ — «ВИРАЗУ»

Бебер Фалько нашел способ добиться того, к чему мы стремились с самого начала рейса, — задержать кита на одном месте достаточно долго, чтобы его можно было наблюдать и снимать. Он же придумал для этого способа название — «виразу». Сам он это провансальское слово толкует просто: крутись-вертись. Как бы то ни было, благодаря этому «виразу» я воспрянул духом. Способ нехитрый, Бебер уже испытывал его на дельфинах и косатках. Он садится на «Зодиак» и на полном ходу кружит около кашалота. Все кружит и кружит, так что кит оказывается в кольце рокота и пузырей от кильватерной струи. Сначала кашалот раздражается, потом успокаивается, как будто обалдевает от шума.

У кашалотов, как у всех китообразных, очень сильно развит слух. По-видимому, звуковая завеса, которой Фалько окружает кита, сбивает его с толку. Бурлящая кильватерная струя помогает этому. Так или иначе, кит замедляет ход и почти останавливается; наконец-то нам удается приблизиться к морскому исполину.

Конечно, кит вполне мог бы нырнуть, уйти в пучину от мучителей. Но «виразу» словно парализует его. Вот именно — «словно». Мы убедились в относительности «паралича» в первый же раз, когда Фалько решил испытать свой прием. Сначала все шло хорошо.

«Зодиак» кружит, мотор рокочет, кильватерная струя бурлит, кашалот лежит почти неподвижно у самой поверхности. Вдруг мощнейший всплеск — и «Зодиак» вместе с людьми взлетает в воздух, а камеры, мотор и прочее снаряжение падают за борт.

«Зодиак» упал днищем на воду, и от сильного толчка Морис Леандри, сидевший на корме, вывалился из лодки, но тотчас вскарабкался обратно.

Вот так, мы думали, что кит находится в «обморочном состоянии», а ему осточертел весь этот шум, и он бдним движением хвоста заставил «Зодиак» с людьми совершить небольшой полет. Могло быть гораздо хуже: у кашалота огромные челюсти, а хвостом он вполне способен прихлопнуть лодчонку и людей. Он ограничился легким, но вполне эффективным внушением, после чего преспокойно продолжал свой путь, тут же предав забвению весь инцидент.

Сила, уверенная в себе и не имеющая ничего общего со злобной агрессивностью Моби Дика, — несомненное преимущество великана. В самом деле, если в тебе 20 метров и сверхъестественный запас сил, чего тебе опасаться? Сдается мне, так называемая свирепость китов вообще и кашалотов в частности — выдумка человека, призванная оправдать избиение безобидных животных. В нашей работе с китами мы ни разу не видели даже намека на агрессию.

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ВЕЛИКАН

Нас поражает уязвимость этих исполинов. Вся их мощь и сама жизнь, существование вида всецело зависят от морской среды. Вне моря они не могут жить. Кит, выброшенный на берег или застрявший на мели, обречен на смерть. Вернуться в спасительную воду ему не под силу, тем более что у него нет конечностей. Кит задыхается, его губят собственные размеры, огромная масса. Всей его мощи не хватает на то, чтобы поднять тонны жирового слоя и наполнить легкие воздухом, — и наступает удушье.

Корни такой уязвимости, такой зависимости от моря уходят далеко в геологическое прошлое Земли, в миоцен. Впервые киты появились в третичном периоде, около 30 миллионов лет назад, но предки их намного старше. Первоначально они были наземными животными — факт, который палеонтологи больше не оспаривают. Прежде чем стать властителями морей, они занимали более скромное положение на суше. К сожалению, в палеонтологическом материале пока не обнаружен непосредственный предок китов, который ходил по земле на четырех ногах. Зато найдено много полных скелетов кита, очень близких по своему строению к наземным млекопитающим. В то время киты были намного меньше нынешних кашалотов и финвалов, в длину достигали всего 6 — 7 метров.

Скелет современного кита сохранил следы его сухопутного происхождения. Есть рудиментарные бедренные кости, элементы голени и тазового пояса — все они окружены мышцами и не связаны прямо с позвоночником. Больше того, скелет грудных плавников свидетельствует, что передние конечности, ставшие ластами, имеют пять пальцев. Хвостовой плавник отличается от хвостового плавника ластоногих (настоящих тюленей, моржей, котиков и родственных форм), происшедших от менее развитых наземных предков. Такое устройство мы находим только у китообразных и сиреновых * (то есть у ламантина и дюгоней).

В далеком прошлом, особенно в мезозое, на Земле обитали исполинские существа; по континентам бродили огромные рептилии — диплодоки, бронтозавры, брахиозавры, гигантозавры. Это были самые крупные животные, когда-либо населявшие сушу. Но ни одно из них не идет в

сравнение со 130-тонным голубым китом. Вес этих гигантских рептилий вряд ли превосходил 30 — 35 тонн, ведь немалая часть общей длины приходилась на шею и хвост.

Наземные исполины были рептилиями, а не млекопитающими. Они доминировали в фауне позвоночных мезозоя, который недаром называют еще эрой рептилий, однако размеры и вес принуждали их проводить жизнь в воде или у кромки воды; ведь на то, чтобы передвигать по суше 30-тонную махину, требовалось огромное количество энергии. Только вода, видимо, избавляла такого гиганта от необходимости расходовать всю наличную энергию на передвижение с места на место.

Среди огромных ящеров юрского периода некоторые, по-видимому, длиной могли сравниться с современным китом, достигая 20 — 25 метров. Но у этих наземных форм туловище было вчетверо тоньше, чем у кита; однако и они предпочитали жить в воде (например, бронтозавр), недаром ноздри у них находились в верхней части головы, подобно дыхательным отверстиям нынешних китов.

Разумеется, чтобы передвигаться, исполинским четвероногим требовались могучие конечности. Подсчитано: если бы слон весил вдвое больше, чем теперь весит, ноги его толщиной превзошли бы туловище нынешних слонов. Но ведь слон весит всего от 3 до 6 тонн — столько весит язык некоторых китов. Вот и представьте себе, какие ноги были, скажем, у бронтозавра.

Быстрота, с которой исчезли с лица Земли динозавры, до сих пор ставит в тупик палеонтологов. Не исключено, что именно гигантизм их погубил, ведь у больших размеров есть свои серьезные минусы. Так или иначе, великанов мезозоя можно назвать ошибкой природы, и ошибка была исправлена, великаны переселились в океан, а кто не смог переселиться — вымер.

В самом деле, на суше перед гигантами вставали неразрешимые проблемы. Передвижение только одна из них, дыхание тоже требовало огромных усилий. При такой грудной клетке для вдоха нужны исключительно мощные мышцы и особое устройство скелета. Вот почему кит, хотя дышит воздухом, быстро погибает вне воды. Даже его чудовищных сил не хватает для дыхания: на суше скелет кита не выдерживает веса мышц и жирового слоя, между тем как в плотной водной среде он отлично служит киту. Однажды мы извлекли из воды китенка, чтобы выкармливать, так пришлось поместить его на особые носилки, иначе его сокрушил бы собственный вес, а ведь китенок был относительно невелик.

Еще одна проблема, стоявшая перед великими рептилиями мезозоя, — пища. Для такого гиганта, как бронтозавр, требовалось огромное количество корма. Даже слон поедает в день 300 — 400 килограммов. Бронтозавру было трудно прокормиться уже потому, что голова его была смехотворно мала для такого огромного туловища. Ведь это очевидно: чтобы не околеть с голоду, чудовище весом 30 тонн с головой не больше лошадиной должно есть непрерывно!

Усатые и зубатые киты не знают таких проблем, у них огромные головы и под стать им пасти. Усатые киты питаются, процеживая воду с миллионами крохотных морских организмов через прикрепленные в два ряда к верхней челюсти роговые пластины с бахромой. Такой способ не требует от кита заметных усилий*. Он попросту плавает с открытой пастью и глотает отцеженную добычу, а вода выливается.

Труднее дается добыча пищи кашалоту. Это зубатый кит, причем в нижней челюсти у него зубов больше, чем в верхней. Добычу кашалота составляет, в частности, гигантский кальмар, обитающий на глубине 500 метров и больше. Тут размеры кита оказываются несомненным преимуществом. Нетрудно представить себе, какая затрата энергии нужна могучей туше, чтобы достичь морского дна и схватиться с десятиметровым кальмаром.

Размеры и мощь китов делают их властелинами морей. А есть ли у властелина враги? Это как посмотреть... Начать с того, что человек давно охотится на китов, в том числе на самых крупных, таких, как голубой и финвал. Баски, одни из первых китобоев, так рьяно истребляли гладких китов *Eubalaena glacialis* (этот вид особенно уязвим из-за малой скорости — всего три узла), что их совсем не осталось у северных берегов Испании.

Правда, вплоть до XIX века аппетиты китобоев обуздывались сравнительно примитивными средствами охоты — парусные и весельные суда, ручные лебедки, слабые канаты, ручные гарпуны. В то время большие размеры опять-таки были для кита плюсом, ведь человек мог справиться лишь с менее крупными особями. В 1864 году, когда была изобретена гарпунная пушка, соотношение сил сразу изменилось. Отныне человек мог одолеть даже самого крупного кита, и гигантизм перестал быть преимуществом.

Но человек не единственный враг кита. Есть противники и в воде, и самый грозный из них — родич кита, косатка *Orcinus orca*. Косатка — зубатый кит, она меньше усатых китов и кашалотов, зато наделена огромной силой и свирепостью, не говоря уже о почти дьявольском уме. Стадо этих убийц смело нападает даже на самых больших усатых китов.

ИДЕАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ: ВОЗДУШНЫЙ ШАР

13 апреля. В 7 утра, взяв курс на Шаб-Араб, идем в конец залива по широкой дуге. Однако вскоре курс

меняется, потому что справа по борту, метрах в двадцати пяти, замечены три белых кита; можно подумать, что это белухи*. «Калипсо» разворачивается — увы, китов уже след простыл. Но тут же опять звучит сигнальный колокол. Кашалоты! Поразительно, кого только нет в Аденском заливе в это время года.

Начало охоты не очень многообещающее. Боясь потерять китов из виду, решаю идти к ним, а «Зодиак» спускаем на ходу. Фалько стреляет издали, попадает в цель, но гарпун отскакивает от скользкого бока млекопитающего, лишь слегка поцарапав кожу.

Тем временем Бонничи на «Зодиаке» догоняет группу из трех китов. На несколько минут отделяет детеныша, но родителей это не устраивает, они подплывают к своему отпрыску с двух сторон и уводят его.

Безуспешно продолжаем поиск, наконец в 2 часа новый аврал. Замечены совсем юный кашалотик и его мамаша. «Калипсо» подходит ближе, детеныш видит судно и, бросив мать, направляется к нам! Отдаю команду «стоп-машина». И не зря — винты останавливаются за считанные секунды до того, как детеныш пристраивается к «Калипсо» с правого борта. Мамаша идет за ним и занимает позицию неподалеку от «Калипсо», чтобы вступить за свое дитя, если ему будет угрожать опасность.

Ребята выходят на «Зодиаке», хотят пометить мамашу, но она поспешно уходит, словно угадав их намерения. Детеныш возвращается к ней, вместе они присоединяются к стаду, и мы теряем их из виду.

Сразу после обеда приглашаю на совещание Бебера, Лабана, Дюма и Марселлена. Все согласны, что стоит уделить побольше времени китам, мы отменяем предполагавшиеся исследования у Шаб-Араба и решаем посвятить еще три дня охоте на кашалотов.

Друзья выходят, а я остаюсь в каюте, чтобы немного поразмыслить о наших проблемах. Внезапно меня осеняет — аэростат! Надо прикреплять к киту не буй, а аэростат. Ведь он будет держаться не на воде, а в воздухе над водой, за ним гораздо легче следить и с «Калипсо», и с «Зодиаков». Подвесим к нему алюминиевую фольгу — можно ночью засекать радаром.

14 апреля. Симона не знает усталости, трудится, как пчела. Мало того, что она отвечает за провизию и порядок в кают-компании, ее все чаще можно увидеть на мостике, на «китовой вахте». Когда дежурит Симона, от ее глаза ничто не ускользнет. Надеюсь, фортуна ей не изменит — мне не терпится испытать аэростат.

КРАСАВЕЦ ФИНВАЛ

Первым 14 апреля мы обнаружили не кашалота, а финвала (он самый крупный среди китообразных после голубого кита).

Предоставлю слово дневнику.

Рано утром поблизости от «Калипсо» появилась большая стая дельфинов, и среди них кружило много молотоголовых акул.

Затем мы обогнули мыс Гвардафуй у входа в Аденский залив. Наши «Зодиак» носились наперегонки с тремя дельфиньими стаями, вдруг до нас донесся крик Бебера:

— Кит! Бросайте дельфинов, пошли за ним!

Море совсем гладкое, и «Зодиак» развивают до 15 узлов. Два часа длится погоня за китом, его длина 12 — 15 метров; по-видимому, это финвал. Хорошая скорость необходима, потому что кит, сделав вдох, тотчас уходит вглубь и пропадает на 10 — 20 минут. В конце концов, утомленный гонкой, он замедляет ход и начинает всплывать чаще.

Опытный китобой сразу отличит финвала от кашалота по фонтану. Мы пользуемся еще более броской приметой — у финвала спинной плавник широкий, изогнутый, а у кашалота торчит на спине, ближе к хвосту какой-то неровный гребешок. Их можно различать и по тому, как они ныряют. Кашалот уходит отвесно вниз, и напоследок видно торчащий из воды хвост; финвал ныряет под углом. Затем, кашалоты обычно ходят стадами, а замеченный нами сегодня кит, по-видимому, один. Вообще финвалы ходят поодиночке или по двое, по трое.

«Зодиак» Бебера подошел уже почти вплотную к пепельно-синей туше. Фалько стреляет... Попал! Кит бросается прочь, и мы видим, как гарпунный линь разматывается со скоростью 15 узлов. Ушли 50 метров полипропилена, осталось еще 300 метров голубого нейлона. Скоро узнаем, хорошо ли зацепился гарпун.

Бебер уже вернулся к «Калипсо», пришвартовывается — в это время линь провисает. Гарпун выскочил...

Все огорчены, больше того, обескуражены. Но это не мешает нам тотчас приступить к работе. «Калипсо» и «Зодиак» с операторами возобновляют погоню, а Бебер сматывает 800 метров линя и снова заряжает гарпунное ружье. И к тому времени, когда мы настигаем кита, Фалько уже готов. Поднимает ружье... Выстрел! Гарпун поражает цель, но острие не может пробить жировой слой. Бебер хватается за подводный арбалет — лопается стальная тетива! Тогда он берется за ручной гарпун.

Кит заметно утомлен, он сбавил ход до 8 узлов, идет на глубине 2 — 3 метров, и его ясно видно с «Зодиака». Вот всплыл за воздухом, Бонничи на своем «Зодиаке» преграждает ему путь спереди, и Фалько быстро сокращает разрыв. (Задача Бонничи не так уж проста: когда он занял позицию перед китом, могучий треугольный хвост ударил по воде у самой лодки.)

Подойдя поближе, Фалько размахивается и вонзает гарпун финвалу в левый бок. Острие пробивает кожу, но рукоятка гнется, как только кит устремляется вглубь. Гнется, однако не ломается. Выпустив 500 метров линия, Фалько крепит к нему большой красный буй. Все, что происходило до сих пор, только начало. Теперь охота разворачивается всерьез: Лабан и Делуар снимают проплывающего мимо кита под водой, Барский — с поверхности, а мы на борту «Калипсо» старательно записываем все происходящее.

«Зодиаки» явно раздражают финвала. Они жужжат у него над ухом, словно москиты, да и гарпун, учитывая его размеры, можно сравнить с жалом москита. Кит бросается то в одну, то в другую сторону. «Зодиаки» стараются не отставать, операторы идут справа от кита, аквалангисты — слева. Прыгают в воду перед зверем и снимают его, когда он проплывает мимо. Дыхание кита еще больше участилось, каждые 15 секунд он пускает фонтан, и пар видно издалека, несмотря на зной и сухой воздух.

Под вечер операторы возвращаются на «Калипсо». Фалько уже на судне, готовит маленький аэростат. Оболочку наполняют водородом, прикрепляют к ней алюминиевую «бабочку» — радарную мишень и длинным линем соединяют все устройство с буюм.

В это время к киту приближается другое судно, явно привлеченное видом парящего в воздухе аэростата. «Калипсо» совершает несколько отвлекающих маневров.

Марселлен и Дюма, захватив звукозаписывающую аппаратуру, идут за китом на «Зодиаке», что называется, по пятам. Вот один из приемов звукозаписи — подвесив микрофон на конце длинного шеста, они подносят его к дыхательным отверстиям финвала. Потом, прокручивая запись, мы слышим что-то вроде приглушенной канонады.

Перед нами поистине редкостный экземпляр. Редкостный прежде всего по своим размерам, ведь он крупнее встреченных нами в этом рейсе кашалотов. Кроме того, он красивее: у него великолепная голова (когда пасть закрыта, она смахивает на змеиную) и туловище не такое массивное, как у кашалота, с идеальными гидродинамическими обводами, даже элегантно на вид. И окраска более светлая, изящная, что ли.

Все калипсяне восхищаются «нашим» китом. И все сходятся в том, что с этим финвалом справляться куда проще, чем было с кашалотами. Несомненно, тут играет роль то, что финвал один, а не в стаде. Будь рядом сородичи, он не захотел бы от них отделяться.

— Кашалоты, похоже, только о том и думают, как бы уйти от нас и соединиться со своим стадом, — говорит Мишель Делуар. — Они даже готовы оттолкнуть нас, чтобы вернуться к сородичам. Этот кит ведет себя куда спокойнее. Ему не к спеху, он не торопится на свидание. И до чего же он хорош — в десять, в сто раз красивее любого кашалота. Поглядишь на эту плоскую голову, и можно поклясться, что он улыбается! Если смотреть на финвала анфас, он весь сплошная улыбка. То ли он такой добродушный, то ли юморист. Честное слово, из всех животных, которых мы видели, только этот финвал по-настоящему меня поражает.

Ночью несколько человек остаются на «Зодиаке», следят за буюм и аэростатом. Наги укрепил на аэростате мигалку, это облегчает им задачу. Несмотря на темноту, мы представляли себе, чем занят кит. Иногда он стоял на месте, а иногда делал бросок, развивая скорость 6 — 7 узлов.

Суббота, 13 мая. Сегодня работа организована так, чтобы извлечь возможно больше из нашей встречи с финвалом. Рано утром Барский и Делуар снимают «Калипсо» и аэростат, потом начинается подводная съемка кита. «Зодиаки» повторяют вчерашние маневры. Одна лодка преследует финвала, он уходит вглубь, снова всплывает чуть севернее и потом идет на восток. Делу ар снимает подводной камерой. Барский работает с другого «Зодиака» обычной камерой.

Все идет гладко. Слишком гладко, говорю я себе... И вот — вмешательство случая. Финвал описывает дугу вокруг одного из «Зодиаков», и гарпунный линь наматывается на винт. Происходит нечто поразительное: кит ныряет и тянет лодку за собой. Представьте себе, какая сила нужна, чтобы увлечь под воду такую большую надувную лодку! Хорошо, Фалько не теряет присутствия духа. Он мгновенно передает камеры и прочее снаряжение на другой «Зодиак», затем обрубает линь. Финвал на свободе, а иначе мы потеряли бы «Зодиак».

Пожалуй, вчера, говоря о «добродушии» нашего кита, мы провинились в антропоморфизме. Несомненно, финвал к нам совершенно безразличен. И сейчас он как ни в чем не бывало плывет дальше по своим делам.

Аквалангист, покинув катер, приготовился встать на голову финвала

Зато Фалько присуще большее постоянство. Как только винт освобожден от лinya, он бросается вдогонку за китом. Ему снова удастся поразить зверя гарпуном. И опять, как вчера, «Калипсо» старается не отстать от финвала и «Зодиак».

Боясь что-нибудь упустить, Делу ар прыгает со своей камерой в воду. Небывалый случай — впервые человек наблюдает и снимает финвала под водой. Аи да Мишель! Впрочем, Бонничи не отстает от него — ухватился за спинной плавник кита, и зверь его тянет, словно какой-нибудь чудовищный паровоз. Тоже случай небывалый! Барский присоединяется к друзьям и снимает акробатические трюки Бонничи.

Тем временем Лабан и Бебер щелкают под водой фотоаппаратами. Пленка запечатлевает длинное изящное туловище. Один раз фотографии подплыли к финвалу так близко, что видели обращенный на них огромный глаз с одного метра.

Под вечер «Зодиак» Барского направляется к «Калипсо» — и опять винт захватывает гарпунный лить. Не желая рисковать, Фалько тотчас перерубает лить, и Барский уже с палубы «Калипсо» снимает наше прощание с бравым финвалом, который все так же безучастно (кажется нам) уплывает вдаль.

После обеда Бебер, Дюма, Лабан и кинооператоры собираются вместе, чтобы обсудить снятый материал и решить, чего им не хватает.

— Финвал, — говорит Лабан, — смотрится повнушительнее, чем кашалот. Он ведь крупнее, в нашем экземпляре, наверно, было метров пятнадцать. И еще, аквалангисту огромная квадратная голова кашалота кажется какой-то уродливой, что ли. На нее же приходится чуть не треть всей длины зверя. Как будто творец ошибся в пропорциях и бросил работу, не довел ее до конца. А у финвала голова красивая, аккуратная, после кашалота ее воспринимаешь как приятный сюрприз.

В пользу финвала говорит также его смиренный нрав. Возможно, на самом деле он и не такой уж кроткий, но все равно, укусить он не может, у него нет зубов. Зная это, аквалангисты смелее приближались к финвалу и обращались с ним куда более вольно, чем с кашалотом. Ведь при встрече с кашалотом поневоле вызывает оторопь зрелище поблескивающих в воде огромных зубов. Но и финвал отнюдь не беззащитен. У него есть свое оружие, грозное оружие, которое он пускает в ход против акул и косаток, — исполинский хвостовой плавник. Бебер называет его мухобойкой. Мухобойка финвала может одним ударом расплющить человека.

— Пока находишься впереди финвала, — говорит Делуар, — бояться нечего. Вообще в передней части туловища нет ничего страшного. А прошла мимо половина туловища, тут самое время подумать об осторожности, вспомнить, что под водой ты вовсе не такой поворотливый, как на суше. И уж как завидишь извивающийся хвост, эту махилицу, — лучше посторониться. Не то он обрушится на тебя, словно тонна кирпича.

ГОРБАЧ И СЕРЫЙ КИТ

Да, кит киту — рознь. И у великанов есть различия. Финвал, как мы только что убедились, отличается огромными размерами и индифферентным нравом. Горбачи (мы снимали их у Бермудских островов) изяществом и грацией напоминают в одно и то же время ласточку и «Боинг-707». Их длинные белые ласты, которые служат для поворотов, похожи на крылья. В отличие от финвала горбач не плывет по прямой. А от кашалота его отличает то, что горбач охотно подпускает к себе человека, иной раз даже сам задевает аквалангиста, кружа под водой и покачивая длинной цилиндрической головой с покатым подбородком. Кстати, горба у горбачей нет, а названы они так потому, что показывают загривок и спину, когда ныряют.

Стоит ли удивляться, что у калипсян неодинаковые симпатии в мире китов. Они довольно близко познакомились с китами, и одни виды им не по душе, зато другими они восхищаются.

Больше всего пришились нам по нраву серые киты, вместе с которыми мы провели не один месяц в калифорнийских водах.

— Когда я впервые увидел серого кита, — рассказывает Филипп Кусто, — я прыгнул в «Зодиак» и схватил кинокамеру. Зашел спереди и сразу же нырнул, впопыхах даже забыл надеть акваланг. Я чуть не сел на кита верхом, а ему хоть бы что, он и не подумал сворачивать. Сперва я смутно различил огромную пасть, это было что-то невероятное. Потом мимо меня проследовало туловище. Движения удивительно плавные, слитные, на элементы не разобьешь. Просто поразительное впечатление гидродинамического совершенства и неодолимой мощи. Как я ни старался, не смог поспеть за ним, хотя он вовсе не торопился. Так и пропал он вдали. Я вернулся на «Зодиак», надел акваланг и снова нырнул. Но чары были нарушены. Надо думать о камере, об углах съемки, об акваланге, где уж тут любоваться. И все же меня не покидало чувство, что на какой-то миг между мной и китом возникло полное взаимопонимание.

Да, встреча с китом в его стихии совсем не то, что общение с поверхностью! «Зодиак», подводные ружья, буи, конечно же, влияют на восприятие китом человека. Мы не знаем, как именно они влияют, зато знаем, что испытываем сочувствие, симпатию, что-то вроде взаимопонимания, общаясь с этим животным

без посторонних предметов.

Филипп утверждает, что ни разу не встретил кита, который проявил бы даже намек на враждебность. Правда, Филипп не работал с китами, меченными гарпуном, пусть даже совсем легким, каким пользовался Бебер. (Нужно ли говорить, что Филипп не одобряет мечения китов. Так, он решительно восстал против мечения горбачей у Бермудских островов.)

— Готов поклясться, — говорит Филипп, — они знают, какие мы малосильные. Ведь один удар хвостом, плавником, головой — и человека нет. Но киты никогда не нападают. Меня всегда поражает их миролюбие. Они уступают нам дорогу и не мечутся, как это делают рыбы, а отходят в сторону плавно, не спеша...

Известно, что многие черты поведения китов определяются сексуальным инстинктом. Одна серая китиха довольно странно повела себя, когда к ней подплыл Филипп: она ходила перед ним взад-вперед, и внешние признаки говорили о сексуальном возбуждении. Может быть, приняла наш «Зодиак» или аквалангиста за странных морских животных, которые могли бы стать ее партнерами? (Нечто похожее мы наблюдали у дельфинов.)

Так или иначе, для этих подводных встреч характерен несомненный взаимный интерес двух живых существ, двух млекопитающих. Как ни велика разница между человеком и китом, они друг другу не совсем чужие.

КОГДА КИТ СТРАНСТВУЕТ

Киты любят странствовать. Могучий инстинкт влечет их зимой в более теплые экваториальные воды, а летом — в арктические и антарктические области.

Китобои пользовались этим, они нападали на кочующие стада и безжалостно истребляли животных. И все же очень мало известно о подробностях китовых миграций, о поведении китообразных во время их тысячемильных странствий в океане.

Мы задумали сопровождать китов, и не просто сопровождать, а возможно ближе следить за ними и снимать их, используя наши «Зодиак» и акваланги.

Для таких наблюдений отлично подходил калифорнийский серый кит, который в январе направляется из Арктики на юг, к Калифорнийскому полуострову, — там происходит брачный ритуал, и там рождаются детеныши.

Приведу вкратце рассказ Бернара Делемотта об одном из самых драматичных эпизодов трехмесячной экспедиции в Тихом океане.

«23 января 1968 года. Два часа дня. «Зодиак» спущен на воду, кинокамеры лежат на своих пенопластовых подушках. Опера-хор — Ив Омер. Он уже облачился в гидрокостюм и занял место у левого борта, готов в любую секунду схватить камеру и прыгать в воду. Фалько стоит на самом носу.

Начинаем преследовать нашего артиста — это крупный серый кит, и плывет он, увы, очень быстро, что осложняет нам работу. Но сдаваться нельзя, через два часа будет уже слишком мало света для подводной съемки. Скорость 5 — 6 узлов позволяет нам не отставать от животного, а когда он всплывает за воздухом, мы сокращаем просвет. Ив уже трижды прыгал в воду, но никак не может угадать в нужную точку. Чтобы удовлетворительно снять голову кита, надо рассчитать все чуть не до долей секунды. Войдет аквалангист слишком рано в воду — кит успеет свернуть в сторону; опоздает — на пленке будет только туловище и хвост.

Мы решили нырять лишь тогда, когда будем совершенно уверены в точном попадании, пусть даже из-за этого упустим несколько случаев.

Погоня продолжается. Увлекательное это дело, хотя при каждом ударе о волну впечатление такое, будто мы врезались в каменную стену. Каждый раз, когда кит всплывает, мы все ближе подбираемся к нему. Сейчас нас разделяет всего 50 метров. Всплыл! Прибавляю ход, идем почти вровень. Кит ныряет, но я вижу его, он ушел вглубь от силы на 8 — 10 метров, можно различить все движения могучего туловища.

Беберу Фалько на носу видно лучше, чем мне. Он жестаами показывает мне, как рулить, чтобы держать «Зодиак» прямо над зверем. Ив не выпускает из рук камеру, ведь кит может всплыть в любую секунду. И мы не должны его прозевать.

Рокот мотора явно досаждал киту, он поворачивает вправо, влево. Благодаря острому зрению Бебера мне удастся поспевать за животным. Вот он пошел вверх. Выключаю мотор, а Ив Омер, сжимая в руках кинокамеру, уже занес ногу над бортом.

Вдруг слышу крик Бебера:

— Берегись!

Поздно. Слышно гул, как от огромного водопада. Выдох кита? Или всплеск рассекаемой им воды?

В каких-нибудь 3 — 4 метрах от «Зодиака» вздымается над водой чудовищная голова, выше, выше, рядом с лодкой появляется могучая черная туша, между тушей и мной мелькает нога Ива...

Я так и не успел разобрать, отчего был такой гул. Потому что в следующий миг зверь задел «Зодиак» и нас с Омером вышвырнуло за борт. По давлению в ушах я понял, что мы погружаемся все глубже и глубже.

Я не терял сознания и погружался с открытыми глазами, но кругом был крошечный мрак. Попытался плыть, но руки-ноги почему-то не слушались. Меня прижало к живой стене.левой щекой я ощущал прикосновение мягкой кожи. Это было туловище кита, но только с одной стороны, а что же меня к ней прижало?

И тут мне все стало понятно. Я погрузился вместе с «Зодиак», и теперь мы оба стремились к поверхности. Я попал в ловушку между лодкой и брюхом кита.

Первой моей реакцией была ярость. И правда, как не разозлиться: благополучно пережил столкновение со зверем, а теперь могу погибнуть потому, что надувная лодка держит меня под китом!

Вдруг я почувствовал, что руки и ноги освободились. Оттолкнулся ногами — пошел вверх, прямо вверх, будто по трапу. Казалось, подъем длится целую вечность, я задышался...

Наконец высунул голову из воды. И услышал крик:

— Нога, моя нога!

Голос Ива. Он был пристегнут к «Зодиак» страховочным концом и всплыл вместе с лодкой, но запутался в лине и теперь барахтался в воде метрах в десяти от лодки.

Я закричал в ответ:

— Держись, иду к тебе!

Поймал его за руку, забрался на «Зодиак», потом помог влезть Омеру. А сам старался не глядеть на его ноги: вдруг одна из них раздавлена, а то и вовсе оторвана...

К счастью, обошлось без таких ужасов. При столкновении ногу Ива зажало между туловищем кита и надувной секцией «Зодиака», и воздух смягчил удар. Конечно, ушиб был основательный, но кости уцелели.

Бебер отделался благополучнее, чем мы. Он успел прыгнуть за борт, но забыл про страховочную сбрую, и его протащило под водой около 20 метров, пока не лопнул карабин.

Быстро подошел второй «Зодиак» и отбуксировал нас к «Калипсо». На палубе нас ждали слегка побледневшие друзья. В отличие от нас они отчетливо видели, как все произошло. Кит выскочил из воды и с грохотом шлепнулся обратно. А когда вода успокоилась, на поверхности ничего не было: ни кита, ни «Зодиака», ни людей. Не меньше 15 секунд прошло, прежде чем «Зодиак» появился снова в 50 метрах от того места, где пропал. Потом над водой показалась голова... Вторая... Третья.

Мы не склонны придавать большого значения этому инциденту, хотя, по чести говоря, встряска была изрядная.

Подводим итоги: у Ива Омера вывихнуто колено, у «Зодиака» порвана одна надувная секция, сплюснен бензобак, деревянный настил разбит в щепки».

СПАСЕНИЕ ВИДОВ

Как видно из рассказа Бернара, гоняться за китом не всегда безопасно. До этого случая нам попадались сплошь миролюбивые киты; правда, здесь, в Тихом океане, мы работали с серыми китами *Eschrichtius gibbosis*.

Мой сын Филипп заинтересовался ими еще до 1968 года. В начале нашего века этому виду грозило полное истребление, теперь он охраняется международной конвенцией. Принятые меры оказались настолько действенными, что теперь вид процветает, и в последние годы было выдано разрешение на добычу 600 серых китов. Всего же их, по примерным оценкам, насчитывается 20 тысяч*.

Лето серый кит проводит в холодных водах, кормится планктоном в Беринговом море, в Арктике, у берегов Северной Азии,

Северной Америки. Зимой он приходит к берегам Мексики, в теплые калифорнийские воды.

Путь серого кита пролегает вблизи калифорнийских берегов, поэтому его странствия изучены лучше, чем миграции других видов. Толпы людей собираются на берегу, чтобы посмотреть на так называемый парад Моби Дика. За день на юг, к Калифорнийскому полуострову, проходят 40, 50, а то и 75 китов, и на западном побережье США, наверно, нет более увлекательного зрелища.

В Сан-Диего энтузиасты организовали общество для наблюдения и охраны серого кита. Защитники китов внимательно следят за ними с вышек, и, если зверь нечаянно забредает в какую-нибудь гавань,

люди помогают ему выбраться на волю.

Причина миграции серых китов очевидна: одни идут в теплые мелкие воды мексиканских бухт, чтобы совершить брачный ритуал, другие — чтобы произвести на свет потомство. В XIX веке их нещадно истребляли китобои, и особенно отличился некий капитан Чарлз Мелвилл Скаммон, которому удалось обнаружить место размножения серого кита. Но после того как вид взяли под охрану, в защищенных бухтах опять стало появляться много животных обоего пола. И мы надеялись, что сможем поближе исследовать их в этих водах.

Причем время свиданий можно было намечать чуть ли не заранее, ведь по миграциям серого кита можно часы проверять. Ежегодно в определенный день их можно видеть всегда в одном и том же месте. И в один и тот же день они проходят через Берингов пролив *.

ФИЛИПП НА РАЗВЕДКЕ

Чтобы разведать обстановку, Филипп в феврале 1967 года прибыл в Сан-Диего. «Калипсо» в это время была далеко, в Индийском океане, и Филипп арендовал для рекогносцировки небольшой самолет, после чего пригласил Уолли Грина и специалиста по серым китам профессора Теда Уокера пролететь вместе с ним над западным побережьем до Мексики.

Прежде всего Филипп хотел выяснить, где можно будет снимать серых китов. Он собрал много полезных данных. Правда, снаряжать экспедицию и следовать за мигрирующими китами было уже поздно, поэтому Филипп решил подыскать на полуострове Калифорния самую подходящую для наблюдений и съемок бухту.

Завершив рекогносцировку, Филипп присоединился к нам в Индийском океане. Его увлеченность могла кого угодно заразить, и он без особого труда убедил меня, что есть полный смысл в следующем году организовать экспедицию для съемок калифорнийских серых китов.

Сперва мы задумали идти за китами от Сан-Диего дальше на юг. Но плотный график работ не позволял «Калипсо» поспеть в Сан-Диего к январю. Поэтому я решил арендовать небольшое судно «Поларис III» и поручил Филиппу возглавить этот этап работ.

НАЧАЛО

«Поларис III» вышел из Сан-Диего 16 января 1968 года. Кроме обычного экипажа на борту находился седобородый ученый Тед Уокер. Страстно увлеченный китами, он оказал нам неоценимую помощь.

Мигрирующие киты шли небольшими группами, держась преимущественно в водах, где глубина не превышала 220 метров. «Поларис III» поспел вовремя, и без труда удалось обнаружить группы китов — фонтаны сразу выдают их.

Стоило какой-нибудь группе заметить, что она обнаружена, как киты дружно ныряли. И не просто ныряли! Один кит оставался на поверхности впереди «Полариса III», чтобы увести судно по ложному следу, а остальные делали под водой поворот на девяносто градусов.

Эта уловка (ни у кого из китобоев она не описана) говорит об удивительной степени взаимопонимания и общения в группе. В самом деле, откуда кит узнаёт, что именно ему надлежит отвлекать внимание преследователя, пока уходят его товарищи?

Еще более удивительно, что киты сразу же применили эту уловку так, словно репетировали ее или не раз прибегали к ней в прошлом.

И это не единственный трюк в их репертуаре. В одном случае оставленный на поверхности кит разыграл целый спектакль — ушел под воду и вынырнул уже за кормой «Полариса», явно рассчитывая сбить людей с толку. Иногда «дежурный» кит всплывал слева по борту, иногда — справа. Словом, вариантов много, киты не держатся жесткой схемы, а применяются к обстоятельствам.

Уже это, по-моему, признак того, что киты каким-то образом сообщают друг другу такие абстрактные понятия, как «влево», «вправо», «вверх», «вниз», вместе с командой о маневре.

ОНИ СПЯТ, НО НЕДОЛГО

Встретившись с новым для нас видом, к тому же таким сообразительным, отряд на «Поларисе» вынужден был начинать, как говорится, с азов, отрешившись от всего, что нам в 1967 году с великим трудом удалось узнать в Индийском океане о кашалотах. Скажем сразу: снять под водой серого кита, идущего по миграционной трассе к Калифорнии, так и не удалось. Когда ни прыгнет оператор в воду, кит всегда оказывается от него метрах в двенадцати — пятнадцати. Ведь на то, чтобы сориентироваться и рассмотреть что-то под водой, уходит не меньше пяти секунд, а этого серому киту вполне довольно. Вильнул хвостом и ушел, словно его и не было.

Рейс вдоль калифорнийского побережья продолжался довольно долго. И целый месяц

понадобился экипажу «Полариса», чтобы пометить кита и проследить за его поведением во время миграции. Зато были получены некоторые важные данные, например:

серые киты спят урывками, по полчаса, 6 — 7 раз в день;

всю ночь напролет они плывут без остановки;

во время миграции они не постыются; прежде на этот счет были разные взгляды, теперь все сомнения отпали;

когда кит ходит по кругу на мелководье, где у поверхности скопился планктон, очевидно, он принимает пищу. Судя по всему, море у берегов Калифорнии изобилует излюбленным кормом китов.

Чтобы дать вам представление о проблемах, с которыми столкнулся отряд Бернара Местра во время первой экспедиции за серыми китами, приведу выдержки из экспедиционного дневника.

ОПАСНЫЙ ЭПИЗОД

23 января. В открытом море у Сан-Диего встретили огромные поля морской капусты — тихоокеанской водоросли, достигающей 20 с лишним метров в длину. Мы уже заметили, что серые киты любят кувыркаться в зарослях морской капусты; вот и сейчас два зверя предаются этому развлечению.

Нам хочется их снять, и наше желание исполняется. Море совсем гладкое. Неподалеку видим несколько фонтанов. «Поларис» сбавляет ход. Бесшумно спускаем на воду «Зодиак», идем на веслах среди водорослей. А киты все кувыркаются и ничуть не робеют. Будут отличные кадры!

24 января. В 9 утра прямо под «Поларисом» проходит кит, и все наши кинолюбители перевешиваются через поручни со своими камерами.

Около 10 утра начинаем преследовать одиночного кита, идущего на юг. Фалько поражает его гарпуном, к которому прикреплен мешочек с флуоресцеином. Это вещество поможет нам следить за зверем, мы заранее определим, где он всплывет. Еще одна новинка, ее надо опробовать и усовершенствовать.

Кит всплывает все чаще, теперь уже через каждые 35 секунд. Он встревожен, нервничает. Поравнявшись с Минсон-бичем (так называется большой пляж под Сан-Диего), мы тоже начинаем нервничать, как бы кит не застрял на мели, ведь глубина всего около 7 метров.

И еще одна тревожная минута. «Зодиак» на полной скорости догоняет кита, затем мотор выключают, и последние метры лодка проходит по инерции. Ребята видят кита под собой, он замер на глубине 3 — 4 метров. Вдруг устремляется вверх, прямо к «Зодиаку». Делемотт и его товарищи видят обращенный на них глаз. Похоже, что он выражает любопытство. Кит подходит еще ближе, словно хочет получше разглядеть людей. А затем левым ластом поддевает «Зодиак» вместе с аквалангистами, поднимает на метр над водой и внезапно отдергивает плавник. Лодка шлепается на воду, но ребята вовремя легли на дно, поэтому их не выбросило за борт. И снаряжение не пострадало.

Жак Ренуар снимал этот примечательный эпизод с другого «Зодиака».

25 января. Почти всю ночь продолжали идти на юг, а на рассвете оказалось, что «Поларис» окружен китами!

Примерно в миле к югу от нас кит вздумал порезвиться и один раз весь, целиком выскочил из воды.

Около 8 утра начинаем преследовать группу из четырех китов; как обычно, они бросаются наутек. Может быть, до полудня удастся хотя бы одного из них зацепить гарпуном.

Берег совсем другой, чем был накануне. Вчера мы шли вдоль населенных мест, сегодня побережье пустынное, безлюдное, но места красивые. Очевидно, мы вошли в мексиканские воды. Берег плоский, зато островки прямо по курсу высокие, нам предстоит маневрировать между ними, следуя за китами.

В 10 утра замечаем группу из пяти китов, они ходят туда-сюда, часто всплывают и довольно высоко высовывают ласты из воды. Тед Уокер, поглаживая седеющую бороду, объясняет, что они, вероятно, делают попытки спариваться. Именно попытки, потому что у китов брачный ритуал сопряжен с немалыми затруднениями.

Пытаемся подойти поближе и поразить гарпуном одну самку, но она в 10 секунд избавляется от гарпуна, согнув его крючком.

И почему это наши гарпуны постоянно выскакивают? Зубцы слишком короткие? Или чересчур длинные? Но ведь острие проникает в жировой слой...

В этом случае гарпун пробил кожу под углом и, вероятно, выскочил под напором воды. После короткой дискуссии решаем повторить попытку с тем же ружьем, не меняя гарпуна.

Филипп хочет сам попробовать, и мы преследуем очередную группу. (Выбирать есть из чего!)

Небо нахмурилось, море притихло. Наверно, ночью пойдет дождь. Мы идем всего в четверти мили от берега, и нас сопровождает стая дельфинов.

В 4 часа дня Филиппу представляется возможность испытать себя в роли гарпунера. Кажется, промах: кит уходит. Однако,

выловив гарпун, мы убеждаемся, что Филипп не промахнулся. Наконечник пробил кожу зверя, но выскочил: зубья не зацепились в жировом слое. Может быть, они недостаточно широко раздвинуты? Нам упорно не везет.

Часом позже видим еще одну группу в четыре кита и спешим вдогонку. Но эти киты, похоже, уже встречались с нами. (Поди отличи одну группу от другой!) Во всяком случае, они не подпускают нас близко.

Здесь мелко, дно каменистое. Идем с включенным сонаром* медленно, осторожно, чтобы не напороться на камни.

В 17.20 с идущего неподалеку «Зодиака» сообщают по радио на «Поларис», что Каноз поразил кита гарпуном, но линь намотался на винт и его пришлось обрубить. Тед Уокер считает, что сорокасильный мотор слишком мощный, выключишь — не сразу остановишься, оттого и вышло так.

Нырляльщику удалось ухватиться за хвост финвала

26 января. Пасмурное холодное утро. Море за ночь разгулялось, с юго-востока идет большая зыбь. Не обходится без неприятностей — разбитые тарелки и прочее.

Впереди нас — азимут 170 градусов — плывут группами киты.

Ночь мы провели на якоре у островка Сен-Мартин. На нем обитают птицы, миллионы птиц, преимущественно пеликаны и бакланы, а также колония морских львов. И несколько людей: на свободном от пернатых и ластоногих конце острова обосновались рыбаки. Поучительный пример мирного сосуществования.

Несмотря на скверную погоду и качку, Каноз попадает гарпуном в кита, и вот уже по поверхности моря скачет красный буй. Но линь опять рвется. Возможно, на этот раз виноваты острые раковины морских желудей — они паразитируют на спине серого кита, и от них она такая крапчатая.

Отмеряем еще 80 метров линия для новой попытки. Рядом отмель, глубина всего полтора метра; ее сразу

видно по бурунам.

На клочке суши отдыхают тысячи птиц. Заметив нас, они взлетают с оглушительными криками.

РУЧНОЙ ГАРПУН

Следуем за пятеркой китов, потом — за тройкой. Выстрел — цель поражена, но гарпун опять не держится. Все наши гарпунеры и кандидаты в гарпунеры клянутся, что больше никогда не будут пользоваться норвежским гарпунным ружьем. Во всяком случае, сегодня. Решаем перейти на добрые старые ручные гарпуны, какие применялись китобоями прошлого века. На борту «Полариса» нашелся один такой гарпун.

Тед Уокер, похоже, никогда еще не работал с отрядом, который был бы настолько предан своему делу, да он и сам трудится с огромным увлечением.

Примерно в двух милях появляется восьмерка китов, вахтенные тотчас их замечают. «Зодиак» выбирает конкретный объект и начинает преследование. В 14.15 Каноэ, как положено гарпунеру, стоя на носу «Зодиака», бросает гарпун с такой силой, что рукоятка ломается, а сам Каноэ чуть не падает за борт прямо на спину кита. Но острие сидит прочно, и мы видим извивающиеся в воде красные ленты — еще одна метка, которая поможет нам следить за зверем. Увы, ленты не выручают. Кит уходит в пучину вместе с ними. Кто знает, может быть, мы их еще увидим в какой-нибудь из калифорнийских бухт...

27 января. Приближаемся к бухтам. Видно цепочки высоких песчаных дюн, придающих этим берегам сходство с пустыней.

У самого входа в бухту Скаммон над водой вздымается остров Сед-рос. Эту ночь мы стояли на якоре перед ним. А в 7 утра снова двинулись на юг мимо медных от утреннего солнца, рыжих и желтых скал Седроса. Высокие гребни теряются в пухлых белых облаках.

«Зодиак» приступают к охоте. Но нас отвлекает весьма общительный и фотогеничный морской лев. Филипп и Бернар Делемонт не могут устоять против его приглашения поиграть с ним. Выключают мотор, чтобы не пугать зверя, потом ныряют и резвятся вместе с ним. Превосходные кадры, да только не за этим мы шли в Калифорнию.

Похоже, что возле острова Седрос мигрирующие серые киты делятся на два отряда. Одни проходят между островом и материком в бухту Скаммона. Другие продолжают путь в открытом море до бухт Матанситы или Магдалены. А некоторые добираются до южной оконечности Калифорнийского полуострова.

«Поларис» идет за теми, которые направляются дальше на юг. Мы испытываем новую тактику для «Зодиаков», подкрадываемся к китам без рывков, когда они сбавляют ход. Вроде бы получается неплохо, один «Зодиак» подошел к киту ближе, чем когда-либо, на 8 — 10 метров, но тут рулевой не выдержал, прибавил обороты — и тотчас кит исчез.

Еще один вариант: приметив двух китов, совсем выключаем мотор и пробуем подойти на веслах. Но животные то ли видят, то ли чуют нас и мигом скрываются.

В час дня возвращаемся на «Поларис» усталые, голодные, приунывшие. Неужели зря проделали весь этот путь? Нет, не может быть! После обеда мы должны загарпунить кита, чего бы это нам ни стоило.

И мы добиваемся своего. Под вечер после удачного выстрела гарпун вонзается в жировой слой кита, и зверь мчится дальше, волоча за собой буй. И льинь выдерживает — целых две минуты.

Как не пасть духом от такого невезения!

ЩЕЛЧОК ПО ЛБУ

Что бы мы ни затеяли на «Поларисе», во всех делах непременно участвует Тед Уокер. Поразительное знание разных сторон поведения китов делает этого человека незаменимым для Филиппа и его товарищей. Он неутомим, всегда приветлив, всегда готов отвечать на вопросы. И его влюбленность в китов заражает других.

Для наших молодых аквалангистов профессор Уокер — «почтенный джентльмен», авторитетный специалист в таинственной области. Но Тед умеет создавать атмосферу непринужденности, и они забывают разницу в возрасте. Его нисколько не смущает, что мы живем на «Поларисе» в тесноте, как сардины в банке. Сдается мне, он при виде фонтанирующего кита попросту забывает обо всем на свете.

Чтобы предостеречь наших ребят от безрассудных действий, Тед рассказал, как его друг Рик Григг едва не погиб, работая в воде. Однажды Рик надел акваланг и прыгнул в море, а когда всплыл, увидел серого кита совсем рядом, рукой потрогать можно. И он потрогал. Кит вздрогнул, как лошадь вздрагивает, а затем Рик провалился куда-то в темноту.

Очнулся он уже на палубе яхты своего друга, вместе с которым вышел в море. Лоб Рика был рассечен ударом китового хвоста, облепленного острыми ракушками. На всю жизнь осталась у него метина в том

месте, куда пришелся щелчок...

ТЕХНИКА МЕЧЕНИЯ

Для мечения калифорнийских серых китов экипаж «Полариса» пользовался теми же средствами, которые были испытаны нами на кашалотах в Индийском океане. Причем наши гарпуны проникают даже на меньшую глубину, чем используемые Международной китобойной комиссией, а они считаются абсолютно безвредными, хотя подчас навсегда застревают под кожей, обволакиваясь свежим жиром.

Мы не признаем оружия, способного нанести животному настоящую рану, оттого-то нам было так трудно с мечением серых китов. У нас настолько легкие гарпуны, что киты, судя по всему, мгновенно избавляются от них.

Однако мало-помалу мы совершенствуем приемы мечения. Опыт показывает, что лучше всего держаться метрах в пятнадцати позади кита, пока он идет под водой, и ждать, когда он всплывет. И не мешает время от времени глушить мотор на несколько секунд, чтобы зверю было труднее определить, насколько приблизился «Зодиак».

Впрочем, в «охоте» на китов абсолютных правил не существует. Каждый член экспедиции привносит что-то свое. Одного отличает изобретательность, другого — быстрая реакция, третьего — физическая сила. И от каждого требуются стальные нервы.

ПАРАЗИТЫ

Как ни морочили нам голову серые киты, все члены отряда на «Поларисе III» полюбили их; полюбил и я, когда пришел туда на «Калипсо». Да и трудно не проникнуться симпатией к таким умным животным — привлекают же нас смысленные дети, несмотря на присущую им порой строптивость.

И ведь красавцем серого кита никак не назовешь. Туловище и могучий треугольный хвост словно испещрены оспинами — это метины от паразитов.

Наличие паразитов на китах связано с миграциями. В теплых водах они обрастают ракушками, которые часто принимают за моллюсков, хотя на самом деле это усоногие ракообразные Cirripedia. Рачки просверливают дырочки в нежной коже китов примерно так же, как их родичи прикрепляются к камням. Но как только кит переходит в холодные воды Арктики, паразиты отстают. Да и птицы помогают китообразным отделаться от «китовых блох». Есть и другие, полукруглые метины, вероятно оставленные челюстями миног*.

Рассказывают, что у берегов Северной Азии некоторые серые киты применяют хитроумный способ избавляться от всяких солено-водных паразитов — они принимают душ под скалами, с которых срываются в море потоки пресной воды**.

ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ

Существует ошибочное убеждение, будто киты спасаются от человека в холодных водах. На самом деле миграции вызваны не поисками безопасности, а температурой воды и наличием корма. Летом в Арктике и Антарктике особенно много планктона — мельчайших рачков, которыми питаются усатые киты. А в тропических морях зимой идеальные условия для брачного ритуала и рождения нового потомства.

В Антарктике летом, когда температура воды держится около нуля, китообразные находят множество криля *Euphasia superba*, составляющего их основную пищу. Те киты, которые летом уходят в Антарктику, зимой тоже мигрируют в тропики, только им, в отличие от нагуливающих жир в Арктике, для этого надо идти на север.

«Нам теперь известно, — пишет профессор Будкер, — что есть две популяции усатых китов — одна в северном, другая в южном полушарии; известно также, что они не смешиваются».

ГОРБАЧИ

Горбачей отличают не только длинные белые лапы и страсть к пеню, но и особенности миграции. В январе — марте они идут в Карибское море, в районы Пуэрто-Рико, Багамских и Виргинских островов. В апреле — июне ходят у побережья штатов Южная и Северная Каролина, западнее Гольфстрима. Некоторое время проводят на мелководье вокруг Бермудских островов, где нам представилась возможность заснять горбачей и записать их удивительные звучания.

После передышки около Бермудов они мигрируют на северо-восток, в сторону Исландии и Норвегии.

Постоянство маршрутов привело к тому, что горбачи сильно пострадали от китобоев, особенно вблизи

Ньюфаундленда и вдоль южного побережья Лабрадора, а также вокруг Новой Зеландии и Австралии.

К тому же охота на горбачей облегчается некоторыми особенностями их поведения. Они предпочитают прибрежные воды, плавают медленно, а когда происходит прием пищи или брачный ритуал, и вовсе не спасаются бегством от преследования. В этом мы сами убедились у Бермудских островов.

До недавнего времени горбачей немилосердно преследовали с вертолетами, сонарами, гарпунными пушками, и популяция быстро сокращалась. Шли в ход и компрессоры, ведь убитый горбач тонет, поэтому туши накачивают сжатым воздухом. Какое животное может устоять против такого напора техники?.. И если горбачи уцелели, то лишь потому что китобойный промысел, обрекая тот или иной вид на вымирание, подписывает и себе смертный приговор.

ПЯТИСОТСИЛЬНАЯ МАШИНА

Читая рассказы о встречах с китами, рассматривая сотни снятых нами кадров, сразу видишь, какую важную роль у китообразных играет хвост. Он и оружие (некоторые аквалангисты испытали это на себе), и движитель, позволяющий животному совершать дальние странствия. Подсчитано, что хвост кита мощностью равен 500-сильной машине.

Кто встречался с китом в воде, не назовет это преувеличением. Когда аквалангиста задевает корпусом кит, впечатление такое, словно толкнул мчащийся паровоз. К тому же ход такой могучей туши рождает в воде сильные завихрения, а удары хвоста вызывают волну. В первые секунды после прохождения кита невозможно пользоваться кинокамерой, так ее качает во все стороны вместе с вами.

О различии между тем, как двигается акула и как плывет усатый кит или кашалот, хорошо сказал Делуар. Акула ракетой устремляется вперед, изгибая все свое мускулистое туловище. У кита ход ровный, ритмичный. Его хвост с горизонтальными лопастями настолько силен, что в резких движениях нет нужды; кит работает хвостом медленно, плавно, словно поглаживая воду.

Под описание Делуара не подходит китовая акула *Rhincodon typicus*, с которой мы познакомились в Индийском океане. Хотя у нее, как и положено акулам, лопасти хвоста расположены вертикально, передвигается она так же размеренно и плавно, как кашалот. Видно, все дело в величине, ведь она самая крупная из акул и достигает в длину 12 — 15 метров. При таких размерах, надо думать, как бы ни был сконструирован хвост, совершать им резкие движения физически невозможно из-за сопротивления воды.

Надо самолично видеть ныряющего кашалота, чтобы оценить замечательное изящество движений его хвоста. Из всех китообразных только кашалот, прежде чем идти на дно, занимает вертикальную позу, и хвост его при этом вздымается над водой напоподобие огромных развернутых крыльев...

ПРЫЖОК ИЗ ВОДЫ

Хвост кита помогает ему передвигаться не только под водой, но и над водой. В моем журнале 24 января 1968 года записано:

«Под конец дня, когда слабое освещение уже не позволяло снимать, мы видели кита, который дважды полностью выскакивал из воды. Незабываемое зрелище! Как жаль, что оно длилось недолго! Да, мы должны всегда дежурить, не ослаблять внимания, сколько бы нам ни казалось, что уже нечего ждать».

В описанном случае речь шла не о кашалоте, а об усатом ките, скорее всего это был серый кит. Вероятно, все крупные китообразные ходят за кормом достаточно глубоко, при этом горизонтальные лопасти хвоста позволяют им быстро перемещаться от поверхности моря, где они запасаются воздухом, на глубину за пищу. Хвост можно сравнить и с рулем, и со стабилизатором или лежащим плашмя кормовым веслом. Словом, идеальное приспособление для морского организма.

Заметим, однако, что самка с детенышем идет медленнее, чтобы не потерять своего отпрыска, и все стадо в целом приравнивает свое движение к ее ходу.

Серые киты, которых мы долго наблюдали и с «Полариса», и с «Калипсо», и с «Зодиаков», обычно плыли со скоростью 4 — 5 узлов. Однако мы убедились, что потревоженный серый кит может развить и 10 узлов — во всяком случае больше 7 — 8 узлов, которые почти все цетологи считают пределом для этого вида.

Наконец, чтобы кит мог полностью выскочить из воды (смысл этого маневра нам еще не известен), он должен, по нашим подсчетам, разогнаться до 30 узлов. Кажется, самцы прыгают чаще, чем самки, и погружение, следующее за таким прыжком, длится от 4 до 15 минут.

Несмотря на мощь своего движителя и могучую мускулатуру, киты отнюдь не самые быстроходные обитатели морей. Менее крупные китообразные — косатка, дельфин и другие — достигают куда более высоких скоростей.

СКОРОСТЬ КИТА

Разные виды китов развивают неодинаковую скорость. У нас было достаточно возможностей замерить скорости китов в Индийском и Тихом океанах. Вот некоторые из наших данных:

Кашалоты и здесь являются чемпионами среди китов. Обычно они плывут со скоростью 3 — 4 узла, но, когда их потревожишь или рассердишь, развивают до 10 — 12 узлов. У Азорских островов был отмечен случай, когда загарпуненный кашалот тянул судно со скоростью 20 узлов.

Голубой кит весом 100 тонн, длиной 30 метров может 2 часа идти со скоростью 14 — 15 узлов; на 10 минут он способен развить ход в 20 узлов.

Финвалы достигают скорости 18 узлов. Есть сведения, что сейвалы развивают до 35 узлов, но мы ни разу не наблюдали такой скорости.

Горбачи относительно тихоходны. Обычная их скорость — 4 узла; потревоженные горбачи развивают 10 узлов и больше.

ЧЕМПИОН МИРА ПО ЗАДЕРЖКЕ ДЫХАНИЯ КАШАЛОТ — НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ НЫРЯЛЬЩИК

Кашалот — изумительный ныряльщик. В этом он, несомненно, нас превосходит. Хотя кашалот тоже теплокровный и дышит легкими, он наделен иммунитетом против физиологических нарушений, которые подстерегают человека под водой: глубинное опьянение, кессонная болезнь. Пока что этот иммунитет остается одной из тайн моря. Раскрыв ее, мы, быть может, сумеем лучше вооружить человека для подводной работы, поможем аквалангистам дольше и глубже находиться под водой.

Вот, напрягая все свои мышцы и вздымая над водой могучий хвост, кашалот приготовился к погружению — какой глубины он достигнет?

Обратимся опять к журналу, который я вел во время экспедиции «Калипсо» в Индийском океане.

Понедельник, 22 мая. За ночь нас снесло всего на 5 миль. Утром взяли курс на Шаб-Араб, но недалеко ушли. Очень скоро мы отклонились, чтобы посмотреть поближе на стаю дельфинов.

Вообще-то дело не в самих дельфинах. Просто мы уже заметили, что есть в море, так сказать, сборные пункты — точки, где скапливаются животные, и это, очевидно, обусловлено обилием пищи. Пища может быть в виде микроскопических организмов — мельчайших ракообразных, планктона, но она привлекает всех обитателей моря, даже кашалотов.

Вот и сегодня мы в 10.30 обнаруживаем группу кашалотов; они спокойно следуют куда-то по своим делам. Тотчас Делу ар занимает место на гарпунерской площадке, Барский присоединяется к нему. Фалько вооружился новым ручным гарпуном, он потяжелее прежних, только вот наконечник, к сожалению, не очень прочный. Ли спустился в подводную обсерваторию, Джек и Ален собрали все камеры, какие только удалось найти на корабле, и снимают, не жалея пленки.

Идя на сближение со стадом, мы высматриваем для себя первый объект — молодого кита, и Фалько с первой попытки поражает его гарпуном. Однако киту это не по нраву, и он освобождается от наконечника.

Объект номер два — взрослый кит. Нам удается подойти достаточно близко, но гарпун только задевает его и отскакивает. Несомненно, беда с нашими гарпунами в том, что они чересчур безобидны.

Намечаем третью цель — это огромный кит, самый крупный в стаде. Фалько вкладывает в бросок все силы. Я стою с ним рядом и вижу, как гарпун поражает кита в левый бок. Раздается необычный звук, словно хлопок, — это кожа кита лопнула, как барабан. А на вид такая толстая и крепкая!

Я точно знаю, что наконечник не дошел до чувствительных подкожных тканей. Он застрял в жировом слое; этот слой достигает в толщину 0,5 метра, а длина наконечника — всего 40 сантиметров. Удар нашего гарпуна для кашалота что булавочный укол. Однако он останавливается, потом идет по кругу, высунув голову из воды, словно хочет понять, что его укололо.

Внезапно он решает, что надо уходить, и делает стремительный рывок. Полипропиленовый линь разматывается так быстро, что слышно свист. Все 500 метров уходят, вот уже и красный буй, прыгая на волнах, уносится вдаль, провожаемый нашими взглядами. Начало обещающее.

Делуар выходит на «Зодиак», взяв с собой кинокамеру «Тегеа», а мы следим за кашалотом с «Калипсо». Он уже успел соединиться со своими; эта группа насчитывает семь-восемь зверей. Догнав их, Делуар прыгает с камерой прямо к китам. Для нашего фильма нужны групповые кадры.

Около часа наш кашалот не спеша ходит вокруг красного буя на 500-метровом поводке. Поначалу товарищи держатся поблизости от него, затем большинство уходит, остается только один, почти такой же крупный. Да и этот вскоре исчезает. Мы удивлены, даже разочарованы таким некомпанейским поведением.

Наши аквалангисты, уже вошедшие во вкус верховой езды на китах, вздумали теперь покататься на кашалоте. Кажется, нет ничего проще: он все так же спокойно ходит по кругу, словно цирковая лошадь на манеже. Но этот зверь только с виду смиренный. Заметил приближающихся людей, одно движение могучего хвоста — и он уже в 20 метрах от них. И снова начинает кружить.

Аквалангисты повторяют попытки, но понапрасну тратят силы. Наконец сдаются, и «Зодиак» подбирает их. Чтобы оседлать этого кита, нужно устроить под водой круговую засаду из десяти человек!

По радио отдаю распоряжение, чтобы «Зодиак» прекратили преследование. Ребята только вымотались до предела, а толку чуть.

КИТ НЫРЯЕТ

Около 4 часов дня кашалот решает изменить тактику. Он ныряет. 500 метров линия уходят под воду. А за ними и красный буй тоже.

Тут требуется небольшое пояснение. Наши буй по сути дела воздушные шары из толстого пластика. Французская газовая компания применяет эту модель, чтобы поддерживать на весу секции во время прокладки подводных газопроводов. На поверхности объем бую — 60 литров; следовательно, чтобы увлечь его под воду, нужна сила не меньше 60 килограммов. При этом буй не будет раздавлен, упругий шар сохранит свою форму и плавучесть, возвратившись на поверхность.

Итак, кит ушел на глубину около 500 метров, пробыл там минут пятнадцать, потом всплыл. И почти сразу мы увидели весело пляшущий на волнах буй.

Я тотчас послал людей на «Зодиаке», чтобы к первому бую прикрепили второй на 300-метровом лине. Дальше мы наполнили гелием аэростат и подвесили к нему алюминиевую фольгу, чтобы ночью можно было следить радаром за нашим китом.

Аэростат привязали к второму бую на стометровом лине. И едва управились с этим делом, как кит снова нырнул. Быстро исчез под водой первый буй, потом мы с тревогой увидели, как за ним последовал второй. А там — надо же! — аэростат тоже пошел вниз. До самой воды спустился, но затем вдруг начал подниматься. И поднимался до тех пор, пока не растаял в небесах, увлекая за собой обрывок лinya.

МЫ ТЕРЯЕМ НАШЕГО КИТА

Очевидно, кашалот погрузился на глубину более 800 метров. Но мы все еще надеемся на успех. Добавляем 300 метров лinya и третий буй, надуваем второй аэростат. Как только кашалот всплывает, Бебер опять вонзает в него гарпун, и мы цепляем третий буй.

Кашалот ныряет и топит оба первых бую, но третий остается и медленно скользит вперед по поверхности.

Точно сказать, какой глубины достиг кит, невозможно, ведь он не обязательно нырял отвесно. Правда, он всплывает недалеко от того места, где скрылся под водой; выходит, он погружался почти вертикально. Скажем так: глубина погружения была больше 800, но меньше 1200 метров.

С приходом темноты следуем за китом, ориентируясь по радару, как мы это делали в ночь с 12 на 13 мая с другим кашалотом. Но ветер свежеет, и частая волна затрудняет прием отраженного сигнала. Мы теряем аэростат на экране. Срочно налаживаем дежурство на «Зодиаках» у третьего бую. Бонничи дежурит первым и сообщает мне по радио, что ветер прижал аэростат к воде. А все потому, что мы не нашли материала, чтобы сделать жесткую раму для стабилизатора. На всякий случай Бонничи отцепляет аэростат от бую и привязывает к «Зодиаку», чтобы не потерялся.

Потом Бонничи докладывает, что третий буй вдруг перестал перемещаться. То ли кит избавился от гарпуна, говорит он, то ли задремал. На всякий случай решаем продлить дежурство до утра.

Вторник, 23 мая. На рассвете выбираем лinya и убеждаемся, что наш кашалот все-таки освободился от гарпуна. Один из трех зубцов, назначение которых — удерживать наконечник в жировом слое, сорван, рукоятка сломана. Стальной тросик, соединяющий с гарпуном нейлоновый лinya, держится на честном слове, но еще держится; видно, наконечник выскочил оттого, что острые зубцы прорезали кожу.

Нас ничуть не удивило, что кашалот освободился. Поразительно другое: наше хлипкое оружие — нейлон и кусочки металла — так долго удерживали Левиафана!

В ЛОВУШКЕ

Специалисты по китам немало обсуждали вопрос: как глубоко ныряет кашалот? В 1900 году немецкий ученый Кюкенталь назвал цифру 1000 метров.

Позже вывод Кюкенталья был подтвержден одним любопытным случаем. В 1932 году американское судно «Олл Эмерика», предназначенное для прокладки и ремонта подводных кабелей, работало в

открытом море у берегов Канады, в Британской Колумбии. Подняв с великим трудом поврежденный кабель, команда с удивлением обнаружила, что на нем висит туша кашалота. Очевидно, кит запутался в кабеле и утонул. И что замечательно, туловище не было раздавлено водой, хотя кабель лежал на глубине свыше тысячи метров.

Профессор Буджер пишет:

«...теперь как будто доказано, что кашалоты часто заходят на глубины около тысячи метров. Можно предположить, что запутавшийся в подводном кабеле кит очутился там в поисках пищи. Достаточно представить себе кашалота, который плавает над дном, вспахивая опущенной нижней челюстью верхние слои грунта».

(Кеннет Норрис в книге «Киты и дельфины» отмечает, что в 1957 году был обнаружен еще один кашалот, запутавшийся в подводном кабеле; глубина равнялась 1300 метрам. И позднее не раз отмечены такие факты.)

Заметим, что длина гарпунного линия не позволяет точно судить, как глубоко погрузился кит, ведь надо учитывать провисание.

Достаточно надежные эксперименты проведены норвежскими учеными. Изучая горбачей, они прикрепляли к гарпунам глубиномеры, и наибольшая глубина в серии из пяти экспериментов составила 400 метров, причем кит вернулся на поверхность так стремительно, что «полчаса тащил судно на буксире и пришлось усмирять его вторым гарпуном». Профессор Пауль Буджер описывает эти опыты в книге «Киты и китобой».

Наши наблюдения подтверждают, что разные виды китов ныряют на разную глубину. Погружаться в пучину их вынуждают поиски пищи. Естественно, усатому киту нет нужды забираться так глубоко, как кашалоту. Если взять криль, который является любимым блюдом многих китообразных, то ведь он держится близко от поверхности, образуя подчас большие скопления, и обычно не уходит глубже 100 метров.

Добыча кашалота — гигантские кальмары, обитающие на глубинах от 500 до 800 метров. Его и считают чемпионом по нырянию, хотя не исключено, что бутылконос ныряет еще глубже.

Добавим, что глубина погружения в какой-то мере зависит от размеров кита: чем крупнее зверь, тем лучше он ныряет. Следовательно, самка или молодой кит уступают в этом взрослому самцу.

ДЕВЯНОСТО МИНУТ НЕ ДЫША

Сколько может кашалот пробыть под водой не дыша? Собрано много данных, и общий вывод таков: крупные самцы могут задерживать дыхание от 60 до 90 минут.

Правда, чуть ли не во всех изученных случаях речь шла о преследуемых китах, которые спасались от погони, а потому старались возможно дольше оставаться под водой. Такие погружения не назовешь нормальными.

Кашалоты, изучавшиеся калипсянами, вряд ли испытывали настоящий страх, ведь им, к счастью, не надо было, борясь за жизнь, укрываться в пучине до последнего.

Вот запись, сделанная в журнале около острова Сокотра.

14 марта. За утро нам встретилось пять-шесть групп кашалотов, причем иногда в нашем поле зрения были сразу две группы. А станешь приближаться — ныряют; при этом нам несколько раз удавалось заметить «след» кита — нечто вроде маслянистой пленки, а, по-моему, это вовсе не пленка, просто вода выглядит так от движений хвоста.

Катера пытаются взять в кольцо финвалы

Бонничи и Фалько готовят буи и нейлоновый линь с гарпуном

Киты идут на глубину всего 5 — 10 метров, вообще-то они способны погружаться несравненно глубже. По 20 минут не всплывают за воздухом, хотя на поверхности им ничто не угрожает.

Нельзя сказать, чтобы поведение кита определялось строгими рамками. Когда кашалот резко перегибается и над водой взмывает его великолепный хвост, обычно это означает, что зверь уйдет на большую глубину. Но нередко мы видели, как кашалот ныряет без «группировки». Правда, в таких случаях глубина погружения чаще всего была умеренной.

Во время миграций усатые киты, как правило, глубоко не ныряют, разве что их потревожат или напугают.

Наблюдения, проведенные нами с «Калипсо» и «Полариса III», позволяют предположить, что серые киты задерживаются под водой гораздо меньше, чем кашалоты.

У тихоокеанского побережья Северной Америки мы собрали точные данные о длительности погружения серых китов, примерно определили и глубину. Максимальная длительность составила 8 минут 27 секунд; средняя — 2 — 4 минуты. Наибольшая глубина, по нашим подсчетам, равнялась 170 метрам. Собирал эти данные Бернар Местр, причем он работал чрезвычайно добросовестно.

Горбачи, по-видимому, лучшие ныряльщики, чем серые киты. По нашим данным, они задерживаются под водой от 10 до 15 минут. Похоже, только финвал может оставаться под водой дольше кашалота; мы судим по экземпляру, которого метили в Индийском океане*.

Еще больше, чем глубина и длительность погружений кита, меня поражает то, что каким-то непостижимым образом он знает, что происходит на поверхности, и действует соответственно. Яркий пример — все тот же финвал, за которым мы безуспешно гонялись около Маэ. Идя под водой, он каждый раз точно знал, где находится «Калипсо», где «Зодиак», а где катера, даже если моторы были выключены.

МИОГЛОБИН

У разных млекопитающих неодинакова способность задерживать дыхание. Кошки, собаки, кролики могут не дышать 3 — 4 минуты, мускусные крысы — 12, тюлени и бобры — 15 минут.

Словом, наземные млекопитающие, как и морские, тоже умеют задерживать дыхание, просто у них эта способность меньше развита. Да и то бобры могут не дышать дольше, чем серые киты.

Чем же объясняется неоспоримое превосходство кашалота в этом смысле?

Казалось бы, ответ напрашивается сам собой: легкими. Но это не так. Легкие кашалота вполне соответствуют его габаритам. Другое дело, что кашалот гораздо энергичнее, чем другие млекопитающие, вентилирует легкие. Всплыв, он обновляет 80 — 90 процентов воздуха в грудной клетке; человек при вдохе-выдохе — 20 процентов.

Далее, у кашалота очень мала частота дыхания — шесть вдохов в минуту. И еще ниже эта цифра для усатых китов — один вдох в минуту.

Крупных китообразных отличает темная, почти черная окраска кожи. Мы считали такую окраску у морских млекопитающих приметой хорошего ныряльщика. Дело в том, что она вызвана наличием

миоглобина в системе, связывающей кислород в мышечных тканях*. И тут мы подходим к наиболее вероятному объяснению, почему именно кит может так долго задерживать дыхание.

По данным профессора Грассе, 34 процента кислорода, расходуемого ныряющим человеком, поступает из легких, 41 процент — из крови, 13 процентов — из мышечной ткани, 12 — из других тканей. У кита иное соотношение: 9 процентов — из легких, 41 процент — из крови, 41 процент — из мышечной ткани, 9 процентов — из других тканей.

Остается еще выяснить, почему китообразные, хотя они, как и мы, дышат легкими, не подвержены недугам, которыми грозит аквалангисту азот в его органах. Похоже, этот иммунитет, вызывающий у нас такую зависть и много лет не дающий мне покоя, обусловлен рядом физиологических особенностей.

Первая из них — необычная кровеносная система кита. Такая организация наблюдается также у некоторых ластоногих и у морских выдр; весьма выразительно ее научное название — *rete mirabilia*, или чудесная сеть. Речь идет о сложных системах артериальных и венозных сосудов; они тянутся по разные стороны позвоночника к хвосту.

Суть чудесной сети в том, что она обеспечивает кровью мозг и сердце во время погружения. Возможно, она к тому же регулирует температуру тела.

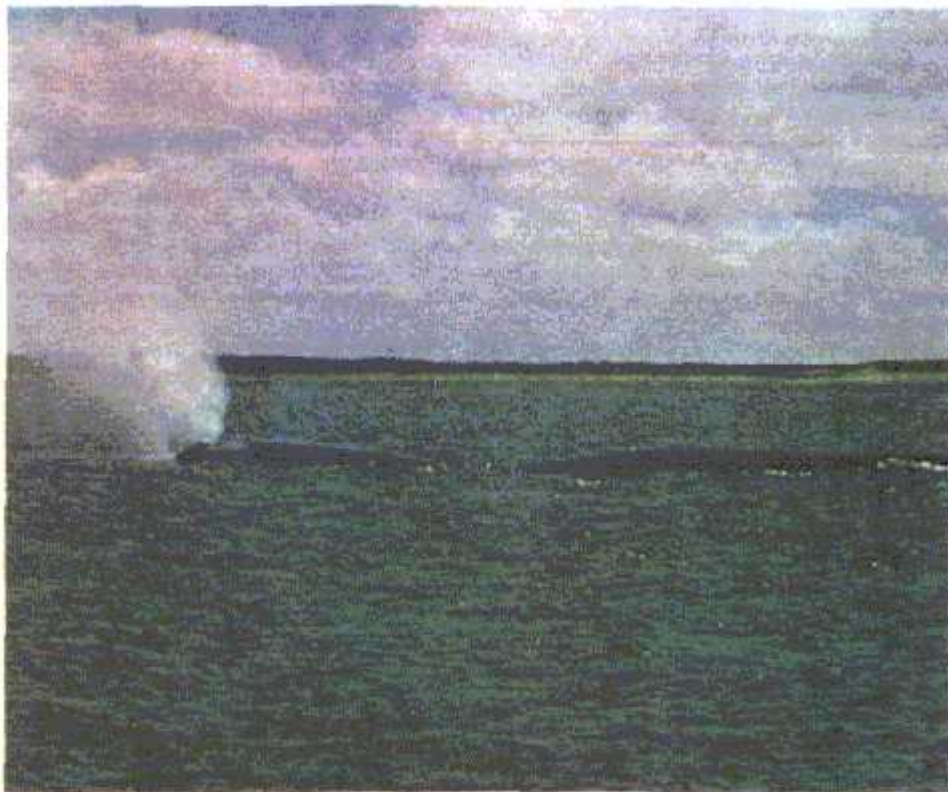
Кроме того, способность кита к нырянию связывают с сильным развитием венозных синусов. Считают, далее, что мощный жировой слой китообразных участвует в поглощении азота во время дыхательной паузы. (Возможно, ту же функцию выполняет маслянистая слизь в легких кита; она же, очевидно, участвует в образовании фонтана**.)

И еще одна особенность: у китообразных сердцебиение такое же редкое, как у водных рептилий — морских змей, галапагосских игуан, которые тоже подолгу могут задерживать дыхание.

Ни одно из этих объяснений нельзя считать проверенным, все они гипотетические. Нам недостает надежных экспериментальных данных*. И можно ли их получить, когда речь идет о таких исполинах?

ФОНТАН

После рекогносцировки в бухтах полуострова Калифорния, где Филипп искал серых китов, он вернулся на самолете в Сан-Диего, потом вместе с Тедом Уокером и Уолли Грином совершил полет над заливом Кортеса.

Серые киты в бухте Скаммона

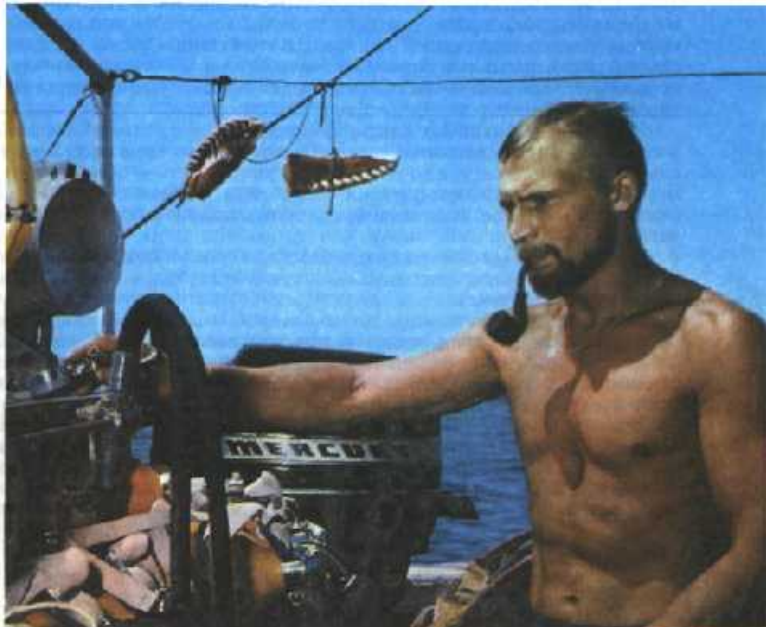
Следуя вдоль Мексиканского побережья, они пролетели над Китовым проливом, отделяющим от материка остров Анхель-де-ла-Гуарда, и увидели с воздуха стадо финвалов, которые явно не были случайными гостями в проливе.

Филипп, Тед и Уолли сразу приземлились по соседству с рыбацкой деревушкой и арендовали лодку.

Вот рассказ Филиппа об этом случае:

«День выдался прекрасный, и мы не мешкая отправились на поиски китов. Окружающие виды сами по себе заслуживали нашего внимания. Вдоль берега выстроились высокие красноватые скалы, величественные с виду, но совершенно голые — ни дерева, ни травинки. Сушая пустыня, только не песчаная, а каменная. Пятидесятиметровые утесы отвесно обрывались в море.

Море было как озеро, и наша моторная лодка шла почти бесшумно — американцы умеют делать моторы. Мы без труда отыскали стадо. Приблизившись, заглушили мотор, и воцарилась почти мертвая тишина. И тут метрах в трех перед нами над водой вырос высоченный фонтан финвала. Казалось, этот гейзер всю вселенную заполнит. Я уверен, что это был финвал, ведь в заливе Кортеса нет серых китов.

Бернар Делемонт коллекционирует зубы животных. Вот он только что вывесил для сушки челюсть косатки

Вдруг Тед закричал что-то, показывая рукой, и мы увидели, что нас взяли в коробочку финвалы, по одному с каждой стороны. Мы пустили мотор и не спеша пошли вперед. Китовый эскорт сопровождал нас, держась метрах в пяти — семи от лодки. Время от времени киты медленно погружались, потом снова всплывали. Продолжая движение, мы заметили, что вода впереди пузырится, словно газированная. Это стая рыбешек то уходила вглубь, то снова поднималась к поверхности и выпускала воздух из плавательных пузырей.

И я понял, что происходит. Финвалы воспользовались появлением нашей лодки с ее рокочущим мотором, чтобы устроить облаву на рыбешек. Впервые наблюдал я разум кита в действии. И ведь как быстро они разработали свой план! Через 20 минут после нашего появления финвалы подошли и расположились по бокам лодки.

Вода была мутная, снимать нельзя, но я не очень сожалел об этом. Вряд ли под водой нашлось бы что-либо подобное той картине, которую мы наблюдали с лодки. Это было нечто поразительное: кругом навеванная пустыней тишина, и в этой тишине рядом с лодкой плыли со скоростью идущего человека киты. Великан, что шел правее нас, был раза в три больше нашей лодки. Тед определил его длину в 25 — 26 метров. Слева плыл кит поменьше.

Я впервые в жизни так близко соприкоснулся с китом. Конечно, я еще ребенком видел китов с палубы «Калипсо». Но в этот день я слышал дыхание кита, и до зверя было рукой подать — совсем не то, что прежде. Особенно поразил меня шум выдоха. Словно мы очутились в пещере, под сводами которой отдавались таинственные звуки.

В целом это был один из самых памятных дней в моей жизни. И я понял, почему о китах рассказывают столько легенд, понял, как эти легенды рождаются.

До той поры я очень мало знал о китах. Слышал более или менее романтические истории, видел картинки, читал книги. Но видеть живого кита, *слышать* его — с этим никакое воображение не сравнится. А как подумаешь, какой могучий организм издает эти величественные звуки!..

И особенно сильным впечатлением было, когда я *вдыхал* выдох кита. Его фонтан окутал нас влажным облаком, покрыл росой мое лицо, руки, лодку. Как ни странно, в запахе фонтана не было ничего неприятного. Он слегка отдавал мускусом — запах властного исполина, все подавляющего своим авторитетом».

ДУРНОЙ ЗАПАХ?

Многие утверждают, будто фонтан китообразных пахнет неприятно. Но наши аквалангисты, хотя часто попадали под фонтан, никогда не жаловались на запах. Конечно, при встрече с китами голова подводника обычно занята другим, он не принюхивается, пахнет ли у зверя из пасти. Но ведь акваланги и гидрокостюмы после такого душа тоже ничем особенным не пахли.

Возможно, выдох кашалота менее приятен для человеческого обоняния, поскольку его диета сильно отличается от диеты усатого кита.

Что до серых китов и финвалов, то Филипп, хотя его буквально окатывало с ног до головы, решительно отрицает, чтобы у выдоха был неприятный запах. Он напоминает, что версия о дурном запахе принадлежит китобоям, но ведь китобои имеют дело с животными, которые ранены или утомлены долгим преследованием.

АСТМАТИЧЕСКИЙ КИТ

— Фонтан! — кричат обычно промысловики, заметив кита.

Когда кит всплывает после погружения, над водой раньше всего появляются дыхала. Из них (или из него, если дыхало одно) вырывается фонтан — отчетливо видимый на фоне моря белый столб увлажненного воздуха, напоминающий гейзер. Природа тут оказала киту плохую услугу, ведь фонтан позволяет издали обнаружить его. Шум воздушной струи слышно за 250 метров. Именно этот звук и произвел вблизи такое сильное впечатление на Филиппа.

Когда наши люди работали на «Кэлью» с горбачами около Бермудских островов, им представилось много случаев записать шум выдоха. Наш звукооператор Эжен Лагорио отметил, что можно различать на слух фонтаны разных китов.

Однажды, когда условия особенно благоприятствовали таким наблюдениям, кинооператоры сняли за день много отличных кадров, и под вечер «Кэлью», застопорив машину, бросил якорь. Семь-восемь китов как ни в чем не бывало ходили около судна, ничуть не обеспокоенные вторжением посторонних в их воды. Не смутило их и появление аквалангистов. Глубина здесь была небольшая; киты, судя по всему, паслись в свое удовольствие. Подолгу держались на поверхности, потом нырнут — и снова всплывают около «Кэлью». И Лагорио воспользовался случаем записать выдох каждого кита в отдельности. Один кит дышал как-то особенно громко, хрипло. Лагорио послушал и с самым серьезным видом объявил:

— Явный астматик...

ФОНТАН В 15 МЕТРОВ

Китообразные могут нырнуть лишь после того, как сделают на поверхности несколько выдох-вдохов; число их различно у разных видов. Доктор Будкер пишет, что «голубому киту достаточно трех-четырёх вдохов, финвалу — пяти-шести, сейвалу нужно десять-пятнадцать. Кашалот задерживается на поверхности 10 — 11 минут и делает 60 — 70 вдохов-выдохов, частота дыхания у него гораздо выше, чем у усатых китов».

Струя воздуха из дыхал вырывается под сильным напором и порой поднимается на 15 — 16 метров. Чем глубже и длительнее было погружение, тем мощнее выдох. Специалисты сформулировали такое правило: после 60-минутного погружения 20-метровый кашалот весом 60 тонн сделает 60 вдохов-выдохов (Об этом говорит, в частности, Кеннет Норрис в книге «Киты и дельфины».)

Опытный китобой определит по фонтану не только вид, но и возраст, и размеры кита. У финвала, например, два дыхала, фонтаны вырываются из обоих, но они сливаются в одну струю. А вот у гренландского кита отчетливо различаются две струи, направленные вперед. Фонтан горбача — прямая струя, расширяющаяся вверху.

Тед Уокер рассказал нам, что доктор Уайт выбрал для эксперимента серых китов как наиболее смиренных. Он сам организовал экспедицию и арендовал судно. Однако члены экспедиции, незнакомые с нравом серых китов, попытались укрепить электроды на самке, которая сопровождала детеныша. Китовые мамы вообще раздражительны, и эта самка весьма бурно реагировала на дерзкие действия людей. Она атаковала лодку, сломала руль, погнула винт и пробила дыру в корпусе. В ожидании помощи команда еле успевала откачивать воду.

В конце концов доктор Уайт нашел в заливе Скаммон более покладистый 30-тонный экземпляр, благополучно укрепил на нем свои электроды и насчитал 27 сокращений сердца в минуту. Несомненно, тут сказалось то, что кит застрял на мели, ведь нормальная частота сердцебиений у серого кита — девять в минуту*.

ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА

Вопреки широко распространенному мнению фонтан кита — не струя воды. Профессор Будкер подчеркивает:

«Для кита анатомически невозможно извергать воду через дыхало, ведь у морских млекопитающих дыхательный и пищеварительный тракты не сообщаются. Дыхание и пищеварение обособлены друг от друга; проглоченная вода никак не может выйти через дыхало».

Почему же струя выдыхаемого воздуха напоминает белый столб? Скорее всего, при выдохе воздух, сжатый в грудной клетке кита во время погружения, расширяется, его температура понижается, и происходит конденсация водяных паров*.

У менее крупных китообразных — дельфинов и косаток — фонтан невидим.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ КАРДИОЛОГА

Как дыхательная пауза связана с частотой сердцебиений кита, так и фонтан, похоже, связан с этой частотой. Друг Теда Уокера, известный американский кардиолог Поль Дадли Уайт, ухитрился получить электрокардиограмму кита. До этого он записал кардиограмму слона (30 сердцебиений в минуту) и птицы (1000 сокращений в минуту) Очевидно, чем крупнее животное, тем реже бьется сердце.

РАЗГОВАРИВАЮТ, ПОЮТ И СЛУШАЮТ

Да, некоторые китообразные «разговаривают», и это совсем не ново. Об этом знал и писал Аристотель. Однако его свидетельства игнорировали, от них отмахивались, как от легенды, до тех самых дней, когда союзники в годы второй мировой войны начали применять подводные микрофоны, чтобы выслеживать вражеские субмарины. У берегов Америки новый прибор сразу же уловил скрипы, щелчки, мяуканье; так были открыты голоса мира безмолвия: звучания ракообразных, стоны рыб, свист и кряканье дельфинов, крики кашалотов, трели усатых китов.

Конечно, не все звучания китообразных можно отнести к их «речи». Некоторые из них служат для ориентации и исследования среды.

Словом, человек — не первое млекопитающее, ориентирующееся в подводном царстве с помощью звука и ультразвука. Природа снабдила китообразных естественным сонаром*.

Локаторы морских млекопитающих, позволяющие им обходить препятствия, отыскивать пищу и обнаруживать врагов, куда сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Сейчас принято различать две функции звукового аппарата китообразных. Так, низкие частоты, похоже, применяются кашалотом, чтобы на большой глубине выслеживать кальмаров, а дельфинами — чтобы издали распознавать добычу или препятствия. Высокие же частоты, судя по всему, применяются для общения особей одного вида.

Кашалоты, общаясь между собой, «хрюкают», а ритмичные скрипы достаточно высокой частоты служат для исследования среды. Кашалоты слышат и определяют местонахождение друг друга на расстоянии трех миль с лишним.

Вот почему иногда можно встретить детеныша довольно далеко от родителей: они все время отлично знают, где он находится. И детеныш знает, где мама и папа.

Локатор кита нельзя назвать ни автоматическим, ни пассивным. Как мне кажется, приемопередатчик китов работает направленно, и, когда они исследуют окружение, им, по-видимому, приходится вращаться наподобие радарной антенны. Не этим ли объясняется то, что «Калипсо» удавалось, не спугнув кита, подобраться к нему сзади?

Когда же кит хочет выяснить, что происходит вокруг него, он становится вертикально и высовывает голову над водой. Это вовсе не для того, чтобы рассмотреть «Калипсо», как мы когда-то думали. Угол излучения звуковых сигналов (наверно, и приема тоже) составляет 90 градусов к цилиндрическому туловищу кита; очевидно, есть особое «ухо», обращенное ко дну.

Идя у поверхности, кашалот все время прощупывает глубины своим сонаром. И если пощелкивания выявляют крупного кальмара на глубине 600, 800 или 1000 метров, кит ныряет отвесно и атакует добычу. Мне кажется, гипотеза вертикальной локации убедительно объясняет *вертикальные* погружения кашалотов и гринд.

Судя по всему, очень сильно раздражает китов рокот подвесных моторов. Вероятно, все дело в частоте звука. И похоже, что это ею объясняется успех нашей тактики «виразу».

Представим себе, что звуковое кольцо создает помехи приему, — и вот кит, сбитый с толку,

замирает на месте. И нырнуть не может, потому что сонар не работает. (Вряд ли верно ожидать от кашалота, чтобы он нырял «рефлекторно», ведь этот кит достаточно высоко развит, он располагает альтернативами поведения.)

Не разобравшись как следует, насколько эффективен звуковой аппарат кашалотов, мы поторопились обвинить их в недостаточной лояльности к своим товарищам. И конечно, ошиблись. Когда попадает в беду кашалот, вожак приказывает стаду уходить. Но стадо держится в пределах звукового контакта, а эти пределы составляют не одну милю. Если отставший кит долго не присоединяется к товарищам, одного-двух членов стада отправляют проверить, в чем дело. К детенышу идет мать, к взрослому — другой взрослый.

Не раз мы видели, как стадо исчезало в миле к востоку от плененного нами кита, а минут через тридцать — сорок появлялось уже в миле к западу от него. Обычно киту нужно меньше 20 минут, чтобы пройти этот путь. Очевидно, стадо оставалось в радиусе действия сонара, поддерживая связь со своим товарищем и зовя его.

НОВЫЙ МИР ЗВУКОВ

Столь важное для наземных млекопитающих зрение не играет ведущей роли у китообразных. Для них всего важнее слух. Усатые киты и кашалоты живут и действуют в мире звуков. Лишенные голосовых связок, они тем не менее разговаривают, поют, слушают. Отраженные звуковые сигналы рассказывают им об окружающем.

БЕРМУДЫ

Филипп два месяца наблюдал самых голосистых и разговорчивых китов и записывал их звучания. Речь идет о горбачах.

Для этой работы мы выбрали Бермудские острова. Здесь горбачи регулярно останавливаются весной по пути в Арктику, на летние планктонные пастбища. Правда, погода в тот год выдалась хуже некуда и работать было тяжело.

Мы арендовали старый парусник «Кэлью», на большее у нас не было денег. Балласт убрали, чтобы судно могло ходить по мелководью, зато его так сильно качало, что больше двух дней кряду никто не выдерживал.

Правда, в первый день настроение на борту было приподнятое. Пока шли заливом, все было гладко, но в открытом море «Кэлью» встретила волна высотой 2 — 3 метра, и сразу чуть ли не всех одолела морская болезнь. Разумеется, в эту самую минуту кругом замелькали киты, и, как ни скверно чувствовали себя члены экспедиции, они стали готовиться к работе под водой. Увы, как только «Кэлью» вышел на хорошую позицию, сломался руль. Хорошо еще, что можно было регулировать курс, идя тихим ходом на одной машине, иначе судно непременно врезалось бы в какой-нибудь коралловый риф и пошло бы ко дну.

Под руководством капитана Филиппа Сиро Бернар Делемонтт и Филипп поочередно работали в воде, пытаясь исправить привод руля. В конце концов «Кэлью» кое-как доковылял до порта.

Через несколько дней, когда руль исправили, Филипп и его товарищи снова вышли в море. Около плоского рифа им встретила группа из семи китов. Звери затеяли игру вокруг судна, терлись друг о друга и издавали отчетливо слышимые модулированные звуки.

Филипп стоял наготове в гидрокостюме и тотчас нырнул в гущу стада. Вода была мутная, и он видел только, как мимо него проносятся большие машущие «крылья». Белые лапы горбача по длине равны трети его туши (она черная) и впрямь похожи на крылья. Или на призраков в белых одеяниях.

КОНЦЕРТ

В конце концов погода наладилась, море притихло, и появилась возможность записать «песни» китов. Решили делать это ночью, потому что после заката горбачи куда речистее, чем при дневном свете. Возможно, ночью «передатчик» кита работает лучше, позволяя животным переговариваться друг с другом на большом расстоянии.

Отряд облюбовал подходящий подводный каньон, здесь на глубину 20 — 25 метров опустили микрофоны.

Горбачи — мастера подводной акробатики. Обратите внимание на то, как выглядит пасть горбачей сверху

Нашему звукооператору Эжену Лагорио удалось записать настоящие концерты. Он считает, что около сотни китов собирались вместе и «разговаривали».

С вечера шла «настройка инструментов», раздавались отдельные несмелые звучания. Но вот начинает петь один кит, к нему присоединяется второй, третий... Со всех сторон пронизывают воду скрипучие, мяукающие, воющие звучания; кто-то из исполнителей поближе, кто-то подальше. В каньоне каждый звук отдавался два-три раза с интервалом в 5 — 6 секунд. Ни дать ни взять собор, и верующие поют псалмы, каждый по куплету...

Записи Лагорио не оставляют сомнения в том, что киты общаются между собой. Вот издал серию звуков кит, который ближе всех находится к «Кэлью», а вот отзываются издалека другие. И звучания чередуются, как положено при разговоре, только разговор таинственный, непередаваемый.

Кое-кто на «Кэлью» считал, что киты издают звуки просто так, ради удовольствия. Но ведь даже птицы не поют просто так.

В отдельных случаях мы как будто можем приблизительно истолковать смысл звучаний. Однажды ночью, когда киты были особенно разговорчивы, несколько горбачей всплыли около лодки Лагорио и принялись его рассматривать. Эжен сидел с наушниками, его окружали провода, приборы, лампочки и прочие атрибуты звукозаписи, и это зрелище явно заинтересовало китов. Подойдя совсем близко, они начали попискивать по-мышьиному. Лагорио убежден, что они говорили о нем. Причем одни только

лестные слова.

— Каким-то образом я чувствовал, — рассказывает он, — что они обсуждали существо, которое сидело в лодке. Возможно, речь шла о том, надо ли меня опасаться, не лучше ли уйти...

Лагорио очень гордится тем, что горбачи решили остаться. Очевидно, признали в нем друга.

РАЗГОВОРЫ

ТЫСЯЧИ ЗВУЧАНИЙ

Звуки горбачей отличны от звуков любого другого животного. Спектр частот намного шире, а набор сигналов разнообразнее*, чем даже у птиц.

Мы отчетливо различали до тысячи звучаний, доступных человеческому слуху. Тембр, сила звука, частоты создавали бесконечное разнообразие. Тут и трели, и скрипы, что-то вроде мышинного писка, мычание, олений рев. Иногда мычания накладывались друг на друга, но каждый сигнал явно был кому-то адресован. Странные, чужеродные звуки, словно зашифрованный обмен на секретной радиоволне...

Лагорио, многолетний сотрудник нашей группы, работал с упоением. Сидит во мраке, вращает рукоятки и щелкает тумблерами — прямо волшебник, который устроил переключку морских чудовищ, и они отвечают ему стонами, вздохами, звоном цепей. Увлекательнейшая задача для звукооператора: передний край науки — и ассоциации с древними мифами.

В особенно тихие ночи пение горбачей сливалось, говоря словами Лагорио, в «хоровые ансамбли». В самом деле, микрофон улавливал поистине полифонические звучания поблизости от судна. Басами в этом ансамбле были звуки, напоминающие скрип ржавых петель.

Эжен Лагорио со своей аппаратурой для записи звучаний китов

Понимая, как нелепо применять человеческую мерку при оценке действий и звучаний представителей других видов, все же трудно совсем отвлечься от непосредственных впечатлений. Когда слушаешь ночной «разговор» китов, не сомневаешься в их способности общаться между собой, в том, что они не просто издают бессмысленные звуки, а обмениваются мыслями и мнениями.

Возможно, я и мои друзья провели слишком много времени в обществе китов; может быть, мы стали жертвами иллюзии. Но как иначе объяснить чередование «реплик» и все это разнообразие модуляций? И уж во всяком случае нельзя отрицать, что идет обмен сигналами и киты подтверждают друг другу прием, один кит что-то «говорит», а другой отвечает.

Самое сильное впечатление производят коллективные звучания вроде записанных Лагорио «хоровых ансамблей». Иногда звучит рокот, иногда неровное жужжание, будто группа школьников вслух твердит урок.

Можно ли определить смысл того или иного звука? Можем ли мы утверждать, что такой-то звук выражает удивление? Это зависит от точки зрения. «Удивленные возгласы», которые слышал Лагорио, отмечались и в других случаях. И нельзя отрицать, что горбачи, обнаружив «Кэлью» или «Зодиак», издавали звуки, которые вполне могли выражать любопытство. Они не уходили, а медленно плавали вокруг судна, тихо попискивая. Их интерес к нам был очевиден, и, возможно, попискивание выражало этот интерес.

Похоже, у китов в отличие от птиц (например, ворон) нет сигнала тревоги. Во всяком случае мы ни разу не видели, чтобы китовое стадо уходило после определенного сигнала.

РЕВУЩИЙ САМЕЦ?

В одну из ночей Филипп и Лагорио с 23.00 до полуночи получили уникальные записи. Уникальные, потому что очень четко были записаны звучания стада китов, которые не спеша проплывали мимо стоящего на якоре «Кэлью», «переговариваясь» между собой. Время от времени мощный рев перекрывал все остальные звуки. Мы не можем уверенно говорить, что это ревел самец, но такое объяснение выглядит наиболее вероятным. В другом случае один кит издал рев вблизи судна, а издав его отозвался другой. Что это было — брачный зов? Вызов на поединок? Наши знания недостаточно, чтобы ответить на этот вопрос.

Впрочем, если говорить о горбачах, то сроки нашей работы на Бермудах не совпадали с их брачным сезоном. Он у них приходится на конец зимы и на весну; в это время они собираются у Багамских и Антильских островов. Бермуды всего лишь пункт захода на пути горбачей к северу — здесь они отдыхают и подкармливаются. Вот почему услышанный нами рев вряд ли был зовом самца, обращенным к самке.

Бермудские воды изобилуют кормом, который любят горбачи; естественно, они потому и останавливаются здесь. Мы отчетливо слышали в наушниках скрип ракообразных, составляющих пищу китов, иногда он даже заглушал звучания горбачей.

Надо сказать, звукозапись проходила далеко не гладко. Подводный микрофон обеспечивает надежный результат только при полном штиле. Малейшее волнение — и плеск волн записывается на пленке, давая сильные помехи. А погода в районе Бермудских островов портится довольно часто.

Понятно, когда море было беспокойно, «Зодиак» Лагорио качало. И разумеется, вместе с «Зодиаком» качались подвешенные к нему микрофоны. В итоге — помехи на ленте. Чего только ни придумывал наш хитроумный Лагорио, чтобы нейтрализовать волнение. Он испытал буи, поплавки, пружины; наиболее удачной оказалась конструкция из труб и пружин, напоминающая изделия сюрреалистов.

Больше всего наших ребят огорчило, что не пришлось записать обмен звучаниями между самкой и детенышем. Им никак не удавалось подойти достаточно близко, мамы не стояли на месте. Можно было применить к детенышу технику «виразу», но тогда рокот мотора заглушил бы звуки китов.

Все записанные в этом районе звучания горбачей укладываются в диапазон частот, доступных человеческому слуху. Самые высокие частоты — 8 — 9 тысяч колебаний в секунду. Аппаратура Лагорио была рассчитана на частоты до 35 килоциклов, но магнитофонная лента не запечатлела никаких ультразвуков.

СЕРЫЕ КИТЫ

В бухтах Калифорнии вода была настолько мутной, что у входа в них мы с трудом различали китов. Зато мы их отлично слышали. И здесь звукозаписью занимался Эжен Лагорио. Облюбует какое-нибудь место, опускает микрофоны с катера в воду и ждет, надев наушники. Он слышал китов, когда они приближались к катеру, видел рябь на поверхности, но рассмотреть, чем именно заняты звери, было невозможно. Из-за плохой видимости ему иногда чудилось, что киты уже идут на таран. Но тут частота звуков заметно повышалась: это животные, обнаружив лодку, своими локаторами уточняли ее местоположение и форму. В наушниках отдавалось этакое «та-та-та-та»... Заканчивалась эта серия сигналов сплошной трелью «тррррр».

Усиливая интенсивность звучаний, киты получали точную информацию о препятствии на своем пути и, оставаясь невидимыми для Лагорио, сворачивали в сторону. И Эжен слышал, как ритм звучаний становился нормальным.

Лагорио старался выходить со своим отрядом с утра пораньше, до рассвета, так как мы установили, что часто именно в эти часы серые киты входят в бухту. (Ночью они выходили в открытое море.)

Но и тут были свои проблемы с записью. Течение относило микрофоны в одну сторону, ветер отгонял катер в другую. А мелкие волны, ударяясь о корпус лодки, своим плеском забивали звуки китов.

Несмотря на все препятствия, Лагорио однажды удалось записать обмен звучаниями между самкой и детенышем. Их голоса отчетливо различаются: щелчки мамы намного громче сигналов малыша. При этом Лагорио видел, как в воде возле катера скользили два темных силуэта.

Кроме этих сигналов серые киты, подобно горбачам на Бермудах, тоже издавали мышинный писк. Но в целом они далеко не так разговорчивы, как горбачи, да и сила звука у них намного меньше.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Стоит привести здесь одно наблюдение, сделанное Филиппом.

— В бухте Матансита, — рассказывает он, — мы спускали на воду «Зодиак» и включали подводный микрофон. Прислушаешься — и начинаешь различать множество самых разнообразных звуков. Тут и киты со всех сторон; их не видно, зато локаторы работают особенно интенсивно из-за мутной воды.

Погрузимся с аквалангами — киты издали нас распознают и проходят прямо под нами. Правда, при такой видимости их не рассмотришь, и они тут же исчезают в полумраке.

Но вот что самое удивительное: стоило им нас засечь, тотчас все китовые звучания в бухте прекращались. В наушниках слышно только звуки со дна, их производили главным образом ракообразные. Как будто кто-то из китов вдруг подал команду: «Тишина!» Притом весьма эффективную команду, потому что внезапно воцарялась полная тишина. Это подтверждают наши записи. Слушаешь — и вдруг по всем каналам обрываются китовые звучания.

ДАЛЬНИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Можно встретить утверждения, будто крик горбача в Северном Ледовитом океане может быть услышан его сородичем у экватора. Проверить это, разумеется, никому еще не удалось, однако нет сомнения, что радиус действия китового сонара поразительно велик.

В самом деле, какое расстояние проходят звуки китов? Дальность зависит прежде всего от вида, возможно, и от других факторов: миграций, брачного сезона и так далее. Кое-какие данные могут служить предварительным ответом на этот вопрос.

Так, нам известно, что средняя скорость серого кита — 5 — 6 узлов. Добавим теперь, что мы слышим серых китов за час до того, как видим их, и звучания доходят до нас еще час спустя после встречи. А ведь крики серых китов в громкости сильно уступают крикам горбачей.

Видный американский специалист доктор Пэйн считает, что горбачи пользуются звуковыми коридорами (их называют еще глубоководными звуковыми каналами), чтобы общаться на большом расстоянии. Кстати, вода проводит звук лучше, чем воздух, поэтому она служит отличным проводником для сигналов кита. Похоже, горбачи умеют выбирать районы и глубины, особенно благоприятствующие распространению звука. Не исключено также, что во время миграции группы китов ретранслируют определенные сигналы*.

ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА

Какой орган служит киту для генерации звуков? Как именно издается звук? Точного ответа на эти вопросы нет, изучение проблемы еще продолжается. Одна из трудностей заключается в том, что киты при всей их разговорчивости лишены голосовых связок **. Однако у них есть гортань, дыхательный тракт и дыхало, и все они могут генерировать звуки. Как бы то ни было, речь идет о чрезвычайно сложных органах и системах, которые мы только-только начинаем постигать.

Проблема изучалась на дельфинах в неволе; при этом исследователи смогли выделить два основных вида звучаний — щелчки и свисты. Щелчки издаются как при открытом, так и при закрытом дыхале, но частота в каждом случае другая. Звуки высокой частоты, судя по всему, могут генерироваться только при закрытом дыхале. Уже это наводит на мысль, что у китообразных в генерации звуков участвует несколько анатомических факторов, и дыхало только один из них.

Понятно, мы не могли рассчитывать, что разгадаем загадку, наблюдая кашалотов и усатых китов в открытом море. И все же не могу забыть восторг Филиппа, когда он во время одного погружения увидел струящуюся из дыхала горбача цепочку модулированных пузырьков воздуха. Кит явно что-то говорил. Возможно, он обращался к Филиппу, но это был разговор глухих.

НЕЗРИМОЕ УХО

Видимого наружного уха у китообразных нет, зато в отличие от рыб у них есть и среднее и внутреннее ухо. А у рыб — только внутреннее ухо, поэтому они не могут лоцировать источник звука. Да и наружное ухо (слуховой проход) есть у китообразных, но мы его не видим, потому что оно скрыто в коже.

По устройству среднего и внутреннего уха видно, что у кита острый слух. Среднее ухо частично окружено белково-воздушной пеной; во внутреннем ухе найдены особенно развитые чувствительные клетки вроде тех, которые есть у животных, воспринимающих ультразвук (летучие мыши, мыши, кошки).

Еще одна важная особенность китообразных — необычайно мощный слуховой нерв. В человеческом мозгу зрительные и слуховые центры равны по величине. У китообразных (и летучих мышей) акустические центры больше зрительных. И киты, и летучие мыши на какой-то ступени своей эволюции сменили наземную среду: летучие мыши — на воздушную, китообразные — на водную, причем первые ведут ночной образ жизни, а у вторых видимость и днем ограничена.

КИТООБРАЗНЫЕ И РЕЧЬ

Мы знаем, что общество и речь связаны между собой. Знаем также, что киты — общественные

животные и обмениваются сигналами. Наша мечта — не просто слушать, но и понимать беседу этих общественных животных.

На суше голос человека воздействует на других животных: предупреждает, успокаивает, иногда повелевает. Может ли он влиять на китообразных? Когда-нибудь мы это узнаем. Человек уже пробовал — мы сами пробовали! — наладить речевое общение с этими животными. Но это были робкие, неуклюжие попытки. Во всяком случае, китообразные не бросаются наутек, когда мы к ним обращаемся. Они остаются на месте, и мы вправе даже сказать, что иногда они как будто готовы сотрудничать. Об этом говорит весь опыт работы человека с дельфинами и косатками в неволе.

Накоплены целые мили магнитоленты с звучаниями китообразных. Вряд ли мы скоро научимся понимать их язык, но уже можно приступить к его изучению.

Когда дело дойдет до общения человека и кита, оно скорее всего будет звуковым, голосовым. Но для взаимопонимания мало только производить звуки. Доктор Лилли тщетно пытался обучить дельфинов английскому языку*. Дельфины говорят только на дельфиньем языке, и не им, а человеку придется осваивать новый язык. Мы не видим никаких причин, которые могли бы помешать человеку изучить речь дельфина.

БЛИЗОРУКИЕ КИТЫ

Усатые киты и кашалоты ориентируются с помощью своих сонаров*, так что слух для них самый важный орган чувств. Но и зрение играет немалую роль. У большинства китообразных синие, слегка мутноватые глаза. И любой из наших аквалангистов скажет вам, что глаза эти полны жизни. Они даже красивы вблизи — переливающиеся хрусталем синие сферы. Вообще же глаза маленькие и производят впечатление близоруких, во всяком случае у кашалотов и усатых китов. Косатки явно обладают превосходным зрением.

Если мерять масштабами всего тела, то глаз у кита поразительно мал. Как будто кит в целом рос, а глаз перестал расти. У человека глаза составляют одну семидесятую всей массы, у крота, чье слабое зрение вошло в поговорку, — одну восьмидесятую. А у кита на глаза приходится лишь одна шестисотая всей массы. И вероятно, этого вполне достаточно, ведь глаза кита всегда погружены в воду, даже когда он всплывает на поверхность.

Некоторые аквалангисты утверждают, что киты, особенно горбачи, заботятся о том, чтобы не задеть человека в воде. Трудно сказать, помогает ли им в этом зрение. Взять того же горбача — он, чтобы не столкнуться с человеком в воде, поднимает ласты. Вероятно, о препятствии ему сигнализирует сонар, а не зрение, ведь глаза расположены по бокам головы, о фронтальной стереоскопии как будто говорить не приходится.

Из этого отнюдь не следует, что глаза кита вовсе бесполезны. Пусть его зрение отлично от нашего, пусть оно слабее нашего, но кит все же не слеп. Мы фотографировали кита вблизи — его глаза никак не назовешь незрячими.

— Нет никакого сомнения, — рассказывает Каноэ, — что кит видит вас в воде, что взгляд его устремлен на вас. Иной раз кажется, что это недобрый взгляд, возможно, потому, что кожные складки под глазами придают им сердитый вид. Сколько раз я встречался с китом, всегда чувствовал, что он видит меня. И до чего же велика тут разница между китом и акулой! Акула взглянет на вас и проходит дальше, будто не заметила. Кит же откровенно рассматривает вас.

Мало сказать, что Каноэ встречался под водой с кашалотами, горбачами и серыми китами — он трогал их, плыл у них на буксире.

А вот что говорит Мишель Делу ар, который снимал китов, и подчас в довольно сложных условиях:

— Я несколько раз видел взгляд кита и никогда не сомневался, что кит меня видит. Конечно, это чисто личное, субъективное впечатление. У кашалота я отметил бы ту особенность, что у него не сразу-то и заметишь глаза. Они отнесены далеко назад и расположены совсем низко, почти у уголков рта. При таком расположении стереоскопического зрения быть не может. Как насчет смыкания поля зрения у кита? Пожалуй, у усатых китов поле зрения обоих глаз впереди смыкается. А вот насчет кашалота сомневаюсь. При такой огромной голове, наверно, есть впереди слепая зона*. Казалось бы, проверить это несложно: достаточно [поставить опыт, увидит кашалот человека в 15 метрах прямо перед собой или нет. На самом деле это не так просто. Ведь стоит аквалангисту немного отклониться на секунду влево или вправо, и он окажется в поле зрения.

ЧУВСТВИТЕЛЬНАЯ КОЖА

По-моему, третье по значению чувство у китообразных — осязание. Я говорю не про такое осязание, как у человека, а про особую чувствительность всего кожного покрова. Кожа китообразных отлична от кожи наземных млекопитающих: как эпидермис, так и слой дермы под ним тоньше. Даже у самых

крупных китов толщина их не превышает 6 сантиметров. Зато все тело покрывает очень мощный жировой слой. Очевидно, тонкая кожа влечет за собой чрезвычайно высокую чувствительность к любым прикосновениям. И как следствие, ощущения, которые нам, наземным существам, даже трудно вообразить...

Не раз мы видели, как киты трутся друг о друга. Почти всегда это предшествует спариванию. Похоже, детенышам тоже важен физический контакт с матерями. Еще им нравится потереться о корпус «Калипсо».

Лагорио наблюдал такой случай: в бухте Скаммона китенок уплыл от матери, чтобы потереться о «Поларис III». Тотчас она ринулась за детенышем, оттолкнула его подальше от судна и несколько раз ударила ластами. Было полное впечатление, что мать нашла прыска, чтобы впредь не путал корпус судна с материнским брюхом.

Я убежден, что китообразные не меньше наземных млекопитающих любят, чтобы их гладили и ласкали. Содержащимся в неволе дельфинам, косаткам, гриндам явно приятно прикосновение человеческой руки. Дрессировщики и надсмотрщики так и говорят, что лучший способ приручить этих животных — поглаживать их, скрести им кожу.

Осязательный аппарат китообразных изучен далеко не полностью. Так, у финвала в передней части головы есть особые бугорки; у многих видов по бокам головы расположены чрезвычайно чувствительные «баки». Кроме того, в разных органах обнаружены клетки, которые, возможно, улавливают завихрения воды и колебания давления. («Баки» состоят не из обычных волос, а из крупных, чувствительных вибрисс, но на теле зародыша китообразных и впрямь встречаются волосы.)

В свободные минуты наслаждаемся великолепием мира кораллов

Судя по нашему опыту, другие органы чувств у китообразных менее развиты. В основании языка, как у человека, расположены вкусовые сосочки; вероятно, киты могут оценить вкус криля или кальмара. С другой стороны, про китообразных нельзя сказать, чтобы они относились к еде как гурманы. Нерв, подходящий к вкусовым сосочкам, очень тонок; вряд ли он способен передать яркие вкусовые ощущения.

Обоняние, столь хорошо развитое у рыб, почти или совсем отсутствует у морских млекопитающих. Во

всяком случае, зубатые киты его лишены, усатые — частично сохранили. Дыхала кашалота — они же ноздри — не оснащены такими нервными клетками, как ноздри человека. В дыхале усатого кита обонятельные клетки есть.

ОНИ И МЫ

Конечно, то немногое, что мы знаем, еще не позволяет составить себе верное представление о чувственных восприятиях кита. Но мы можем утверждать, что они достаточно сложны и играют немалую роль в психологии животного. (Напомним хотя бы, что мозг кашалота крупнее мозга любого другого животного и что в черепе кита расположен необычный, таинственный орган — полость, заполненная спермацетом*.)

Эмоциональный мир этих великанов — для нас книга за семью печатями. Разве можем мы себе представить, что значит жить в воде и ориентироваться только сонаром, зависеть больше от слуха, чем от зрения. Волей-неволей мы должны примириться с тем, что нам никогда не ощутить того, что ощущает кит.

ЧЕЛОВЕК ГЛАЗАМИ КИТА

Натуралистов и писателей всегда занимало, что человек знает и думает о китах. Никто не задавался вопросом**, что думает кит о человеке. На «Калипсо» мы об этом много говорили, и у каждого есть свое мнение.

Филипп говорит:

— Когда цепляешься за спинной плавник кита, чувствуешь себя, будто на трапеции или на воздушном шаре. Острое ощущение, однако я сомневаюсь, чтобы кит хоть что-нибудь почувствовал. Он знай себе плывет дальше. Возможно, мы раздражаем их так, как раздражает человека жужжащая муха. Вряд ли им приятно наше присутствие. Но они сознают свою мощь и не видят нужды реагировать, выразить недовольство или гнев.

Да, интересно было бы знать, что думают о нас киты, какими мы им представляемся, какой образ им рисует их сонар и ограниченное зрение.

В море киты отклоняются от обычных своих путей, чтобы подойти и посмотреть на аквалангистов. Иначе говоря, проявляют несомненное любопытство. Один опытный аквалангист на Бермудах уверял нас, что в одном месте, когда он работал под водой, к нему всегда подходил кит. Я верю ему. Китов, как и дельфинов, явно тянет к человеку. К сожалению, условия неравны: мы не можем в любую секунду уйти, а киту ничего не стоит оторваться от аквалангиста, достаточно взмахнуть хвостом или нырнуть в пучину. Пока мы не будем в состоянии всюду поспевать за китами, находиться с ними рядом, нам не удастся перебраться мост через разделяющую нас пропасть.

КРУПНЕЙШИЕ ИЗ ПЛОТОЯДНЫХ

20 мая. Мы находимся в Индийском океане, погода превосходная. Только что рассвело, а Диди (Дюма) уже докладывает, что за кормой видно фонтан кита. А затем мы замечаем на горизонте еще китов, много китов.

В 8 часов Доминик Сумиан, дежурящий на смотровом мостике, кричит:

— Капитан, слева по борту на воде что-то белое.

Тотчас все высыпает на палубу. В море даже самый заурядный предмет может указывать на какое-нибудь непонятное или необычное явление, которое произошло или происходит под водой. Всякий уважающий себя моряк должен чувствовать себя искателем и постоянно быть начеку, чтобы на ниве жизни не пропустить чего-нибудь неожиданного, что может развеять (или породить) загадку.

Беру бинокль, смотрю. Доминик прав. В самом деле какой-то большой белый предмет. Какой? Разве можно пройти мимо! Бебер садится на один из «Зодиаков» и вскоре возвращается с добычей, держа ее на вытянутых руках. Что-то большое, тяжелое, белое, рыхлое — кусок хвоста гигантского кальмара. Разорван по краю, и видно следы, как от зубов кашалота или гринды.

Все взбудоражены. Очевидно, мы подошли совсем близко к стаду кашалотов. И судя по всему, на дне моря недавно разыгралась битва, ведь мясо кальмара совсем свежее. Настолько свежее, что кок предлагает подать его нам на завтрак. Никого не смущает мысль о том, что это крошки со стола кашалота...

Бебер, кроме того, выловил нечто похожее на блюдце, даже на тарелку. Это присосок кальмара. Доктор Франсуа измеряет его — 24 миллиметра в поперечнике. Очевидно, кальмар был не из самых больших, от силы 2,5 — 3 метра, не считая длинных рук. А в общем-то недурной экземпляр, достойный противник кашалотам.

И оказалось, что он по зубам только кашалоту. Кок сварил с уксусом кусок плавника, добытый

Бебером, но мясо оказалось слишком жестким. О присоске даже вспомнить страшно: как будто мы задумали приготовить обед из куска автомобильной шины.

Кашалотам явно по вкусу такое блюдо. Они плотоядные и предпочитают кальмара всему на свете, добывая сей деликатес на глубинах от 600 до 1200 метров, где кальмары порой достигают 12 метров в длину. Впрочем, кашалоты едят не только осьминогов и кальмаров, им нетрудно угодить, все сойдет: крупные ракообразные, тюлени, скаты, даже 3,5-метровые акулы*. Но особенно любят они головоногих. Способный по два часа находиться под водой, кашалот погружается на самое дно и проходит там целые мили в поисках добычи. Понятно, природный радар кита очень важен для охоты в беспросветном мраке.

Чудовищный кальмар, он же фантастический кракен, вовсе не мифическая тварь. Он существует на самом деле, но очень мало изучен, потому что изловить его почти невозможно: он редко всплывает к поверхности, да и то по ночам. Особенно типично это для самого крупного из гигантских кальмаров — *Architeuthis*. Его еще никто не видел живьем, находили только непереваренные остатки в желудке кашалота. У Азорских островов был убит кашалот, в чреве которого обнаружили целого кальмара длиной 11 метров, весом 180 килограммов. Длина кашалота была 15 метров.

Гигантский кальмар отнюдь не легкая добыча для кашалота. У него превосходно развитая нервная система, отличное зрение, есть железы, выделяющие яд. Очевидно, успех атаки кашалота зависит от внезапности. Кит набрасывается на противника и спешит его заглотать, прежде чем тот успеет дать отпор**. Судя по собранным нами сегодня остаткам, это киту не всегда удается. И надо думать, поединок этих двух гигантов, с их совершенно различным оружием, превосходит все, что мы можем себе вообразить. Кальмар старается закупорить присосками глаза и дыхало кашалота, рвет его клювом; кит же спешит подняться к поверхности, неся на голове тяжеленную добычу. Страшные зубы кашалота рвут мягкое тело жертвы, и куски мяса всплывают на поверхность. Исход битвы решается не сразу, ведь до жизненно важных органов кальмара даже кашалоту нелегко добраться.

Мы можем лишь догадываться, какие схватки разыгрываются в черной пучине. Не только сила идет в ход, но и смекалка. Мало того, что противники великолепно вооружены, — их разум, при всех различиях, тоже сопоставим по мощи. Грозным челюстям кашалота кальмар противопоставляет щупальца, присоски, клюв, а высокоразвитая нервная система позволяет головоногим двигаться так же быстро и ловко, как позвоночным. Сочетание мощного оружия и совершенного мозга делает кальмара достойным противником могучих кашалотов.

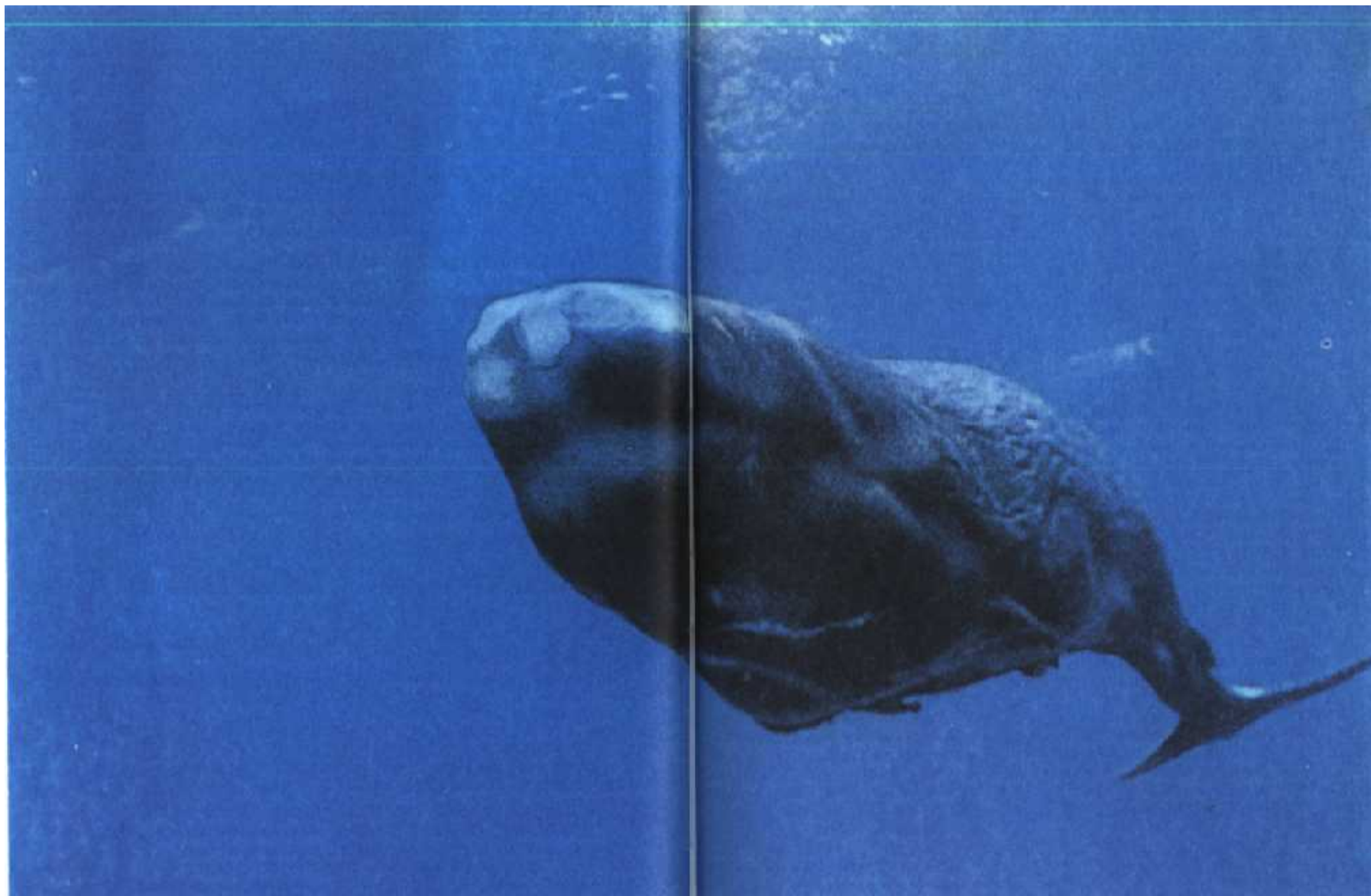
КОЛЛЕКЦИОНЕР ЗУБОВ

Встречаясь в воде с кашалотом, калипсыне снова и снова поражаются при виде этой огромной квадратной головы с отнесенными куда-то назад глазами. Расположение рта тоже необычно. Он находится снизу, далеко от передней части головы. Нижняя челюсть сравнительно узкая и тонкая; на ней в два параллельных ряда расположено до 60 зубов. Некоторые из них весят 2,5 — 3 килограмма, длина их — 20 сантиметров*. Пожалуй, это не так уж много, если вспомнить общие размеры и вес кита. Зубы нижней челюсти входят в просветы между более мелкими зубами верхней челюсти.

У кашалота нет коренных зубов и резцов, все зубы однородны, и назначение их — хватать и удерживать добычу. В отличие от наземных хищников этот могучий и грозный представитель племени плотоядных не кромсает и не разжевывает пищу, даже не откусывает по-настоящему, а разом глотает жертву.

У каждого калипсынина есть свое увлечение, подчас довольно далекое от его прямых обязанностей. Наш электрик Марселей обожает кораллы, инженер Лабан пишет подводные пейзажи, Делемонт коллекционирует зубы. У него есть моржовые клыки с островов Тихого океана, зубы косатки с Аляски. К этим сокровищам прибавились зубы мальдивских кашалотов. Очень поучительная и даже красивая коллекция. Мы с удовольствием разглядываем чудесные образчики полированной кости. Когда они не торчат в чудовищной челюсти!

Кашалот анфас. Таким видят кита наши операторы и аквалангисты, когда встречаются с ним под водой

В редкие часы досуга мы не прочь потолковать о своих увлечениях, глубокомысленно кивая и поглаживая бороду. Верные старой морской традиции, калипсяне любят выделяться не только своими делами, но и внешностью. Пора увлечения длинными усами минула, теперь мы отращиваем бороды и волосы. Разумеется, каждый волен экспериментировать в свое удовольствие, ведь кроме тюленей, бакланов и китов, некому судить о результатах.

Рыжеватая борода Бернара Делемотта служит опорой для его изогнутой трубки, у Филиппа — курчавая борода каштанового цвета. Одни щеголяют треугольной бородкой а-ля Луи XIII, другие предпочитают более современные, прямые бороды. Есть даже любители пышных бакенбардов и усов в духе императора Франца-Иосифа. Неожиданно выглядят эти освященные временем украшения под маской аквалангиста... Только Лабан упорно ходит без волос на голове и на лице: он каждый день бреет голову.

На борту «Полариса Ш». В середине Филипп Кусто, справа — наш звукооператор Эжен Лагорио

Интересно, что сказал бы про нас библейский Иона? Кстати, хотя спасение Ионы, несомненно, относится к области чудес, не все в его истории — миф. Известен на самом деле случай, когда человек, упавший в море, был проглочен китом! И подобно Ионе, он не пострадал от зубов кита. Но и не был три дня спустя исторгнут живьем. Когда тело извлекли из китового чрева, оказалось, что грудная клетка жертвы раздавлена и мягкие ткани уже разъедены желудочными соками. История современного Ионы изложена в «Нейчерэл истории» за 1947 год доктором Эджертоном Девисом из Бостона, который произвел вскрытие обоих участников драмы*. Случай этот раздражил научное любопытство доктора Девиса, и вскоре он нашел человека, согласного исполнить в эксперименте роль Ионы. Смелчак полез ногами вперед в пасть 20-метрового убитого кашалота. Глотка кита была настолько узкой, что он с трудом протиснулся сквозь нее. Девис заключил, что человек, проглоченный китом, должен погибнуть раньше, чем попадет в желудок. И уж никак невозможно уцелеть, проведя три дня в утробе кита.

«ЗУБЫ» БЕЗЗУБЫХ КИТОВ

Все киты — плотоядные, и они поглощают огромные количества живых организмов. На суше такие туши попросту не смогли бы прокормиться. (Недаром даже в эпоху динозавров не было животных, размерами равных киту.) Только в море с его изобилием пищи могут эти великаны жить и находить нужный им корм: в один присест кит заглатывает до тонны пищи!

Когда усатый кит пасется, он плывет у поверхности, распахнув свою могучую пасть. Нижняя челюсть опущена, и тонны воды с находящимся в ней кормом наполняют «зоб» — ротовую полость, которая заметно увеличивается за счет растяжения горловых и брюшных складок. Но вот пасть захлопывается, «зоб» сокращается, и вода процеживается через так называемые усы, прикрепленные к верхней челюсти. А то, что остается во рту, — рачков, медуз, мелких рыбешек — кит глотает.

Как ни просто все это звучит, пасущийся финвал с его огромной распахнутой пастью — одно из самых грозных и величественных зрелищ, какие видит в море аквалангист. Бонничи наблюдал его в Индийском океане; речь идет о том самом красавце, за спиной плавник которого он цеплялся. Сначала пасть кита была закрыта, видно губы и вытянутое, почти плоское рыло. Вдруг на глазах у Бонничи пасть раскрылась, и он увидел какой-то жуткий черно-белый круг — цедильный аппарат финвала. Тут же вход в эту живую пещеру беззвучно сомкнулся, даже не всколыхнув воду. И снова перед Бонничи плоская голова, хранящая свои тайны. Финвал в этот раз ничего не съел — что побудило его продемонстрировать свою пасть? Был ли это зевок? Или выражение недовольства, вызванного поведением Бонничи? Впрочем, это не так уж важно. Важно то, что нам удалось не только увидеть, но и заснять «усы» финвала.

Цедильный аппарат — одно из главных отличий Mysticeti (беззубых китов). Составляющие его пластины достигают в длину 3 метров*, а по строению они, пожалуй, ближе к ногтям, чем к зубам. (Это и есть тот китовый ус, который некогда шел на корсеты для дам.) Прочные и гибкие роговые пластины расположены только в верхней челюсти. Их окаймляет бахрома из роговых трубочек; толщина этих трубочек зависит от рачков, которыми питается данный вид. У финвала, предпочитающего очень мелкие организмы, особенно частый фильтр. Голубой кит ест более крупных рачков и рыбешек, у него фильтр поглубже.

И что бы киты ни ели, количество потребной им ежедневно пищи измеряется тоннами. Так что первейшая задача для них — найти эту пищу. Летом они находят ее в высоких широтах Арктики и Антарктики, там долгий световой день благоприятствует размножению фитопланктона, которым кормятся нужный китам зоопланктон.

В полярных областях в это время года киты круглые сутки предаются обжорству. Им необходимо нагулять жир, ведь во время миграций они совсем не пасутся. Запас в виде подкожного жирового слоя служит к тому же шубой для теплокровных гигантов. (Эта шуба так хорошо согревает, что туловище кита сохраняет тепло до полутора суток после гибели животного.) И кроме того, жировая ткань легче воды, она отчасти нейтрализует вес туши. Вместе с воздухом в легких жир позволяет киту легко плавать на поверхности.

Чтобы проиллюстрировать, сколько ест кит, когда пасется, скажу, что молодой, подрастающий финвал потребляет в день до трех с половиной тонн планктона. Суточная потребность взрослого финвала — тонна-полторы; это значит, что за сутки он процеживает в ротовой полости около миллиона кубометров воды.

КРИЛЕВАЯ ОРГИЯ

Основная пища усатого кита — криль *Euphasia superba*, рачок длиной 5 — 6 сантиметров. Больше всего криля на глубинах от 10 до 100 метров, но его можно встретить и на глубине тысячи метров. Летом в водах Арктики и Антарктики пленка криля покрывает сотни квадратных миль, и вода становится красновато-бурой от содержащегося в рачках богатого витамином А каротина. Вот где китам раздолье! Кругом пища, раскрыл пасть — и ешь до отвала.

Но меню усатого кита не ограничивается крилем. Планктон и криль — любимое блюдо, однако киты глотают и рыбу, иногда даже пингвинов (может быть, нечаянно, во время зевка?). В чреве покоривших наше сердце горбачей натуралисты находили скумбрию, сельдь, мерлана, каракатиц и... баклана.

— Известно не меньше восьми видов беззубых китов, — говорит Тед Уокер, — но у каждого вида, похоже, свой вкус. Одним нравятся одни ракообразные, другим другие, которые водятся в определенных секторах океана. Так что между китами нет соперничества из-за корма.

ГИМНАСТИКА БЕЗЗУБОГО КИТА

Наш друг серый кит не очень прихотлив в еде. Летом на севере Азии он кормится ракообразными — бокоплавами*. Зимой в бухтах полуострова Калифорния (где мы его наблюдали) он ест моллюсков.

Плавая под водой в заливе Матансита, Филипп видел, как киты охотятся на своих любимых моллюсков, наедятся и спят. Во время приливно-отливных течений они собираются вместе и идут против течения в бухту или из бухты. Чтобы добыть корм, они поворачиваются вокруг продольной оси на 90 градусов и собственным боком пропахивают канавы в грунте. Потом наберут в пасть воду и песок вместе с моллюсками, поднимутся к поверхности, высунут голову и процеживают воду через цедильный аппарат, действуя языком как поршнем. Песок уносится водой, а моллюски попадают в желудок с помощью силы тяжести и, конечно, мускулатуры глотки.

Наблюдатели давно дивятся, зачем это серые киты поднимают голову над водой, словно изучают окружающее. Кит около минуты может оставаться в этом положении. Китобои прошлого думали, что зверь разглядывает их; нам же сдается, что эта поза связана с питанием. Серый кит вполне может глотать пищу и в горизонтальном положении, но вертикальная поза позволяет быстрее отцедить и проглотить добычу.

Когда кит охотится на моллюсков, лучше не подходить чересчур близко. Делемтт, Филипп и Шовелен на себе убедились в этом. Выйдя на «Зодиак», они остановились как раз над китом, который вспахивал грунт. Неожиданно кит надумал подняться за воздухом — и опрокинул «Зодиак», а трое любопытных очутились в воде. Мы не сомневаемся, что это было ненамеренно, просто так уж совпало. Вместе с тем я вполне допускаю, что киту, как и всякому разумному существу, иной раз хочется побыть наедине, без посторонних наблюдателей. Не об этом ли говорил поступок того кита?..

19 февраля. Находимся в бухте Скаммона. Небо более или менее чистое, вода тоже. Похоже, погода способствует тому, что у наших китов сейчас хорошее настроение, вокруг «Калипсо» кто-то прыгает и резвится. Это один кит так разошелся или всем стадом овладела весенняя лихорадка?

Наш кинооператор Жак Ренуар устанавливает на палубе свою камеру, и ему удается запечатлеть на пленке эпизод, который мы прежде никак не могли снять: кит весь выпрыгивает из воды, да не один раз, а дважды. Вполне возможно, что он сперва упирался хвостом в дно и затем устремлялся вверх. Возможно, но не обязательно.

У берегов Габона в Африке наблюдались такие же прыжки голубых китов в районах с глубиной 80 метров, так что прыжки не обязательно связаны с питанием. А вообще-то представьте себе это зрелище: могучий кит выскакивает из воды, на миг застывает темным силуэтом на фоне неба — и шлепается в воду, только гул идет... Естественно, эти гимнастические упражнения интригуют калипсян, и Теда Уокера засыпают вопросами. Что это — игра? Часть брачного ритуала?

Тед Уокер поглаживает свою седую бороду и отвечает:

— Возможно, возможно.

Впрочем, он склоняется к менее романтичному объяснению, связывает прыжки кита с его пищеварением, а именно: кит прыгает, чтобы пища легче проходила в желудок. Конкретно речь идет о моллюсках, ведь, не имея зубов, тот же серый кит не может разгрызть раковины. И вообще, напоминает Тед, глотка у кита такая узкая, что не всякая пища сразу проходит.

ТРОЙНОЙ ЖЕЛУДОК

С человеческой точки зрения, пищеварительный аппарат кита устроен необычно. Как я уже говорил, киты не разжевывают добычу. Кашалот — потому что у него нет коренных зубов; усатый кит — потому что он вообще беззубый. А раз они глотают пищу целиком, у них должны быть очень мощные желудки. И в самом деле, у многих китов желудок состоит из трех отделов. Первый отдел без желез, его мускульные стенки (у финвала толщина их достигает 6 сантиметров) измельчают пищу. Для этого же служат содержащиеся в нем песок и камешки.

Первые два отдела вмещают до тонны криля — это около одного кубического метра. При исследовании желудка 25-метрового финвала в нем нашли 5 миллионов креветок общим весом 2 тонны.

Третий отдел называют еще пилорическим; его отделяет от кишечника пилорический сфинктер (кольцевая мышца, которая есть и у человека).

Желудок кашалота состоит из двух отделов. Кашалот может сразу заглотнуть целого кальмара, но ведь у кальмара сравнительно мягкие ткани, их не надо измельчать. Только клюв твердый.

Эксперимент нашего кока помог нам усвоить то, что всякий кашалот, надо думать, знает с рождения: кальмара лучше не жевать, а глотать целиком. Правда, чтобы затем переварить его, требуется двухкамерный желудок, которого у нас, увы, нет.

Если бы мы могли заглатывать еще и клюв кальмара, возможно, мы превратились бы в поставщиков столь драгоценной амбры — незаменимого сырья для производства дорогих духов. Амбра образуется в пищеварительном тракте кашалотов; многое говорит за то, что она представляет собой переваренные клювы кальмаров. Самый большой ком амбры, найденный во внутренностях кашалота, весил около полутонны и стоил целое состояние.

Не будь амбры, вполне возможно, что кашалоты не истреблялись бы так рьяно китобоями*, ведь мясо у кашалота посредственное, а жир хуже жира усатых китов. Но амбра всегда высоко ценилась; мало того, что она придает стойкость запахам, ей еще приписывают целебные свойства. К тому же у кашалота есть еще одно ценное вещество — спермацет, дающий исключительно чистый воск.

Серый кит выглядывает из воды в бухте Матансита

Пищеварительный тракт кита заканчивается кишечником — и каким кишечником! Он пропорционально намного длиннее, чем у любого наземного животного, включая человека. У нас длина кишечника равна 5 — 6-кратной длине тела, у кашалота — 24-кратной (эта цифра приведена в книге С. Ридман и Э. Густафсона «Море — отчизна кита»). Кишечник 15-метрового кита достигает в длину больше 300 метров. У дельфина кишечник не так развит, длина его равна 12-кратной длине тела.

НА ПАСТБИЩЕ

Казалось бы, мы больше, чем кто-либо другой, насмотрелись на китов во всех морях, и все-таки нас неизменно поражают их размеры, их сила, миролюбие и аппетит.

Кит — единственный обитатель океана, о котором можно сказать, что его размеры под стать масштабам окружающей среды. Но отвечают ли пищевые ресурсы океана потребностям китов? Должен ли кит трудиться, чтобы добыть себе пищу, или она дается ему легко?

Как мы уже видели, в Арктике и Антарктике стол для кита накрыт и ломится от обилия яств. Когда же киты уходят для спаривания из полярных областей в тропическую зону, они почти, а то и вовсе не едят в пути. Правда, серые киты и горбачи, судя по нашим наблюдениям, не прочь закусить ракообразными или моллюсками.

У кашалота, смертельного врага кальмаров, иное положение. Его основная область обитания — между 40 градусами северной широты и 40 градусами южной широты, дальше он не заходит. В отличие от усатых китов кашалот не может просто распахнуть пасть и проглотить по своему желанию несколько миллионов крохотных ракообразных. Чтобы утолить голод, он должен охотиться, а иногда и сражаться. Кашалот настоящий хищник.

Возникают два вопроса: в какой мере обеспечивает море кашалотов добычей? И водится ли эта добыча в ограниченной — относительно — области постоянного обитания кашалота?

Судя по тому, что я видел в Красном море и Индийском океане, сонар кашалота все время прошупывает толщу воды, вероятно, в поисках пищи. То же можно сказать о дельфинах, косатках и гриндах. Сонар «Калипсо» и нам позволяет искать наиболее богатые морскими организмами слои. Есть у меня такая мечта: не только найти пастбище китов, но и побывать на нем, определить его ресурсы.

ПЛАНКТОННЫЙ СУП

Во время экспедиции в Индийском океане я заметил, что у экватора в определенных местах можно почти наверное встретить косаток, кашалотов, гринд, дельфинов и акул. Предположив, что этих крупных морских животных привлекает сюда обилие пищи, я решил проверить эту догадку. Для таких работ у нас на борту есть мини-подлодка НБ-350. Она как нельзя лучше годится для того, чтобы исследовать плотность морских организмов на разных глубинах.

Приведу выдержки из журнала.

8 апреля. Первый день в открытом море после Мальдивских островов.

Чтобы ничего не упустить, два раза в день — утром и вечером — проверяем автоматическую кинокамеру в подводной обсерватории. Начиная с 6.30 эта камера запечатлеват все живое, что проходит мимо форштевня «Калипсо».

Суббота, 9 апреля. Идем вдоль экватора. Сейчас мой замысел проверить биоресурсы здешних вод кажется мне нелепым. Задача огромная и непосильная. С поверхности море кажется пустым, однако мы не знаем, что делается на глубине 60, 90, 900 метров. Сколько лет мечтаю проникнуть взглядом в толщу воды, чтобы увидеть и осмыслить то, чего еще никому не удалось увидеть и осмыслить.

После обеда — первое погружение нашей малютки в океане. Давно говорим об этом, но только теперь собрались. Спускаем мини-подлодку на воду и соединяем с катером 360-метровым нейлоновым линем. На борту «ныряющего блюдца» — Бебер, на катере — Морис Леандри. Я на «Калипсо»; сонар позволяет следить за подводной лодкой, радио — держать связь с катером. У нас задумано пустить малютку на глубину около 300 метров; оттуда — всплытие. Линь служит для страховки, чтобы не потерять «ныряющее блюдце».

Бывают минуты, как сейчас, когда мне кажется, что я попусту трачу время на нелепую затею. Мы почти наверное ничего не увидим. Океан так велик. Разве можно рассчитывать на то, что нам что-нибудь встретится? Даже из подводной обсерватории редко удастся что-либо увидеть. Наша подводная лодка здесь подобна знаменитой иголке в стоге сена, разве что... Разве что водная толща под килем «Калипсо» богаче жизнью, чем нам представляется. Конечно, ночью, когда всякая живность идет кверху, больше шансов обнаружить что-нибудь интересное.

Настраиваю сонар на 12 килоциклов и отмечаю два рассеивающих слоя: на глубине 213 и 320 метров. На 34 килоциклах

регистрируется только один слой, на глубине 320 метров. Что ж. посмотрим, что там такое есть.

И вот результат поиска:

25 метров — вода мутная от планктонного супа. Крохотные рачки и креветки. Пришедшие снизу серебристые рыбешки.

50 метров — планктонный суп гуще. Два маленьких кальмара с любопытством разглядывают Бебера. Ходят несколько рыб со светящимися органами, но в мутной воде трудно их разглядеть.

100 метров — по-прежнему планктонный суп. Двухметровая акула делает круг около подводной лодки и толкает ее.

150 метров — вода становится прозрачнее, но здесь меньше живности.

180 метров — креветки с очень длинными усиками.

250 метров — ничего. Вода прозрачная.

350 метров — сброшен балласт, лодка начинает медленно всплывать.

210 метров — очень крупный представитель головоногих, неподвижно висит в воде примерно в 10 метрах от лодки, пристально глядит на Бебера. Любимая еда кашалотов. Спит? Дремлет? Появись сейчас кит, проглотит чудовище целиком.

190 метров — сброшена вторая порция балласта. Всплывающую подводную лодку сопровождают две акулы.

Эта вылазка на малютке, длившаяся около часа, была очень полезной. Нам удалось кое-что выяснить.

Рассеивающий слой, который ночью поднимается к поверхности, представляет собой облако из планктона, ракообразных и глубоководных рыбешек. Облако поднимается и опускается со скоростью от 6 до 11 сантиметров в секунду.

На глубине 50 метров больше мути и мелких организмов, чем на глубине 25 метров. Подтверждается то, что мы наблюдали во время операции «люмен» в Средиземном море.

Крупные животные: три акулы, два кальмара, один огромный представитель головоногих. Его глазища, вероятно, светятся.

Словом, погружение прошло успешно, и мы повторим вылазки в пучину на мини-подлодке. Жаль только, НБ-350 не может погружаться достаточно глубоко. В будущем используем НБ-500 и НБ-3000.

Странное обстоятельство: при появлении подводной лодки более глубокий слой, на отметке 320

метров, как будто исчез. То же происходило в 1954 году в Индийском океане, когда мы испытывали первую автоматическую камеру с фотовспышкой Эджертона. На глубиномере было видно, как слой вдруг пропадает. Возможно, упомянутый выше представитель головоногих принадлежит к организмам, которые образуют подвижный слой и которым свойствен негативный фототропизм.

ЦЕЛЫЕ ПЛАСТЫ КАЛЬМАРОВ

И апреля. В 04.00 — подъем для палубной команды и команды «ныряющего блюда». К 05.00 НБ-350 спущено на воду для погружения номер С-15. Еще не рассвело.

Нам сдается, что предыдущее погружение (С-14) началось поздно, когда рассеивающие слои скорее всего кончили подниматься. Погружение С-15 дает более типичные результаты: один слой на глубине 35 метров, другой — 120 метров (уже опустился), и третий слой мини-подложка настигает на глубине 220 метров, он состоит из креветок и сифонофор, которые очень торопятся вниз.

Для строго научного исследования нужны сотни таких погружений, тогда можно будет сопоставить данные и сделать основательные выводы о глубинном рассеивающем слое. Но мы заняты съемкой фильма, и для нас важнее всего то, что вечерние погружения — скажем, через час после заката — позволяют наблюдать из иллюминатора «ныряющего блюда» больше всего удивительных морских организмов.

Коноэ и капитан Кусто довольны: сегодня хорошо поработали

Организация работы нуждается в поправках. Во-первых, надо медленнее буксировать подводную лодку при погружении и всплытии, чтобы пилот побольше увидел. Во-вторых, для съемок нужно значительно более яркое освещение. Постараемся что-нибудь придумать.

После обеда — второе погружение; нейлоновый линь закреплен не на катере, а на «Калипсо». И чтобы он не слишком провисал в течениях, балласт «ныряющего блюда» удвоен. Другой конец линя привязан к носовому бамперу подложки, чтобы она шла иллюминаторами вперед.

Спуск на воду в 21.35, через два часа после захода солнца. В 22.25 лодка достигает максимальной глубины — 270 метров. В 23.15 возвращается на поверхность.

Погружение было интересное, хотя мало что дало для съемок. Я надеялся обнаружить, что рассеивающим слоям отвечают скопления организмов. И лодка проходила где один, а где и два пласта кальмаров, часто попадались акулы.

А ведь «ныряющее блюдо» спускается наудачу, и поле зрения его сильно ограничено. Десятки тысяч кальмаров, по-видимому, образуют пастбище для таких крупных животных, как дельфины и киты.

Пищевая цепь начинается с плавающих у поверхности микроскопических водорослей, и, чтобы поддерживалась связь между звеньями, масса, продуцируемая в отдельных слоях, должна быть в воде относительно больше, чем на суше.

Возможности для этого налицо. Ведь почти все организмы в этих звеньях холоднокровные, им не надо тратить калории для поддержания температуры тела (в отличие от человека, рогатого скота, дельфинов). В воде они невесома, значит, не нужна энергия и на то, чтобы поддерживать тело в том или ином положении. Калории расходуются только на движение (а конструкция тела предельно облегчает его) и на *рост*.

Так это или не так? Вылазки «ныряющего блюда» обогатили нас неожиданными наблюдениями, и

мой взгляд на морскую фауну стал другим, более широким. Сдается мне, это и более логичный взгляд, ведь мы видели и сняли огромного головоногого и стаи кальмаров, составляющих пищу кашалота, и присутствие здесь кальмаров вполне согласуется с общей картиной. Похоже, мы все-таки получили в руки ключ к пастбищу, который я так долго разыскивал...

ТАИНСТВА ЛЮБВИ

Кто-то сказал, что любовь приводит в движение мир. Уж китов-то она совершенно точно приводит в движение. Любовь, а если не любовь, так, во всяком случае, зов пола побуждает китов покидать арктические воды и идти в теплые бухты Калифорнии. Ведь эта миграция венчается брачным ритуалом.

У разных видов китообразных половозрелость наступает в разном возрасте: у голубого кита — в 5 лет, у морской свиньи — в 7 лет. Большинство усатых китов способно к воспроизводству с 2 — 3 лет. Однако половая зрелость еще не означает конец физического роста; исполины моря продолжают расти и дальше.

В стаде серых китов, за которыми следовал на юг Филипп с его отрядом на «Поларисе III» и которым предстояло бракосочетание, были также беременные самки. Почти год они носили плод в своем чреве, но вот подошло время рожать, и они спешили к месту назначения, в тихие воды мексиканских заливов. (Продолжительность беременности тоже зависит от вида. У серых китов — 12 месяцев, у кашалотов — 16.)

В открытом море китихи не могли родить, требовалось мелководье, закрытая бухта с теплой водой. Беременные самки знали, где есть такая бухта, и они составили авангард мигрирующего стада, торопясь, как всегда, первыми достичь Калифорнийского полуострова. Остальные плыли помедленнее, им незачем было спешить.

«Поларис» следовал за второй группой. Вдоль всего калифорнийского побережья отряд, консультируемый нашим другом Тедом Уокером, прилежно метил и снимал членов этой группы, и вместе с ней Филипп и его товарищи пришли к берегам Мексики.

Берег полуострова Калифорния оторочен голыми серыми дюнами, изрезан лабиринтом проливов и проходов. Места дикие, глухие, но по-своему красивые. В общем идеальные условия для китов, которые стремятся к уединению и не жалуют посторонних. Прозвище «пустынные киты» пристало к серым китам за пристрастие именно к таким уединенным уголкам среди безжизненных песков.

По поведению китов, рассказывал потом Филипп, присутствовавший на финише их перехода, было видно, что они прекрасно знают этот район. Много лет подряд приходя сюда, они помнили «потайной ход», ведущий в залив, а приплывшие сюда впервые следовали за старшими, более опытными. Так или иначе, все члены стада знали совершенно точно, что здесь, за узким проливом, помещается их частный рай, приют для родов и для любви.

Уголок этот укрыт так хорошо, что самые ретивые китобои не знали о нем вплоть до середины прошлого столетия. Только в 1852 году он был открыт капитаном Чарлзом Мелвиллом Скаммоном на бриге «Мери Хелен». Издали увидев фонтаны, он решил войти в залив, чтобы выяснить их происхождение, и обнаружил такое скопление китов, какого прежде даже не представлял себе.

Девять лет гарпунеры Скаммона сотнями били китов и наполняли тысячи бочек китовым жиром. Естественно, они строго хранили тайну своей сокровищницы, никто, кроме них, не знал о проходе, ведущем в самую благодатную бухту Калифорнийского полуострова, ныне известную как залив Скаммона.

На десятый год конкуренты Скаммона, снедаемые завистью и полные решимости урвать кусок от роскошного пирога, наладили слежку за судами удачливого капитана. Вскоре тайна была раскрыта, после чего промысел серых китов достиг такого размаха, что к началу XX века вид был на грани полного истребления. Его спасли международные соглашения, проводимые мексиканскими властями в жизнь с похвальной строгостью. Но и то почти полвека понадобилось, чтобы популяция серых китов начала восстанавливаться после расправы, учиненной капитаном Скаммоном и другими китобоями; лишь в середине XX века эти киты стали вновь появляться в значительных количествах.

Ныне большинство членов стада моложе 35 лет, средняя длина составляет 15 метров. Если оставить их в покое, они проживут еще лет пятьдесят или больше и достигнут 16 — 18 метров.

Капитана Скаммона отличало то, что страсть к китобойному промыслу он сочетал с интересом к зоологическим курьезам и неплохими писательскими способностями. Из-под его пера вышла книга о предмете, который он знал лучше, чем кто-либо из его современников: «Морские млекопитающие северо-западного побережья Северной Америки».

Серый кит под водой в одной из бухт Калифорнийского полуострова

Скаммон отметил, что для родов самки выбирают наиболее глухие уголки бухты, а она вдается в глубь материка миль на тридцать. По моим наблюдениям, будущие мамы ищут уединения там, где повышенная соленость воды обеспечивает большую плавучесть и обилие пищи гарантирует нужное количество молока для детенышей. Правда, многие китихи рожают вблизи пролива.

Впервые попав в бухту, я, наверно, был поражен несколько не меньше, чем в свое время капитан Скаммон. Куда ни глянь — всюду к пасмурному небу вздымались фонтаны. Всяду было видно неподвижно лежащих — очевидно, спящих — китов. Я насчитал сразу не меньше сотни.

БУХТА УЕДИНЕНИЯ

За проливом открываются огромные просторы бухты Скаммона. Ее не так-то просто исследовать, потому что берега сильно изрезаны. Обнажающиеся в отлив песчаные отмели затрудняют навигацию. Когда Филипп первый раз обследовал побережье полуострова Калифорния с воздуха и с моря, он остановил свой выбор на другой бухте — Матансита; она показалась ему более подходящей для нашей работы. Речь идет об узкой полосе воды, отгороженной от моря песчаными дюнами. Единственный удобный вход в бухту — Бока-де-ла-Соледад, пролив Уединения. Есть другой пролив, извилистый и длинный, но к нему надо идти через бухту Магдалены.

Сами киты ходят только через Бока-де-ла-Соледад, и «Поларис» направился за ними. Он заходил в разные протоки, огибал мангровые заросли, обследовал бухту Магдалены. Осадка «Полариса» — 1,5 — 1,8 метра, и он нередко царапал килем дно. К счастью, грунт был песчаный или илистый, так что обошлось без повреждений. Однако команда судна, непривычная к навигации на грани риска, все дни пребывала в страхе.

Есть и в здешней глухомани небольшой городок Матансита, давший название бухте. Консервный завод, горстка рыбацких домов, посадочная площадка — вот и все, чем он может похвастаться. И всюду царит страшный смрад, до того резкий, что несколько членов экспедиции, решившие было ночевать в поселке (на борту «Полариса» было тесновато), никак не могли уснуть. Источник смрада — консервный завод; он производит главным образом анчоусы, а все отходы сбрасывает в бухту.

ПЕРВОЕ ПОГРУЖЕНИЕ

Когда наши аквалангисты впервые погрузились в воды Матансита, их ожидал неприятный сюрприз — нулевая видимость. Песок и ил совершенно замутили мелкую бухту.

Но у Матансита было одно преимущество, ради которого ребята были готовы мириться с мутной водой. Зажатая между двумя грядами дюн, изобилующая замысловатыми проходами, бухта позволяла «Поларису» незаметно подкрадываться к китам. Первая группа китов была застигнута врасплох. Животные, несомненно, спали, но тут стали просыпаться и одно за другим, колотя по воде огромными хвостами, в туче брызг скрылись под водой.

Надо было изыскивать какой-то новый способ, который позволил бы добиться заманчивой цели — снять брачные ритуалы серых китов.

СЕРЫЕ КИТЫ И СЕРЫЕ ШРАМЫ

Когда приближаешься к киту, главное — двигаться возможно тише, не спугнуть животное. Поэтому «Поларис» бросил якорь у входа в залив, и операторы с помощниками пользовались «Зодиаками», причем чаще всего шли на веслах, чтобы не шуметь моторами.

Киты дремали посредине залива, выставив из воды часть спины; голову и хвост не видно, кроме тех случаев, когда кит лениво всплывал за воздухом и снова погружался, продолжая дремать.

Члены экспедиции смогли воочию убедиться, что на самом деле серые киты не серые, а черные. Даже у детенышей окраска очень темная. Но кожу китов покрывают серые метины, не природные, а оставленные ракообразными и миногами. Наши аквалангисты заметили, что паразиты сидят на ките не всегда, однако достаточно долго, чтобы на гладкой, мягкой коже осталось броское мраморно-серое пятно. Особенно много шрамов у китов постарше: накапливаются с годами.

Когда приближаешься к спящему киту, прежде всего поражают его размеры. Вид исполинской туши попросту подавляет вас. Время от времени слышно могучее дыхание, вас даже орошает фонтан. И вы явственно ощущаете, что перед вами создание, превосходящее привычные человеку мерки, таинственный дух, воплотившийся в чудовищном черном цилиндре. Попробуйте представить себе: под серым небом полуострова Калифорния в стальных водах залива медленно скользит черная громадина. Честное слово, зрелище внушительное, и не только внушительное — устрашающее.

САМОЛЕТ И ПАРАШЮТ

За несколько дней отряд сумел отснять всего несколько метров сколько-нибудь пригодных кадров. Несмотря на все предосторожности, было исключительно трудно подойти к китам достаточно близко. Одна из проблем заключалась в том, что, хотя Матансита площадью уступает бухте Скаммона, все-таки на веслах пересекать ее трудновато. Ребята несколько раз пробовали от берега подойти к ближайшей группе китов, но киты неизменно успевали уйти.

Тогда Филипп решил проводить рекогносцировки на самолете, определять, где группируются киты, и направлять туда «Зодиак».

Он взял также на себя систематический поиск спаривающихся китов и рожающих самок. К тому же, пролетая несколько раз в день над заливом, он мог вести приблизительный учет животных, входящих в бухту и покидающих ее, следить за проливом и получить общее представление о повседневной жизни исполинов, чего никак не могло дать наблюдение с «Зодиаков».

Люк в задней части кабины позволял надежно привязанному оператору снимать интересные сцены, однако у самолета был серьезный недостаток — он слишком шумел. Найти китов, застать их врасплох удавалось, но было слишком очевидно, что гул мотора пугает их.

Тогда Филипп решил испробовать парашют. Его эксперимент едва не кончился трагически. Вытяжной строп лопнул и с такой силой хлестнул Филиппа пряжкой по лицу, что его вылавливали из воды в бессознательном состоянии. Да и вообще этот способ тут не годился, ведь нужно взлетать и идти против ветра, а длинная узкая бухта Матансита расположена под прямым углом к преобладающим ветрам.

Так выглядит голова серого кита. Снимок сделан в бухте Скаммона

РЕШЕНИЕ

Решить задачу помог воздушный шар — аппарат, которым Филипп успешно пользовался и в Красном море, и в Индийском океане, у острова Европа.

Шар был обычного типа, классический монгольфьер, наполняемый горячим воздухом с помощью нефтяной горелки. Главная сложность в том, что шаром трудно управлять из-за термической инерции. Он поднимается и опускается с заметным ускорением, и от пилота требуется немалое искусство, чтобы держать его на нужной высоте. Не говоря уже о том, что работать с ним можно было только в самые тихие дни.

Дождавшись погожего, безветренного дня, Филипп вооружился кинокамерами и поднялся на шаре. Вместе с ним поднялась его жена Джен; она настояла на том, чтобы сопровождать его.

— В уме я до сих пор вижу тень шара на воде, — вспоминает Филипп. — День был на редкость тихий и ясный. Я видел, как поднимаются к поверхности киты, видел даже скатов и песчаных акул на дне. С «Зодиака» их ни за что не разглядишь. Словом, впечатление потрясающее. Я снял множество таких кадров, каких с самолета никогда не снимешь: во-первых, он движется слишком быстро, во-вторых, шум мотора пугает животных. Конечно, и шар шумит, но только во время взлета. Метровое пламя нефтяной горелки рычит, словно лев. А когда аэростат уравновешен в воздухе, достаточно совсем маленького пламени. Можно сколько угодно висеть над одной точкой и не бояться, что потревожишь животных. Должно быть, шар им кажется частью окружающего пейзажа.

Однако через некоторое время подул ветер и понес аэростат к морю. Пришлось Филиппу сбросить лить, и дежуривший внизу «Зодиак» отвел шар обратно к «Поларису».

Ночь, финвал спит, и мы стараемся его не спугнуть

Филипп смог выяснить некоторые важные вопросы. Так, он определил, где больше всего скапливаются киты, высмотрел, в каких укромных уголках происходят роды.

Он видел также, как молодой самец задумал поухаживать за самкой, сопровождаемой детенышем. Самка не принимала ухаживаний и отталкивала самца головой. Он колотил хвостом по воде и никак не желал оставить ее в покое.

— Это был настоящий спектакль! — рассказывает Филипп. — Самец с разгона бросался на нее. Впечатление такое, будто сталкивались два корабля. Один раз детеныша угораздило очутиться между взрослыми, так беднягу даже выбросило из воды. В конце концов у самки лопнуло терпение, она как следует хлестнула ухажера хвостом и ушла вместе с детенышем.

ВЛЮБЛЕННОЕ ТРИО

Однажды Тед осматривал бухту с кормы «Полариса». Около полудня вдруг послышался его голос:

— Глядите! Глядите! Все сюда!

Оператор Бернар Местр и его помощник поспешно прыгнули в «Зодиак» и помчались туда, куда показывал Тед. Три кита бултыхались в воде, сбивая ее в пену.

Не сразу удалось понять, что тут происходит. Можно было подумать, что два самца соревнуются из-за самки. Казалось, они отталкивают друг друга, где тут состоится брачному ритуалу! Но Тед рассказывал, что в таких эпизодах почти всегда участвуют два самца. Задача второго — помогать им сохранять надлежащую позу.

Как бы то ни было, на сей раз, когда подошел «Зодиак», самец номер два возбужденно плавал вокруг пары, которая плескалась в воде так, что гул стоял. Ребята наблюдали трогательное зрелище: самка обнимала самца лапами...

«Зодиак» находился совсем близко, и патетическая сцена мучительной, трудной любви исполинов, словно принадлежащих к совсем другому миру, потрясла сидевших в лодке людей. Сперва они собирались спуститься под воду, но решили, что ближе подходить не стоит. Хороших кадров получить не удалось: уж очень бурно вели себя киты, да и вода совсем замутилась.

Что было бы, решились они все-таки прыгнуть в воду и подплыть ближе? На это трудно ответить. Во всяком случае, троица была настолько возбуждена, что не замечала ничего вокруг. Вообще-то серые киты не отличаются особой агрессивностью, пока дело не доходит до защиты детенышей, но они могут нечаянно задеть человека ластом или хвостом, а от такого шлепка недолго и на тот свет отправиться.

Тед Уокер подчеркивает, что успешный акт в жизни самца редкость, а не правило. Необходимо стечение многих обстоятельств: надлежащее время года, удобное место, готовность самки, победа над одним или несколькими соперниками. Уже поэтому спаривание невозможно во время миграции из Берингова моря. Вся энергия стада уходит на движение, ведь срок на переход до полуострова Калифорния ограничен.

Не все китообразные спариваются одинаково. Часто инициативу проявляет не самец, а самка.

Когда «Кэлью» занимался исследованиями горбача в бермудских водах, членам экспедиции не пришлось наблюдать спаривание. Но они видели, как горбачи выскакивали из воды на воздух. Может быть, эти прыжки были связаны с любовными играми или завершали неудавшийся акт?

Серые киты — великолепные акробаты, бы совершить такой прыжок, им надо аить скорость 40 км в час.

Воздушный шар позволил наблюдать и снимать серых китов, не тревожа их

На борту «Полариса». Шар поработал, можно его складывать

Кстати, горбачи — признанные чемпионы по прыжкам. Целиком выскакивая из воды, они затем с гулом и плеском шлепаются на спину. Получается довольно внушительная демонстрация мощи сорока-, пятидесятитонных исполинов...

Филипп видел у Бермудских островов любовные игры китов, но это были не горбачи. Вот его рассказ:

— В тот день стояла дивная погода, и только мы вышли на «Кэлью» из бухты, как сразу увидели поодаль сперва один фонтан, потом два. Подошли ближе, спустили на воду «Зодиак», и я отправился на разведку вместе с Бернармом Делемоттом и Домиником Сумианом. Мы увидели двух китов. Сначала

приняли их за серых: они были не такие темные, как горбачи, и не имели спинного плавника.

Остановили «Зодиак» метрах в двухстах, чтобы не пугать китов, и мы с Делемоттом пошли вплавь. К сожалению, вода была мутная, но мы все же хорошо рассмотрели, что происходит. Два южных кита совершали брачный ритуал. Они прижимались друг к другу всем телом, обменивались ласками.

События развивались очень быстро. Киты не настолько увлеклись, чтобы не заметить нас. А когда заметили — сразу ушли, я успел отснять лишь около десяти метров пленки.

Я уверен, что это были южные киты. Короткие, совершенно треугольные ласты, спинного плавника нет. Огромная пасть, пятнистое брюхо. Они резко отличались от всех усатых китов, которых мы видели прежде. Чем-то смахивали на огромных, тучных коров.

Большинство китов моногамны в том смысле, что самец остается верен самке во всяком случае на один сезон. Обычно во время брачной поры киты держатся по двое или по трое. Не исключено, что у серых китов с их более вольными нравами бывает полиандрия. К этому выводу нас склоняют некоторые наблюдения в бухте Скаммона.

Другие же усатые киты — финвалы, горбачи и прочие — предпочитают вдвоем заниматься, как говорит профессор Будкер, «игрой, призванной обеспечить продолжение вида».

Кашалоты ведут себя совсем иначе, чем усатые киты. Любовные игры у них происходят куда более бурно, и самцы — типичные полигамы. Нередко семья крупного самца насчитывает от 20 до 50 членов — самок и детенышей.

Однако вожак стада рано или поздно должен уступить свое место конкуренту. По-видимому, среди кашалотов происходит такое же соперничество, как у тюленей и морских слонов; вокруг большого стада всегда увиваются молодые самцы.

Смещенный вожак остается один. Укрываясь от позора, он ищет убежища в водах Арктики и Антарктики. Недаром в полярных морях китобои находили огромных старых самцов-отшельников, которых они называли «императорами»*.

ЯСЛИ ЛЕВИАФАНОВ

После прекрасной работы, проделанной Филиппом и его отрядом на борту «Полариса III» в заливе Матансита, я решил завершить наши наблюдения над серыми китами визитом в бухту Скаммона. Филипп не занимался ею, эта бухта была слишком велика, чтобы исследовать ее с тем снаряжением, которым он располагал на «Поларисе». Если же прийти туда на «Калипсо», подумалось мне, наши «Зодиак», катера и прочее снаряжение, не говоря уже о двадцати девяти калипсянах, позволят справиться с наблюдениями над серыми китами, которых, как нам говорили, в бухте Скаммона видимо-невидимо.

Одним из наших самых заветных желаний было присутствовать при рождении китенка. Отряд Филиппа нашел кормящих мамаш, смог даже снять их. В искусственных бассейнах роды дельфинов запечатлены на пленке, но еще никто не видел, как рожают киты. Нам казалось, что это увлекательнейший сюжет.

Обычно усатые киты производят потомство раз в два года, выкармливают детеныша 9 месяцев. У кашалотов беременность длится не год, а 16 месяцев, и детеныши появляются раз в три года.

Известно, что китообразные выходят на свет хвостом вперед. Поразительный факт, ведь у всех других живородящих млекопитающих детеныш обычно появляется головой вперед. (Исключение составляют летучие мыши Chiroptera.)

Родись китенок вперед головой, он мог бы захлебнуться, а так мамаша сразу после родов выталкивает его на поверхность, где он делает первый вдох. При этом мамаше помогает одна или несколько самок — «тетушки»; они и потом выступают в роли нянь. Судя по всему, «тетушки» по-настоящему привязаны к малышу.

Вести «Калипсо» в бухту Скаммона оказалось непросто и небезопасно. Единственный пролив довольно узок и мелок. Изгиб за изгибом, отмель за отмелью, причем их очертания меняются с каждым приливом и отливом. Больше того, часть бухты у самого пролива заболочена; не будь проход обозначен зигзагом буев, ни за что не проскользнуть.

«Калипсо» дважды чиркнула по дну. К счастью, грунт был илистый, и судно легко одолело препятствия.

Мы выбрали удобное место для стоянки и бросили якорь. Ежедневно на рекогносцировку выходили оба «Зодиака» и оба катера. Китов и впрямь было предостаточно, лодкам приходилось маневрировать предельно осторожно, чтобы не потревожить их.

Многие киты словно дремали. Рядом лежали детеныши, некоторые уткнулись головой в грудь мамаша около соска, но не сосали. Иногда мать с детенышем затевали игру, терлись друг о друга.

Как и все дети, китята не ведали, что такое опасность, и относились ко всем живым тварям с полным доверием, а также с великим любопытством.

Когда серые киты спят, голова и хвост скрыты под водой, только круглая пятнистая спина торчит

наружу. Пришло время делать вдох — могучая голова медленно поднимается, и тишину нарушает громкое пыхтение. Затем голова так же медленно опускается. Пока мамаша дремлет, детеныш резвится около нее.

Приближение «Зодиаков» киты воспринимали по-разному. Мы сразу заметили: когда лодка подходила к спящему зверю сзади, он ее не замечал, во всяком случае никак не реагировал. Когда же мы подходили спереди, кит просыпался и вздрагивал, чему мы вовсе не были рады — чего доброго, заденет «Зодиак». Видимо, чувствительность кита к звукам, идущим сзади, намного меньше, чем к звукам спереди. Сигнальный аппарат нацелен вперед.

Детеныши реагировали иначе. Они обычно не спали; появление «Зодиака» с людьми тотчас привлекало их внимание, и они либо радостно подплывали к нам, чтобы поиграть, либо пугались и отступали.

РАЗЪЯРЕННЫЙ КИТ

Когда детеныш, покинув спящую мать, подплывал к «Зодиаку», чтобы рассмотреть лодку поближе, мы были готовы удовлетворить его любопытство, правда не безоговорочно, ведь любопытный кит, пусть даже это крошка длиной всего 3 — 5 метров и весом в несколько тонн, не самое безопасное соседство для такого легкого суденышка. Однажды мамаша любопытствующего отпрыска, проснувшись, вдруг обнаружила, что дитяти нет рядом. Поглядела вокруг, а он заигрывает с Филиппом, Делемоттом, Сержем Фулоном и — надо же! — с «Зодиаком». Она рванулась к лодке, и всё — люди, снаряжение, «Зодиак» — взлетело на воздух. Совершив небольшой полет, лодка шлепнулась на поверхность взбаламученного моря, а нежная мать увела своего крошку подальше от опасности и даже не оглянулась. Сами по себе калипсяне не вызвали у нее никакой вражды, она думала только о благополучии ребенка. Материнское чувство у крупных морских млекопитающих развито очень сильно.

Обычно мамы вразумляют детенышей, не прибегая к физическому воздействию. В бухте Матансита одному малышу вздумалось потереться о корпус «Калипсо». Проснувшись и увидев, что происходит, мать взмахнула могучим хвостом, примчалась за озорником и поспешно увела его прочь, чуть ли не человечески выражая любовь и негодование.

Но были примеры и другой реакции малышей на появление «Зодиака». Один китенок, увидев лодку, возбужденно заметался вокруг матери и подталкивал ее головой, всячески стараясь разбудить. Она продолжала дремать, тогда малыш нырнул. Тут уж мать наконец проснулась и последовала за ним. Хорошо для «Зодиака», что вышло именно так. Мало ли что могло прийти в голову матери, если бы тревога детеныша сразу передалась ей.

ПАНИКА В БУХТЕ

В бухте Скаммона есть между дюнами укромные заливчики, где охотно укрываются мамы. Калипсяне быстро разведали эти убежища и назвали их яслями.

Подходя к яслям на «Зодиаках», надо было соблюдать особенную осторожность, потому что самки очень остро реагировали на всякую потенциальную угрозу малышам. Если мы заставляли их бодрствующими, они тотчас настораживались, готовые дать отпор, и на всякий случай заслоняли собой детенышей от «Зодиака».

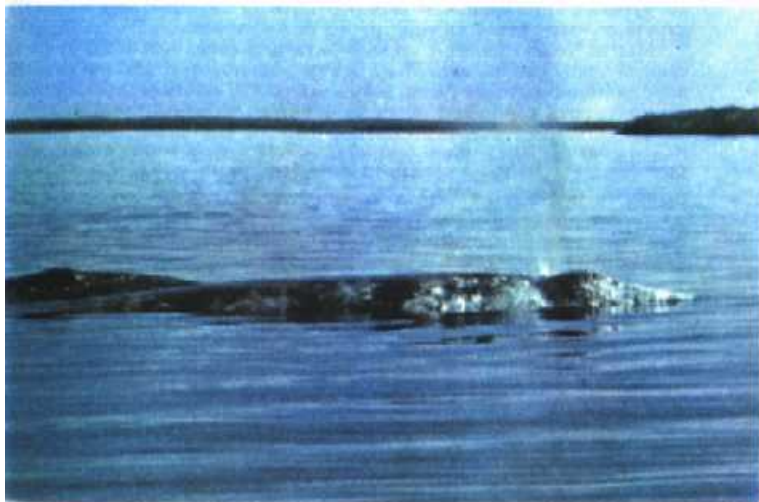
Раз Бонничи и Делемотт нечаянно произвели страшный переполох в яслях. Матери дремали, детеныши резвились рядом; в это время появился «Зодиак», и два малыша решили поближе рассмотреть странный предмет. В следующую секунду над заливчиком, словно смерчи, взвились к небу фонтаны сердитых родительниц, и поверхность воды избороздили волны. Когда вода успокоилась, малыши были уже насильственно водворены на место.

Все это произошло так быстро, что Делемотт и Бонничи даже не успели среагировать. Оператор машинально нажал кнопку кинокамеры, но, когда пленку проявили, оказалось, что на ней запечатлены лишь каскады воды.

В прошлом китобой в погоне за добычей часто использовали материнский инстинкт самок. Капитан Скаммон, чьим именем названа бухта, обычно открывал огонь по детенышам. Тотчас мамы шли в атаку на лодку, и гарпунерам оставалось только бить их в упор. Правда, это была опасная игра: не так-то просто увернуться, когда на тебя идет разъяренное животное тонн на сорок. Не одна лодка капитана Скаммона была разбита взбешенными самками. Но это не помешало ему истребить множество серых китов.

Кинооператоры-аквалангисты на «Зодиак» доняют кита

Два серых кита в заливе Матансита

КОЛЫБЕЛЬ

Мало-помалу мы наловчились приближаться к китам так, чтобы не пугать и не настораживать их. Соблюдая полную тишину, подходили к животным сзади. Такая тактика позволила калипсянам подсмотреть, как самки кормили детенышей. Это было удивительное и чрезвычайно трогательное зрелище. И у великанов кормление — великое таинство, отмеченное печатью нежности.

Когда малыш сосет, ласты матери служат ему люлькой. Если им никто не мешает, мать лежит на боку, покачиваясь вверх-вниз, и поддерживает детеныша, следя за тем, чтобы его голова оставалась над водой. Китенок пососет несколько секунд — отдохнет, потом опять сосет.

Соски китихи, скрытые в кожных складках, величиной под стать ее туше. Окружающие молочную железу мышцы выдавливают струю молока с такой силой, что она может пролететь 2 — 2,5 метра.

Мы не только видели молоко кита на поверхности воды, но и смогли попробовать его. Желтоватого цвета, с довольно резким вкусом, оно содержит очень много жира — 35 процентов; напомним, что жирность коровьего молока — 3,5 процента.

Китенок растет с невероятной быстротой, прибавляя в день больше 90 килограммов, это почти около четырех килограммов в час. Девять дней — тонна. Ни одно животное в мире не сравнится в скорости роста с китами: к трем годам детеныш голубого кита достигает примерно 15 метров. Молочное кормление длится около семи месяцев; 17 месяцев приходится, так сказать, на юность; еще через год кит достигает половозрелости.

РЕЗИНОВАЯ КУКЛА

Мы старались и так и сяк, но родов подсмотреть не сумели. И не потому, что киты были очень уж робкими, а потому, что в огромном лабиринте бухты Скаммона нам никак не удалось в надлежащее время попасть в надлежащее место. Очевидно, роды происходят очень быстро. Это просто необходимо, чтобы детеныш не захлебнулся. Судя по останкам, которые мы видели на берегах бухты, у серых китов

довольно высокая детская смертность.

Тед Уокер рассказал нам, что самка серого кита рождает на мелководье, лежа на спине, и тотчас выталкивает новорожденного на поверхность, чтобы он мог сделать первый вдох.

И в самом деле, мы видели новорожденных с мамашами только на мелководье. Тело такого детеныша мягкое, как резиновая губка, и он еще не умеет плавать. Даже если работает хвостом, все равно не двигается с места. И он не держится сам на воде, его удельный вес слишком велик, а грудная клетка недостаточно развита, воздух в легких не обеспечивает плавучести, поэтому мать должна поддерживать новорожденного. С «Зодиака» я часто видел мамаш, несущих детеныша на лапах у головы или груди. Малыш крутится в воде, словно бочка, то на спине лежит, то на боку, но мать все время поворачивает его на живот и следит, чтобы голова была на воздухе.

Зная, что новорожденный китенок не держится на воде, уже не удивляешься, почему серые киты идут за 4 — 5 тысяч миль в мелкие бухты полуострова Калифорния, чтобы произвести на свет потомство. Если бы роды происходили в открытом море, детеныши вряд ли могли бы выжить.

17 февраля. Весь день готовились к ночному погружению. Покрыли гидрокостюмы светящейся красной краской, такие же полосы нанесены на «Зодиак» и катера. Тед Уокер склонен думать, что у серых китов роды происходят только в темное время суток, оттого мы и задумали погружаться ночью.

Стартуем в 2 часа ночи. «Зодиак» и катера уходят в густой мрак. Все пристально всматриваются, нет ли завихрений на воде, не видно ли фонтанов. Вот операторы ушли под воду, ассистенты включили светильники. Видим неподвижные силуэты спящих китов. Аквалангисты не идут на сближение: зачем тревожить животных, тем более что еще неизвестно, как они будут реагировать.

Внимательно осматриваем спящих китов, однако не заметно, чтобы какая-нибудь самка рожала. Снимаем несколько кадров и возвращаемся на «Калипсо». Светает, утренняя заря окрасила дюны в розовый цвет.

ПЕЛИКАНЫ

Постепенно мы оценили и даже полюбили пустынные ландшафты Калифорнийского полуострова, где в сухих песках процветает свой, особый животный мир. огороженный скалами, по краю которых мангровые заросли купают в воде корни, похожие на змей.

Нашей главной задачей в бухтах Скаммона и Матансита было изучение серых китов. Но, прийдя туда, мы увидели еще и пеликанов и увлеклись ими почти так же, как китами. Они сразу бросились нам в глаза, и для нас было подлинным откровением, как они умны и до чего красивы в полете. Строй пеликанов напоминает эскадрилью бомбардировщиков. Приводнясь, они вытягивают ноги и скользят до 10 метров, прежде чем лечь на воду.

Пеликаны были с нами все дни. По утрам и вечерам, в одни и те же часы, когда воздух пронизывали розовые лучи солнца, они строем пролетали над серыми и персиковыми дюнами, словно выполняли продуманный, обязательный для них маневр.

День они проводили в одном месте, ночь — в другом, собираясь в огромные стаи, до тысячи особей. А то придет им что-то в голову — и летят по прямой над самой поверхностью воды.

Когда пеликаны ловили рыбу, каждого из них сопровождала чайка, сопровождала, что называется, по пятам и поедала все, что он ронял или оставлял. Пеликан ныряет — и чайка тоже.

Нам попался пеликан с перебитым крылом. Мы взяли его на «Калипсо», но на другой же день он ухитрился перелезть через борт и шлепнулся на воду. Лежит и жалобно кричит — взлететь-то не может. Серж Фулон прыгнул следом, подобрал пеликана и вернул на «Калипсо». До этой минуты птица не проявляла никакой враждебности, напротив, очень хорошо воспринимала нас. Но с той минуты, как Серж ее, можно сказать, спас, она не могла выносить его вида! Всем разрешалось гладить пеликана, только не Сержу. Стоило ему приблизиться, как пеликан поднимал страшный крик и угрожающе щелкал клювом. А пеликаний клюв с острым крючком на конце — достаточно грозное оружие...

Кормить гостя было поручено Делемотту. Он назвал своего подопечного Альфредом (в честь Альфреда де Мюссе), и польщенный пеликан очень бережно брал корм из его рук.

Этот пеликан привязался к обнимающему его Бернару Делемотту и больше никого не признавал

Естественно, как только Альфред поправился, мы его отпустили.

ШВЕЙНОЕ МАСТЕРСТВО

Не успел Альфред улететь, как у нас появился новый жилец из того же племени. Нашли его на берегу; он был очень жалкий, слабый и хилый. Филипп доставил беднягу на борт «Калипсо», мы осмотрели его и обнаружили, что мешок под клювом распорот во всю длину. (Эластичный мешок в нижней части пеликаньего клюва растягивается и вмещает изрядный запас корма.) Понятно, птица голодала, ведь добыча тут же вываливалась. И пострадала она не от несчастного случая, Нам рассказали, что местные мальчишки, поймав пеликана, разрезают ему мешок перочинным ножом...

Судовой врач Франсуа отыскал суровую нитку и большую иглу. Продезинфицировав их спиртом, он зашил пеликану мешок. Уже на следующий день птица могла есть. Еще через несколько дней доктор Франсуа объявил, что курс лечения закончен, и пациента отпустили.

Как ни мало длилось наше знакомство с этими двумя пеликанами, все калипсяне успели привязаться к ним. Право же, трудно устоять против созданий, так удачно сочетающих врожденное достоинство и юмор.

После нескольких недель общения с калифорнийскими пеликанами, видя их каждый день, слыша их крики, мы начали воспринимать этих птиц как неотъемлемую часть окружающей нас природы. Вместе с китами, песками и манграми они стали для нас олицетворением этого края, такого безлюдного и вместе с тем изобилующего живыми тварями. Казалось, здесь ничто не менялось с начала времен.

Пеликаны и киты мирно живут бок о бок, нисколько не мешая друг другу. Пеликаны не трогают туши погибших детенышей серых китов. Роль санитаров выполняют местные падальщики — грифы-индейки *Cathartes aura*.

ПРЕДАННАЯ ТЕТУШКА

«Калипсо» покинула Калифорнийский полуостров, когда серые киты начали выходить из бухты в Тихий океан, направляясь на север, к Ледовитому океану. Возглавляли стадо киты постарше, знакомые с маршрутом. Начиная долгий, 4-тысячегильный путь, киты прощались с пустынным краем, а впереди их ожидали изобилующие планктоном арктические воды. В этом странствии участвуют и совсем юные киты, благополучно перенесшие перипетии детства. Им помогают в пути матери и «тетушки».

Только тут мы обнаружили, что у выхода из пролива таятся в засаде хищники. Здоровенные белые акулы длиной до 4 метров подстерегали отставших от стада юнцов. Атаковать в открытую акулы не смеют. Они не так агрессивны и сообразительны, как косатки.

Мы опустили в воду «акулоубежища», и, несмотря на сильное течение, наши операторы с

ассистентами приготовились снимать прохождение китов. В глубине души они надеялись запечатлеть на пленке битву гигантов. Увы, никаких схваток не произошло. Да и вода была очень мутная.

Тогда мы пристроились к стаду. Миграция началась, и киты плыли не спеша, принаравливаясь к детенышам, о которых они вообще очень трогательно заботились.

Основа китового стада — семья, а семья зиждется на материнской любви. Новорожденный детеныш несколько лет нуждается в постоянной опеке. Но мать одна не в силах уберечь его от всех опасностей и обучить всему, что он должен знать. Помогает ей в этом не отец, а другая самка, которую принято называть «тетушкой».

Феномен «тетушек» объясняется физиологически. Поскольку беременность у китов длится 12 месяцев, самки рожают не каждый год. Когда детеныш выкормлен и становится более или менее самостоятельным, его мамаша оказывается без дела, и материнский инстинкт побуждает ее заботиться о других малышах. Это свойственно всем крупным морским млекопитающим, а также некоторым наземным, например слонам.

Кстати, в поведении китов и слонов есть и другие общие черты, возможно, потому, что беременность у них длится долго и потомство развивается медленно.

Мы и сами смогли убедиться, как надежны «тетушки». Нам встретился малыш, которого с двух сторон охраняли крупные самки. И сколько мы ни пытались зайти так, чтобы отделить детеныша, каждый раз одна из самок оказывалась между ним и «Зодиаком». (Китенок был слишком мал, чтобы нырнуть.) Одна из самок вела себя особенно возбужденно: все время крутилась и фыркала. В чем дело? Мы решили подойти к ней ближе, но она каждый раз отходила в сторону.

Лишь обнаружив, что мать с детенышем пропали из виду, мы поняли, что весь этот спектакль был затеян, чтобы отвлечь нас. Преуспев в своем маневре, «тетушка» нырнула и тоже исчезла, а мы остались в дураках.

Есть «тетушки» и у горбачей. Филипп Сиро, командовавший «Кэлью» во время бермудской экспедиции, заметил, что, когда преследуешь горбачей, они быстро уходят. Но если среди них есть хоть один детеныш, который не может поспевать за всеми, стадо ждет поблизости, а один из взрослых — очевидно, «тетушка» — уводит преследователей в другую сторону.

Вот еще пример в этом же роде. Одному «Зодиаку» почти удалось отсечь детеныша от родительницы. Малыш устал, спасаясь от преследования, ему грозил плен, и мать, казалось, уже ничем не могла ему помочь. Но тут вмешалась «тетушка»: она напала на «Зодиак», и, пока люди разбирались с ней, мамаша увела свое дитя подальше от опасности.

«ОНИ МОГЛИ НАС УБИТЬ»

Не одну тягостную ночь провела команда «Кэлью» на якорной стоянке над обособленным рифом в бермудских водах. Волны нещадно трепали маленькое суденышко, теснота была жуткая, и весь отряд мучился морской болезнью, только Филипп, Делемонт и Давсо устояли против нее. В довершение ко всему коек не было, и люди лежали в спальных мешках.

Но в один прекрасный день члены отряда были вознаграждены за все муки. Море утихомирилось, стало гладким, словно зеркало. А затем кто-то увидел неподалеку фонтан. И рядом другой, поменьше. Это была самка горбача с детенышем. «Зодиак» помчался к ним и принялся описывать «заколдованный круг». До сих пор этот прием совсем не действовал на горбачей, они всегда уходили. Теперь же он сработал безотказно. Конечно, причина была та, что мамаша не хотела бросать малыша.

Филипп и Делемонт погрузились в кристальную воду и, прилагая все усилия, чтобы киты не вышли за радиус действия кинокамеры, полчаса наблюдали поразительный подводный балет.

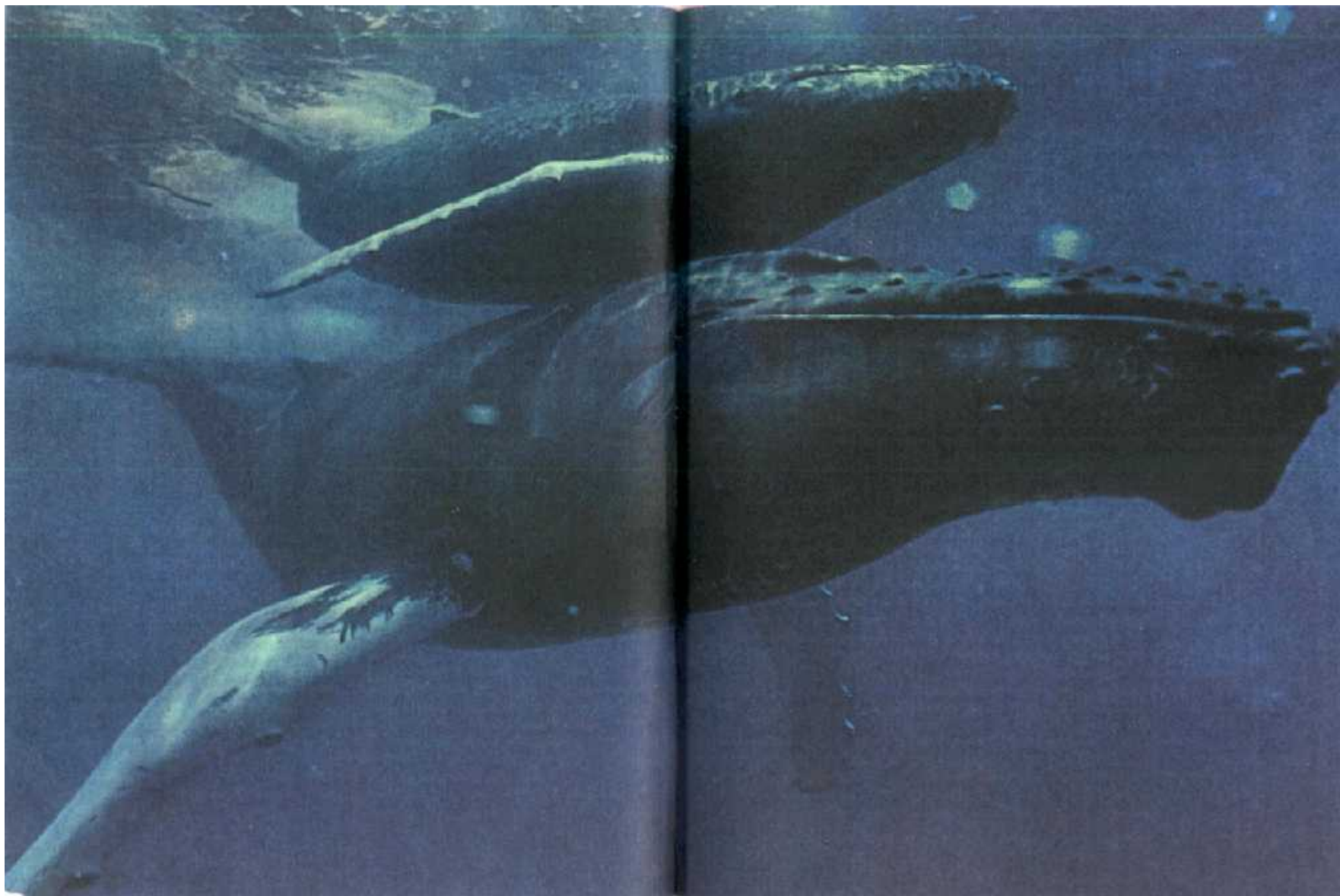
— Это была удивительно мирная картина, полная особого изящества, — рассказывал потом Филипп. — Мамаша раскинула свои огромные белые ласты, словно крылья. Идет по кругу, останавливается, снова трогается с места и все время поддерживает детеныша и подталкивает его к поверхности, чтобы дышал.

На снятых в тот день кадрах видно, как самка и малыш идут прямо на Филиппа, он с камерой в руках проплывает между ними — и мамаша сгибает конец лапы, чтобы не задеть его!

И это было вовсе не случайно. В другой раз один горбач поднял вверх весь ласт, пропуская оператора.

— Они двадцать раз могли нас убить, — говорил Филипп. — Честное слово, во всей моей подводной практике я не помню более прекрасных минут и часов.

Обычно, как ни старались мы отделить детеныша от матери, она всячески противилась этому. И чаще всего одерживала победу над нами.

Мама-горбач поддерживает своего малыша у поверхности воды

Попав в окружение, мать подталкивала детеныша, стремясь прорвать кольцо. Если в окружении оказывались два взрослых кита и малыш, мать оставалась с детенышем, а второй взрослый кит, отойдя в сторонку, ждал. Как только мы снимали осаду, все трое соединялись и плыли дальше.

КАШАЛОТЫ

Семейные узы кашалотов, похоже, еще прочнее, чем у беззубых китов. Ведь в стаде кашалотов может быть до сотни особей из одной семьи, возглавляемой крупным самцом.

Вот выдержки из моих записей об одной встрече с кашалотами в Индийском океане.

Понедельник, 15 мая. В 08.35 замечены киты, и мы тотчас спускаем на воду «Зодиак». Это кашалоты, они ходят маленькими группами. Стоит «Зодиаку» приблизиться к какой-нибудь из групп, как киты ныряют. Минут двадцать — двадцать пять они держатся под водой, потом всплывают поодаль. «Зодиак» мечется от одной группы к другой, и применить нашу технику «виразу» никак не удается. Вот Бебер взял курс на очередную группу поблизости от «Калипсо». Киты бросаются сначала вправо, потом влево; можно подумать, что они играют с нами.

В 11.21 одна группа ныряет и всплывает через 9 минут. Справа и слева впереди «Калипсо» видны фонтаны двух других групп. Потеха: Бебер носится туда и сюда*но никак не может их настичь. А они всплывают около «Калипсо» и спокойно плывут рядом с судном.

В 13.53 Бебер сдается.

В прозрачной воде у самого борта ходит великолепная корифена.

Вторник, 16 мая. Во второй половине дня Диди отправляется в свою каюту, чтобы вздремнуть, и вдруг видит в иллюминатор стадо кашалотов. (Интересно, чем были заняты вахтенные на палубе?)

14.05. «Зодиак» пытаются подойти то к одной, то к другой группе китов, и все безуспешно. «Калипсо» включается в преследование, но кашалоты не подпускают нас близко.

«Зодиак» делают новую попытку, и дважды могучий хвост, внезапно прорезая воду перед носом лодки, едва не опрокидывает ее.

ПОБЕГ МОЛОДОГО КИТА

Наконец Фалько замечает «юнца» весом всего около 3 тонн. «Зодиак» настигает животное и начинает описывать круги. Оказавшись в кольце бурлящей воды и рокота, кит теряется. Он не ухлтит вглубь, а поворачивает то в одну, то в другую сторону. Но вскоре замешательство сменяется раздражением, и юнец старается поймать открытой пастью проносящийся мимо «Зодиак». Сначала он лежит в обычной позе, на брюхе, потом поворачивается на бок, так что видно всю пасть. Фалько дважды выпускает в сердитого зверя гарпун для мечения, и оба раза острие отскакивает от кожи.

Тут подходят на катере Морис и Рене. Пока Фалько перезаряжает гарпунное ружье, они отвлекают озадаченного юного кашалота.

Но вот кит сориентировался и, собравшись с силами для заключительной атаки, бросается на катер. Столкновение... Грохот...

Подвесной мотор срывается и повисает в воде за кормой. Морис Леандри от толчка вылетает за борт, но, подхлестываемый страхом, живо возвращается на катер. Что же до юного кита, то он, прорвав кольцо, спокойно ныряет и исчезает, явно удовлетворенный успешным маневром.

Да только Бебер и Морис так легко не сдаются. Едва мотор водворен на место, катер и «Зодиак» мчатся вдогонку за беглецом. Промчавшись около мили, они настигают кита и снова замыкают кольцо. Юный кит опять попадает в «заколдованный круг».

Считанные метры отделяют «Калипсо» от поля боя, и Барский лихорадочно снимает. Слышим крики Фалько, его возбуждение передается нам, все хватают свои камеры и бегут на нос.

Юный кит снова пытается поймать челюстями катер и «Зодиак». Морис во второй раз летит за борт, все затаивают дыхание... Кит делает выпад вправо, влево, хватая зубами торчащую из кормы катера железную раму. Потом сворачивает в сторону, и Морис поспешно забирается в лодку.

«Зодиак» дважды достается удар могучим хвостом — к счастью, оба раза лодка, совершив небольшой полет, приводняется на днище.

Фалько стреляет из порохового ружья коротким, безвредным гарпуном — острие отскакивает от китового бока, словно от тугой резины. Фалько целится в брюхо, на этот раз гарпун пробивает кожу и вонзается в жировой слой.

На секунду кит замирает на месте, потом идет на запад со скоростью 8 узлов. В 17.05 буй на конце 500-метрового пропиленового линия чертит змейку на поверхности воды, и мы готовим на ночь аэростат.

Кит дышит нормально: выдох-вдох каждые четверть часа. По-прежнему идет на запад. Поодаль вырастают два фонтана — несомненно это родители юнца. На закате он соединяется с ними. Аэростат уже привязан к бую, и мы предвкушаем интересный вечер.

Вдруг буй останавливается. Аэростат плавно летит над водой, Бернар и Фалько мчатся к бую и выбирают линию. Он цел, цел и гарпун на конце линии.

— Поразительно умные животные, — объявляет Бебер. — Пока мне не докажут противное, буду уверен, что взрослые киты выдернули гарпун из брюха юнца.

И ведь не исключено, что так оно и было. Случаи взаимопомощи китов известны, и до нас давно доходили рассказы о китах, освободивших своего товарища от гарпуна.

Словно для того, чтобы развеялись все наши сомнения, вдали показываются три кита, они мирно плывут к темнеющему горизонту.

МАЛЫШ, КОТОРЫЙ ПОТЕРЯЛ ГОЛОВУ

Было у нас и еще одно приключение с китенком, которого решительно защищали от нас его сородичи.

«Калипсо» направлялась в Джибути за провиантом. Все мы были воодушевлены встречами с китами, тем более после того, как посмотрели кадры, запечатлевшие эти встречи.

Вторник, 24 мая. Замечены кашалоты. Четыре раза «Калипсо» пытается подойти к ним. Первые три попытки Ли снял на киноленту из подводной обсерватории. Но мы не сумели подойти достаточно близко, чтобы Фалько мог поразить кита гарпуном с носа «Калипсо».

Спускаем на воду два «Зодиака», они берут в кольцо молодого кита. Полтора часа, пока Бебер готовит свое оружие, лодки не отпускают жертву. В 10.30 гарпун вонзается в юного кашалота, в 11.00 от «Калипсо» отваливает катер с аппаратурой для подводных съемок.

Вскоре к юнцу присоединяются два взрослых кашалота (вероятно, родители), а там и все стадо подходит. Мы насчитываем вокруг

«Калипсо» 11 кашалотов, и есть среди них настоящие исполины. Внушительное зрелище!

С 11.25 до 12.30 лодки непрерывно снуют между «Калипсо» и плененным зверем; мы снимаем на фото и киноленту, над водой и под водой, записываем звук.

Наш звукооператор Лагорио, весь в проводах, с наушниками, с болтающимся на животе рекордером, прыгает с катера на катер и командует могучим баритоном: «Тишина!», производя больше шума, чем кто-либо другой.

В конце концов юному кашалоту удается уйти.

Осмотрев наконечник гарпуна, лишний раз убеждаемся, что наше снаряжение не годится для такой работы.

С палубы «Калипсо» видно, что китовое стадо охвачено возбуждением. Три кашалота совершают прыжки — несомненно, радуются, что молодой кит соединился с семьей то ли сам, то ли с помощью взрослых.

Рано радуются! «Зодиак» снова отрезает молодого кита и заставляет его замереть на месте. В 14.40 Фалько опять удается поразить пленника гарпуном. Э, нет, мы ошиблись, это другой кит, он покрупнее первого, и на нем нет метины от гарпуна. Впрочем, нам не до того, чтобы разбирать свою ошибку. Через 5 минут гарпун выскакивает, кит ныряет и уходит.

В 15.15 мы снова настигаем его и Фалько вонзает гарпун прямо в спину — торчит, будто маленькая мачта. А главное, держится. Затем следует обычная процедура: цепляем буй, 500 метров нейлонового линия, аэростат. Идет съемка, звукозапись.

Родичи нашего пленника плывут впереди «Калипсо», чуть правее, и ждут. Время от времени они издают звуки, то ли подбадривая его, то ли указывая ему путь. Один кашалот держится совсем близко и, похоже, отвечает на крики юнца.

Подводные микрофоны улавливают три рода звучаний: голоса молодого кита, его мамы и, по-видимому, вожака стада.

На этот раз ничто не мешает нашему радару следить за аэростатом. Погода чудесная.

Вторник, 25 мая. На рассвете китовое стадо по-прежнему рядом с нами. За ночь они прошли вместе с «Калипсо» 20 миль на север.

Получаем радарное эхо Адена: азимут 313, дистанция — 56 миль.

Хотим набросить аркан на хвост нашего пленника, чтобы извлечь гарпун и отпустить его. Однако это легче сказать, чем сделать. Бонничи и Ален делают попытку за попыткой, совсем из сил выбились, и тут юный кит сам помогает им: крутится и вертится так, что петля надевается ему на хвост. Мы не управились — он сумел.

Но как мы потом снимем аркан?..

Подойдя на «Зодиак», Бебер пробует выдернуть гарпун, но древко обламывается, падает в воду и

запутывается в лине.

Все это время Лагорио записывает с катера подводные звучания. Среди китов явно идет оживленная беседа. Очевидно, стадо ждет, чем закончатся наши маневры.

Отдохнув, Бебер и Ален пытаются обрезать аркан ножом, но кит так дергается, что невозможно ухватиться за ласт, и они боятся поранить пленника.

В 16.00 наступает торжественная минута. Делу ар снимает на кинолентку, как два аквалангиста под водой разрезают запутанный тшнь и освобождают кита. Наконец-то!

Юный кит идет к стаду. На смотровом мостике Гастон наблюдает в бинокль радостный прием, который китовая семья оказывает блудному сыну.

МАЛЫШ, КОТОРОМУ ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ

24 февраля. Напоследок хочу еще раз обозреть ставшую мне близкой бухту Скаммона с ее яслями, покоем для любви и кладбищем. Вместе с Филиппом на небольшом самолете совершаю полет над бухтой.

Перед вылетом прошу команды «Полариса» и «Калипсо» провести подсчет китовой популяции. Хотелось бы также подсчитать туши погибших новорожденных и определить процент детской смертности.

Длина новорожденного серого кита — около 3,5 метров, и весит он почти тонну. Через три месяца, достигнув 6 — 7 метров, он будет достаточно крепок, чтобы приступить к первому в своей жизни походу на север. Конечно, если доживет до той поры.

Детеныши подвержены разным болезням, есть у них и естественные враги — акулы и косатки. С воздуха мы насчитываем в бухте около десятка мертвых детенышей. И в мангровых зарослях вдоль берегов лежат скелеты. Кое-где кости сдвинуты корнями мангров.

Не все останки можно отнести на счет болезней или акул. В отличие от человека киты следуют неумолимому закону природы: при малейшем органическом недостатке у новорожденного мать сразу бросает его, и он, разумеется, гибнет. Бессердечие? Возможно, но только на человеческую мерку. В природе жизнь и смерть идут рука об руку, и, может быть, продлевать жизнь неполноценному детенышу более жестоко, чем дать ему поскорее отмучиться. К тому же, обремененное калеккой, все стадо пойдет медленнее и окажется уязвимее. А это ничем не оправданный риск, ведь, как бы мать ни заботилась об уродце, вряд ли он выживет. В море, как и в джунглях, законы природы не отменены, и лишь самые приспособленные достигают зрелого возраста.

НОВОРОЖДЕННЫЙ ТЕРПИТ БЕДСТВИЕ

28 февраля пилот нашего разведочного самолета докладывает по радио, что у входа в бухту застрял на мели китенок. Тотчас доктор Уокер, Филипп и Делу ар отправляются на катере к месту происшествия.

Небо над бухтой, как обычно, свинцовое, в воздухе легкий туман. Внезапно сквозь низкие тучи и мглу пробивается солнце. Филипп видит темный силуэт вдали, на песчаной косе. Катер идет туда. Несомненно, это китенок, о котором говорил пилот. Но жив ли он?

Тед Уокер и Филипп сразу же приступают к осмотру, Мишель снимает. Есть признаки жизни, правда совсем слабые. Проверив глаза детеныша, доктор Уокер сообщает, что в них еще теплится искра жизни. И разума. Он лихорадочно ищет на катере тряпки или брезент — что-нибудь, что можно намочить, чтобы накрыть беднягу.

Вне воды кит быстро погибает от перегрева. Солнце обжигает кожу, тело обезвоживается. Кроме того, ослабленное животное может захлебнуться во время прилива.

Вблизи китенок с распластанным на песке длинным плоским рылом, с голубоватой упругой кожей, с закрытыми глазами казался мертвым. Собственный вес приковал его к месту в нескольких метрах от животворной воды, и беспомощному сыну исполинов оставалось лишь ждать конца. Если мы не придумаем, как его спасти, он обречен и вскоре превратится в корм для птиц...

Как только мы начали поливать детеныша водой, ему стало заметно легче. Тед Уокер, весь в поту, с мокрой бородой, тяжело дыша, носил воду в полиэтиленовом мешке. Обольет несчастного китенка и спешит обратно к воде, шлепая мокрыми тапочками. Детеныш начал шевелиться.

СИРОТА?

Филипп уже передал по радио на «Калипсо», как обстоят дела, и попросил не мешкая прислать людей с сетью и канатами.

А детеныш что-то опять замер, глаза закрыты для защиты от солнца. Похоже, организм его чересчур обезвожен. И на голове кровоточит зияющая рана — кто-то клювом поработал, вероятно кулики: они

маленькие, да прожорливые.

По размерам раны Тед заключает, что китенок лежит тут не один час, может быть еще со вчерашнего вечера. Нам невдомек, что с ним могло случиться. Мало вероятно, чтобы его застал врасплох отлив. Он уже достаточно большой, и мать вполне могла своевременно выручить его.

Возможно, он сирота. Или калека, брошенный родительницей. Во всяком случае, он заметно истощен. Позже мы нашли в его экскрементах осколки ракушек, как будто он пытался прокормиться сам. Или же моллюски были дополнением к материнскому молоку; поди угадай, как было дело.

Тед Уокер не находит себе места: когда же прибудет спасательный отряд! Он словно отец, переживающий за больного сына.

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ

А вот и спасательный отряд мчится на «Зодиак» — Делемонт, Бонничи, Делькутер. Привезли большую сеть и тросы. И начинается баталия. Детеныш весит больше 2 тонн, никак с ним не справишься, тем более Тед все время твердит, чтобы с младенцем обращались понежнее, а Филипп то и дело покрикивает:

— Живей! Живей! Его надо поскорее в воду!

Медленно, с великой натугой шесть человек закатывают инертную массу на сеть и волокут к животворной воде. Ощувив прохладную влагу, китенок вздыхает, и по всему его телу пробегает дрожь. Но пациент еще не спасен. Калипсяне вернули его в родную стихию, однако он слишком слаб, на поверхности не держится. Дыхало под водой — того и гляди, захлебнется.

Спасатели лихорадочно трудятся, подвешивают сеть за концы к поручню катера, получается нечто вроде люльки, она поддерживает китенка на поверхности у борта, так что дыхало не захлестывается водой. Жгучее солнце поднялось совсем высоко, но пациент жив и дышит нормально. Тед Уокер, перегнувшись через борт катера, поглаживает беднягу, что-то ласково приговаривая.

Медленно, очень медленно катер идет обратно к «Калипсо». Тед умоляет Филиппа, чтобы шел тише... еще тише. Похоже, есть все-таки надежда спасти китенка. Все зависит от того, насколько был обезвожен его организм до нашего вмешательства.

МОРАЛЬНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Всех калипсян захватила психологическая и философская сторона эпизода с китенком; я, сверх того, воспринимаю возникшую перед нами задачу как личный вызов.

Этот детеныш словно лакмусовая бумажка для проверки нашей чувствительности, и наблюдать реакцию каждого очень интересно. Одни изображают твердокаменное равнодушие, а сами то и дело подкрадываются к борту посмотреть — дышит еще? Другие проявляют свои эмоции бурно, но таких меньшинство; что ни говори, работа на «Калипсо» — суровая школа. Всего интереснее смотреть на тех, кто держится спокойно и высказывает наиболее остроумные и эффективные идеи. На их примере особенно ярко видно, как трудно человеку мыслить трезво, когда речь идет о животных.

В самом деле, мы — 30 человек и корабль — находимся здесь отнюдь не для того, чтобы поправлять природу, спасая погибающих животных или пытаясь сократить детскую смертность, которая является естественным средством обеспечивать сохранность вида. И все же, разумно ли, нет ли, мы считали, что отвечаем за этого детеныша. Он умирал, мы подобрали его и, кажется, спасли. Тем самым мы как бы взяли на себя обязательство сделать все, чтобы он выжил.

Все три дня, что китенок находился с нами, калипсяне были особенно доброжелательны и предупредительны. Каждый был готов отстоять лишнюю ночную вахту, все следили за дыханием бедняги, ловили каждое его движение.

В первый день, когда китенка нашли и отбуксировали к «Калипсо», я решил, что лучше оставить его в воде, в люльке из сети, пусть понемногу восстанавливает силы. А главное, памятуя наши наблюдения, я надеялся, что мамаша будет разыскивать свое дитя и услышит его голос. Для нас это было бы идеальным решением проблемы: отпустим китенка и вернем его матери.

Маленький кит застрял на берегу, и Тед Уокер пошел за водой, чтобы полить его

Тед Уокер оказывает первую помощь пострадавшему китенку

А пока следовало круглые сутки охранять его, ведь он мог стать легкой добычей акул, которыми кишела бухта. Ночью каждые два часа сменялся часовой, вооруженный винтовкой. Ему же было поручено регулярно проверять состояние китенка и тотчас известить меня, если покажется родительница.

Первая ночь прошла без приключений. Утром китенок все еще был жив, однако мать не показывалась.

ИОНА

В кают-компании утверждаем для китенка имя — Иона. Очень подходящее имя, если учесть, что это существо вышло живьем из китового чрева.

Похоже, что Иона пошел на поправку. Глаза открыты, и они уже не стеклянные, взгляд ясный; когда мы глядим на китенка, он глядит на нас. И ведет себя поживее, чем прежде.

Первая задача — придумать, как его кормить. И я начинаю осознавать, сколь велика ответственность, которую мы взяли на себя с той минуты, как сняли Иону с песчаной косы и отбуксировали к «Калипсо». Чем и как кормить двухтонного младенца? Тед Уокер старательно готовит пюре из наличных запасов сгущенного молока, муки и витаминов. И несет Ионе это блюдо.

Китенок невозмутимо глядит на него и учтиво распахивает пасть, когда Тед бросает ему порцию корма. Но угощение не проходит в глотку, все оказывается в воде.

Тогда мы мастерим из бочки и шланга огромную детскую бутылочку. Тед разбавляет пюре, получается совсем жидкая каша, мы суём конец шланга в пасть Ионе, надеясь, что он инстинктивно начнет сосать. И он сосет, но по-прежнему не может проглотить.

ОН МЕНЯ ЛЮБИТ!

Заклучив, что возраст Ионы вполне позволяет ему принимать более твердую пищу, Тед вместе с группой добровольцев готовит смесь из моллюсков и кальмаров. Это угощение Иона глотает, притом с явным удовольствием. Тед кладет горсть за горстью на огромный язык, изогнутый в виде корыта. Кончив есть, Иона задерживает руку Теда и не отпускает ее. Со слезами на глазах Тед Уокер восклицает:

— Он понимает, что мы хотим его накормить! Он понимает... он меня любит!

Тед, всю жизнь изучающий животных и заочно привязанный к ним, тронут до глубины души поступком Ионы, этим призывом о помощи.

Отдаю команду остановить съемки и звукозапись. Негоже запечатлеть на пленке сердечный порыв любителя животных.

Чтобы скормить нашему младенцу 10 килограммов моллюсков и кальмаров, пришлось работать целый день, ведь четыре человека добывали этот корм на дне бухты. А что такое 10 килограммов для кита, даже новорожденного!

Надо добывать еще.

Обычный распорядок дня «Калипсо» перечеркнут, теперь все вращается вокруг Ионы. Рабочий график поломался, едим когда придется. Все крутятся около знатока китов Теда Уокера, предлагают свою помощь для спасения Ионы. Каждый старается что-то придумать сообразно своему темпераменту и опыту.

Но что поделаешь, наши возможности сильно ограничены. Доступный нам провиант, не считая моллюсков, рассчитан больше на людей, чем на китов. Проблема нештучная. Сейчас-то Иона как будто набирает сил. Я верю, что он со своей стороны делает все от него зависящее.

Для полного успеха нам прежде всего нужен большой бассейн, где мы могли бы ухаживать за Ионой. И конечно, нужны лекарства и опытный ветеринар. Ни того, ни другого нет, и негде взять. Меня осеняет мысль связаться по радиотелефону с Морским зоопарком в Сан-Диего. Директор говорит, что с радостью примет Иону и будет выхаживать его, пока китенок не оправится настолько, чтобы его можно было выпустить. Несомненно, это лучший выход, к тому же единственный. Нелегко расстаться с нашим малюткой, отдать его в чужие руки. Но и держать китенка, зная, что нам вряд ли удастся его спасти, — непростительный эгоизм. Тем более что в Сан-Диего специалисты, конечно же, обеспечат ему наилучший уход. И наблюдения с новейшей аппаратурой будут на благо не только Ионе, но и другим китам. Так что у нас просто нет выбора.

Но тут возникает другая проблема: как доставить Иону в Сан-Диего? Он не выдержит такой долгой буксировки, даже если мы пойдем медленно, а ведь его нужно доставить возможно быстрее.

КИТОВАЯ СБРУЯ

Впрочем, сию минуту нас больше всего заботят раны на голове Ионы: они гноятся. Морис и Анри задумали сделать сбрую, в которой китенок чувствовал бы себя удобнее. А как совсем оправится — если вообще оправится, — сможет свободнее двигаться в воде у борта «Калипсо». Решено поднять его на кормовую палубу; наденем сбрую, а заодно Тед займется ранами.

Поднять кита из воды — дело мудреное. Даже новорожденный китенок может сломаться от собственного веса без равномерной опоры. Готовим нечто вроде гамака, подвешиваем его к пневматической лебедке, предельно осторожно заводим под туловище пациента, затем медленно, бережно поднимаем Иону на палубу.

Тотчас Тед принимается за дело. Он заключает, что поклеваны птицами чувствительные губы, защищающие ус; есть раны и вокруг дыхала. Проверяет дыхание Ионы, пытается прослушать сердце стетоскопом, но жировой слой слишком толстый. Затем он смазывает раны Ионы пастой из антибиотика и силикона.

Китенок на борту «Калипсо»... Это что-то удивительное, небывалое. Мы его видим, слышим дыхание,

улавливаем трепет жизни в темной туше. Даже ощущаем излучаемое ею тепло... Иона такой же тепловкровный, как мы. Пусть вне воды он похож на резиновый мешок с костями. Мы ведь видели китов в воде, знаем, как они изящны, как великолепны в своей родной стихии.

Иона отнюдь не посторонний, не чужой — мы словно давно знакомы и переживаем за него так же, как за любимого пса, ушибленного автомашиной, с той разницей, что чистая случайность позволила нам прийти к нему на выручку. Не будь нас здесь, его уже не было бы в живых.

ДЫХАЛО

Сейчас никто не задается вопросом, возможно ли общение человека с китом, не разделяет ли нас неодолимая пропасть. Мы думаем лишь об одном: его нужно спасти. Я бы сказал, что Иона и сам нас к этому призывает. До чего же он трогателен, и особенно трогательно зрелище его дыхала, когда оно, дрожа, втягивает живительный воздух. Дыхание кита похоже на дыхание человека, только много-кратно усиленное. Почему-то это сходство поражает и волнует нас больше любого другого проявления жизни сына моря.

Тед Уокер пытается открыть пасть китенка, чтобы кормить его

Китенок только что скончался

После обработки ран бережно надеваем на пациента сбрую и опускаем его в воду. Никогда еще

вахтенный не обращался так бережно с лебедкой.

Вернувшись в воду, Иона оживает и делает несколько движений хвостом, словно хочет выразить свою благодарность и показать, что все в порядке. Сбруя ему явно больше по вкусу, чем сеть.

Вечером Тед Уокеру не сомневается, что мы спасем Иону. Правда, не решен вопрос, как доставить его в Сан-Диего. Может быть, удастся вызвать гидроплан? Похоже, что состояние китенка улучшается. Правда, я замечаю, что ему трудно сохранять равновесие даже при самом малом течении.

Сегодня здешний пейзаж кажется нам особенно угрюмым. Тихо, пустынно, глухо, как будто мы попали в чужой мир. Вполне подходящий фон для эпизода с Ионой... Мы усыновили китенка, но бессильны что-либо предпринять сверх того, что уже сделали для него.

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Юный сирота борется за жизнь изо всех сил. Мы сделали для него все, что могли, но еще надо охранять его против снующих вокруг судна ночных хищников. И мы опять ставим на ночь вооруженных часовых.

В 3 утра просыпаюсь и выхожу на палубу проверить Иону. Вроде бы чувствует себя хорошо. Море спокойно.

В пять утра вахтенный Каноз будит капитана судна Кайяра. Выбежав на кормовую палубу, Кайяр видит, что Иона силится лечь на спину и очень тяжело дышит.

Тогда Каноз поднимает меня. Пулей вылетаю на палубу и обнаруживаю, что Иона мертв. Поздно мы нашли его. Он был слишком обезвожен, слишком обожжен солнцем, чтобы мы с нашими примитивными средствами могли его спасти.

Гляжу на светящееся небо. Пеликаны уже проснулись и кружат высоко в воздухе.

Все калипсы, словно их поднял беззвучный набат, столпились на корме. Иона стал уже неотъемлемой частью истории «Калипсо». Для этих ребят, большинство которых совсем молоды, он воплощает великое таинство жизни и смерти, одно из чудесных творений природы. И та же природа с коробящей человека жестокостью по своей прихоти уничтожила его. Мы и прежде видели смерть морских великанов, но никогда не были потрясены так, как при виде медленной агонии детеныша, который не хотел умирать и которого мы пытались вернуть к жизни. Но ведь наша реакция — это реакция наземных существ. Море не знает сочувствия и жалости.

Как это бывает, когда смерть подводит черту страданиям человека, кончина Ионы пробуждает нас от транса. На «Калипсо» восстанавливается нормальный распорядок, нарушенный так драматически, так трагически.

Теперь надо распорядиться останками. Катер оттаскивает тушу в сторону, на глубокое место, и мертвый Иона идет на дно. Мы не стали снимать с него сбрую. И мы не желаем видеть, что будет с ним, когда его обнаружат акулы.

Придя в себя от потрясения, видим, что ожидавшийся нами уход китов уже начался, начался давно, а мы и не заметили.

Ничего. Еще много столетий будут они снова и снова возвращаться сюда, где проходят важнейшие часы их жизни — часы любви, рождения и смерти.

Мы наблюдали все эти этапы когда почтительно, когда изумленно. Облеченный в плоть исполинов морей круговорот жизни и смерти производит особенно сильное впечатление. Хотя существо длиной 15 метров, весящее 40 — 50 тонн, превосходит все человеческие мерки, оно дышит, любит, страдает так же, как мы. Как ни различны наши жизненные пути, они в чем-то близки.

Сколько еще просуществует чудо природы — серый кит в современном мире? Теперь его охраняет закон, ему не грозит избиение, какое происходило в прошлом веке. Но всегда ли его убежище у берегов Калифорнийского полуострова будет оставаться нетронутым? Всегда ли его залив будет оправдывать свое название бухты Уединения? Уединения для нуждающихся в нем китов...

СИЛЬНЕЕ И УМНЕЕ ВСЕХ: КОСАТКА

Между могучим кашалотом и голубым китом, с одной стороны, и стройным дельфином — с другой, стоят несколько животных средней величины, тоже морских млекопитающих, тоже наделенных интеллектом и напоминающих своей физиологией человека. Все они производят звуки, которые можно назвать осмысленными. Это гринда, это косатка, это бутылконос.

Умеренная — относительно — величина этих зубатых китов облегчает человеку контакт с ними. Ведь кашалоты и усатые киты при всем их миролюбии порой не отдают себе отчета в собственной силе.

До недавнего времени средние китообразные были мало изучены. Мы почти ничего не знали об их поведении, интеллекте, социальном инстинкте. Рассказы китобоев, отмеченные печатью человеческой предвзятости, живописали некоторых из них самыми страшными красками. Так, косатку называли «кит-

убийца». Недаром природа вооружила ее грознейшими зубами, до 28 в каждой челюсти.

Во время экспедиций «Калипсо» мы встречали немало гринд и косаток. В Красном море («Калипсо» стояла на якоре возле рифа) наши аквалангисты заметили игравших неподалеку от судна гринд. Тотчас Мишель Делуар ушел под воду с камерой, однако ему удалось отснять всего несколько метров пленки. Только подойдет к гриндам — они бросаются врассыпную, потом снова собираются вместе. Было такое впечатление, что мы застали их в период спаривания и они были заняты брачными играми. В таком случае наше вмешательство, естественно, было для них совсем некстати,

В другой раз, когда мы возвращались из очередной экспедиции, гринды встретились нам на полпути между Алеутскими островами и Анкориджем. Мы их легко узнали по круглой, как мяч, голове и ровной темной окраске. (Косатку отличают большие белые пятна.)

Эти гринды вели себя не так робко, как виденные нами в Красном море. Они подпустили «Калипсо» почти вплотную, потом не спеша удалились. Длина самой крупной из них была метров пять-шесть; максимум для этого вида — около 8 метров. Мы насчитали около двух десятков экземпляров, а бывают стада по несколько сот особей.

Стадо гринд — настоящий морской гарем, ведь самец, как и у кашалотов, полигам. Половозрелость у гринд наступает поздно: у самки — в шесть лет, у самца — в тринадцать.

Во время миграций гринды слепо идут за вожак, и это подчас приводит к катастрофе. Бывает, вожак, то ли чем-то напуганный, то ли по другой причине попадает на мель — и все стадо следует за ним*.

Кормятся гринды каракатицами и кальмарами. В памятную ночь у Санта-Каталины в Тихом океане, когда мы снимали брачный ритуал кальмаров, вокруг чудовищного скопления головоногих ходили гринды. Присутствие аквалангистов и яркий свет наших софитов вынуждали их держаться на почтительном расстоянии, но совсем уходить они не желали, и самые отважные время от времени делали бросок, хватили кальмара и поспешно удалялись с добычей. Гринды вообще робкие животные, не то что акулы, которым ни софиты, ни аквалангисты не мешали пожирать наших кинозвезд.

ГРОЗНЫЙ ВРАГ

В 1967 году в Индийском океане нам встретилось стадо косаток. Мы смотрели на них с опаской, как выяснилось, напрасно. Тогда еще нам ничего не было известно о поведении косаток в неволе, и мы, как и все, считали косаток самыми свирепыми из обитателей океана, отъявленными врагами всего живого в воде, включая аквалангистов. Нам представлялось, что в море нет никого страшнее косатки; наслышанные об интеллекте этого зверя, мы опасались его даже больше, чем акулы. (Ум акулы сравним с умом крысы; впрочем, крыса не так уж глупа.) Да и зубы косатки — огромные, острые — производили внушительное впечатление.

Мы знали, что косатки — общественные животные, ходят стаями и атакуют жертву сообща. Поэтому, увидев стадо косаток, мы заключили, что в этом районе сейчас царит ужас.

Приведу выдержки из журнала.

12 апреля 1967 года. В 17.30 замечена стая небольших дельфинов — особый вид, его представители практически неуловимы. Бебер, Бонничи и Барский тотчас выходят на «Зодиак» и до заката безуспешно гоняются за ними. К каким только трюкам ни прибегают эти дельфины! Сперва делятся на два отряда и расходятся в разные стороны. Преследуемый отряд снова делится на две группы. Затем уставшие ныряют, а их место занимают товарищи. Лодка отрезала одного дельфина — он прибегает к хитрому маневру: финт вправо, финт влево, назад. Только преследователи приноровились, как дельфин круто меняет тактику: либо ныряет, либо ложится на новый курс.

Возможно, такое необычное поведение — ведь мы привыкли к тому, что дельфины бесстрашно затевают игру около «Калипсо», — объясняется присутствием в этих водах косаток. Маневры, позволяющие дельфинам уходить от «Зодиака», несомненно, разработаны для обмана хищников.

За дельфинами и китами, представляется мне, почти всегда следуют акулы: подбирают остатки их добычи и даже нападают на детенышей или больных членов стада. Иное дело — косатки, они сами играют роль агрессоров, безжалостно расправляясь с каждым, кто позарится на их трапезу.

Тем не менее мы должны сделать все зависящее от нас, чтобы познакомиться поближе с этими животными. Применим тот же способ, что и с кашалотами, — вышлем «Зодиак» с гарпунером и с кинооператором, который не побоится прыгнуть в воду к косатке.

13 апреля. Не успел я разбудить Симону, как звучит сигнал тревоги. Все выскакивают на палубу, спускаем на воду «Зодиак». Но и с борта «Калипсо» ясно видно: косатки.

Их легко узнать по белым пятнам позади глаз и на брюхе, а также по треугольному спинному плавнику.

Все возбуждены. Утро принесло прекрасную погоду, суля отличный день.

Как обычно, косатки быстро ориентируются в обстановке и относятся к нам недоверчиво. Стадо включает здорового самца весом в несколько тонн. Его спинной плавник торчит выше всех, словно штандарт полководца. Плавник поменьше, второй по величине, очевидно, принадлежит самцу помоложе, сыну великана. Рано или поздно сынок даст бой отцу за обладание гаремом.

В этой группе восемь-девять взрослых особей весом почти до тонны и около полудюжины молодых косаток. Подобно стаду, которое мы преследовали южнее Сокотры в 1955 году, они стараются уйти от нас, подчиняясь командам вожака*. Общество людей и машин их не привлекает, и скорость «Калипсо» слишком мала, чтобы поспевать за ними.

Бебер и Бонничи затевают погоню на «Зодиак» с 33-сильным мотором, «Калипсо» идет следом. В 9 часов, после отчаянной полуторачасовой гонки на скорости 15 — 20 узлов и множества хитрых финтов, Бонничи видит справа от «Зодиака», совсем близко, могучую черно-белую тушу. Метает гарпун — в яблочко! Косатка стремительно бросается прочь, увлекая за собой красный буй. Эти животные способны развить скорость больше 30 узлов. Но обтекаемое тело косатки не рассчитано на буксировку. Даже умеренная нагрузка вроде буя наполовину сокращает ее скорость.

Заметив, что один из членов стада пошел медленнее, остальные тоже сбрасывают ход, чтобы он мог их догнать. Минут через десять вожак решает, что не стоит больше ждать, стадо делает рывок и исчезает. Сочувствуя пленнице, Бонничи обрубают гарпунный лить; легкий гарпун сам выскакивает, и косатка идет вдогонку за своими. Сюрприз: косатка не атакует!

15 апреля. В 8 утра опять сигнал тревоги. Посылаем «Зодиак». Он вскоре возвращается. Все те же небольшие робкие дельфины...

Дельфины удивительно изобретательны, когда им надо уйти от преследования

А через несколько минут Симона замечает стадо гринд. Сбавляем ход, но спуск на воду «Зодиака» на сей раз затягивается. Два часа длится безуспешная погоня за гриндами. Почему-то они не подпускают нас близко, как обычно, а в страхе спасаются бегством..Что случилось? Впервые видим таких робких гринд.

За кормой «Калипсо» идет акула, но едва мы замедляем ход, как она поспешно скрывается.

После второго завтрака делаем еще одну попытку догнать пугливых дельфинов — и опять безуспешно. Тут явно что-то не так. Все животные, которых мы встретили за последние три дня, чем-то напуганы. Может быть, орудут японские китобои, истребляя подряд всех млекопитающих? Поразмыслив, отвергаем эту догадку. Животных-то много, — значит, не в истреблении дело, а кто-то нагнал на них страху.

А ведь началось это после 12 апреля, когда нам встретились косатки. Может быть, грозные, хотя и не очень многочисленные хищники водятся здесь в больших количествах?

Под вечер замечаем стадо косаток. Тотчас спускаем на воду «Зодиак», и начинается погоня; она длится дотемна.

Стадо состоит из огромного самца (длиной 8 — 10 метров, весом не меньше 3 тонн, высота спинного плавника — 1,5 метра), почти такой же крупной самки (ее плавник заметно меньше), семи-восьми самок среднего размера и шести — восьми детенышей. Это не то же стадо, которое мы видели несколько дней назад: нет молодого самца. Но численность примерно такая же. Группа кочующих самок и детенышей возглавляется единоличным властелином. Значит, нет соперничества; вожак то ли убил, то ли прогнал

других самцов. И не известно еще, какая участь лучше: я сильно сомневаюсь, чтобы изгнанник в одиночку мог добыть достаточно корма.

Два часа «Зодиак» преследует стадо, направляемый по радио с «Калипсо». От взгляда вахтенных на смотровом мостике ничто не ускользнет.

Поначалу косатки держатся очень уверенно. Каждые 3 — 4 минуты они ныряют и появляются вновь в полумиле. Как правило, этого вполне достаточно, чтобы избавиться от любого преследователя, в том числе китобойного судна. Но «Зодиак» развивает по гладкой воде 20 узлов и может делать крутые повороты. И стоит косаткам всплыть за воздухом, как через несколько секунд их уже настигает жужжащий мотор.

Тогда они меняют тактику: всплывают каждые 2 — 3 минуты и прибавляют ход. «Зодиак» не отстает.

Значит, надо маневрировать. Косатки бросаются под прямым углом вправо, влево, назад, имитируют повороты на 180 градусов. И наконец следует коронный номер: вожак идет на виду со скоростью 15 — 20 узлов, даже выскакивает из воды. Его сопровождает только самая крупная самка. Все ясно: он хочет увести за собой «Зодиак», а стадо тем временем уйдет в другую сторону.

Уведя «Зодиак» от стада примерно на милю, самец ныряет и словно растворяется в воде. На самом деле он идет на голоса сородичей. Мы на «Калипсо» увлеченно следим за его маневром. В отличие от ребят на «Зодиаке» мы не теряли из виду стадо. И мы видим, как вожак всплывает среди своих подданных, явно убежденный, что он выполнил свой долг, ловко проведя преследователей. Трудно не согласиться с ним. Если пренебречь тем, что он всплыл совсем рядом с «Калипсо»...

Эта погоня помогла нам пополнить наши знания о косатках, а Барский смог снять великолепные — и редкие — кадры. И все-таки в целом мы проиграли. Гонка была затеяна для того, чтобы пометить великана самца, но легкий гарпун вильнул в воздухе и скользнул по коже косатки. Бебер 4 раза повторил попытку, каждый раз одно и то же. Значит, эта система не годится.

Интересное наблюдение: в разгар погони, идя со скоростью 15 — 20 узлов, «Зодиак» пронесся над самой спиной всплывающей косатки, даже взлетел на воздух, будто самолет. Людей бросило на дно лодки; кинокамера, продолжая стрекотать, совершила небольшой полет и упала обратно на «Зодиак» — любопытно будет посмотреть, что за кадры вышли. Казалось бы, такой инцидент должен рассердить зверя, и вообще «Зодиак» причинил стаду немало хлопот, и все же косатки не пошли в атаку. Свирепые, чрезвычайно сильные и очень сообразительные животные и не помышляли нападать на угловое суденышко, хотя у них был вполне уважительный повод для этого. Стоило им только захотеть, и они шутя расправились бы с Бебером, Морисом и Барским. Они не захотели.

Когда «Зодиак» вернулся, Бебер сказал мне:

— Не знаю почему, но я чувствовал, что они нас не тронут.

ЗАСАДА

В бухтах полуострова Калифорния, где мы три месяца гостили у серых китов, нам не подалось ни одной косатки. Мы сразу узнали бы их по торчащему из воды большому треугольнику спинного плавника, однако их не было, а странно: ведь они могли учинить здесь расправу не хуже какого-нибудь китобойного судна. К тому же у входа в бухту, в устье пролива, мы видели косаток. Притаившись в засаде, они явно ждали, когда серые киты с детенышами выйдут из своего убежища.

С лодки из-за волн их было трудно рассмотреть, зато с самолета сразу видно. И с воздушного шара, на котором поднимался Филипп.

Кто-то из наших аквалангистов уверял, будто в проливе дежурит крупный серый кит, чтобы не пускать косаток в бухту. Но скорее всего косатки, стадные животные, просто не хотели схватываться с противником в мелком заливе, где нет простора для маневра. Превосходство над серыми китами косаткам обеспечивают групповые действия, а как применить эту тактику, если кругом песчаные отмели?

Косатка — грозный противник. Она ныряет на глубину больше 300 метров и может оставаться под водой до 20 минут. Зрение у нее лучше, чем у беззубых китов (глаза больше), и на воздухе она видит так же хорошо, как под водой. Пожалуй, остротой зрения она не уступит кошке.

Если не считать человека, косатка — единственный враг больших китов, но в одиночку она была бы бессильна что-либо противопоставить могучим мышцам и огромному хвосту взрослого усатого кита. Косатки всегда атакуют стаями, нередко с нескольких сторон. Атаки стаи согласованы и эффективны. Пока одни хищницы кусают жертву за брюхо и гениталии, причиняя сильнейшую боль, другие вынуждают ее открыть пасть и хватают за язык. Пользуясь численным превосходством, атакующие устраивают жестокую кровавую расправу. Для отражения атаки усатые киты выстраиваются в круг или же отбиваются хвостами. Поэтому косатки предпочитают нападать на детенышей или молодых китов, при этом часть стаи отвлекает мать.

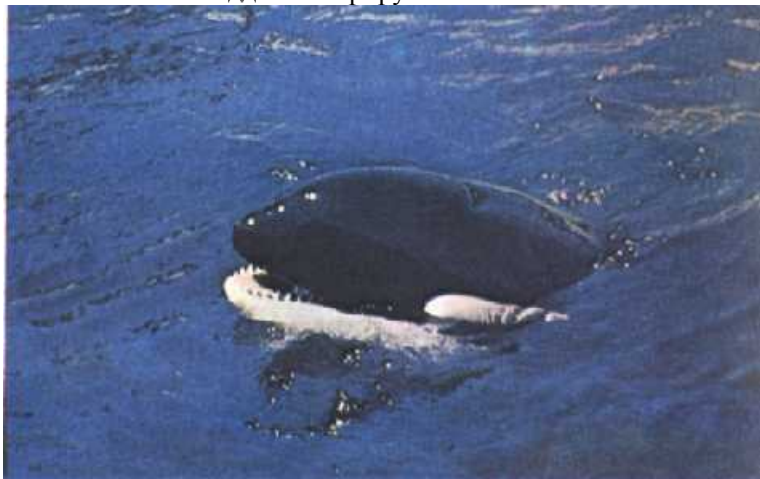
Не только киты составляют добычу косаток. Они нападают на кальмаров, морских слонов, тюленей, нарвалов. Даже дельфины, успешно справляющиеся с акулами, бессильны противостоять косаткам.

Достается от хищниц также косякам тунцов и лососей.

Очевидцы описывают случай (сам я ничего похожего не видел), когда два десятка косаток окружили сотню дельфинов плотным кольцом. Затем хищницы стали поочередно врваться в гущу дельфиньего стада и хватать жертву. Кольцо не разомкнулось, пока каждая косатка не добыла себе по дельфину, и вся вода кругом окрасилась кровью.

Я склонен почти все, что рассказывают о косатках, считать преувеличением. Ведь факт остается фактом: эти животные довольно редки и, несмотря на свою силу и сообразительность, не сумели стать доминирующим видом.

Теперь нам точно известно, что людоедов среди китообразных нет. Косатки, чья легендарная свирепость веками устрасала моряков, никогда не нападают на аквалангистов. Больше того, они чрезвычайно легко поддаются приручению.

Зубы косатки — грозное оружие, но она не пускает его в ход против человека

Восьмиметровая косатка. Хорошо видно дыхало в верхней части головы

КОСАТКИ В НЕВОЛЕ

Меня всегда удручает зрелище животных в неволе, тем более когда речь идет о таком крупном и умном животном, как косатка.

Но хотя наблюдения над животным в неволе мало что говорят нам о его поведении в естественных условиях, никуда не денешься от того, что единственный пока способ для человека поближе познакомиться с косатками — наблюдать их в больших морских зоопарках. Сейчас неволя, так сказать, неизбежное зло, но не всегда же так будет.

После такого вступления хочу еще подчеркнуть, что животное в неволе заслуживает того, чтобы с ним обращались уважительно, и что наш долг — создать ему возможно более благоприятные условия.

Моби Долл — так назвали первую косатку, содержащуюся в неволе, в маринариуме Ванкувера. Необычна сама история ее появления в маринариуме. В марте 1965 года одному канадскому скульптору заказали статую косатки. Ему понадобилась модель, и он решил убить одно животное. Два месяца охотился, наконец сумел загарпунить косатку, но, когда настала минута нанести последний удар, у него

рука не поднялась. Вместо этого скульптор доставил жертву в маринариум, вылечил пенициллином, дал ей имя Моби Долл и, всем на удивление, завоевал ее привязанность. Повторяю, это было в 1965 году, когда косатка еще слыла самым свирепым обитателем моря, «тигром океана».

Моди Долл стала знаменитостью. Высокопоставленные особы приезжали из Англии посмотреть, как двуногий друг косатки скребет ей брюхо жесткой щеткой. Когда Моби Долл умерла, ее оплакивали во всех англоязычных странах, и лондонская «Тайме» поместила некролог на двух колонках. (Вскрытие показало, что на самом деле Моби Долл была... самцом.)

Через несколько месяцев после смерти Моби Долл Сиэтлский маринариум приобрел у двух канадских рыбаков косатку за 8 тысяч долларов. В эту цену не входила доставка, и директор маринариума Эдвард Гриффин отправился к устью реки Белла-Кула, неподалеку от селения Наму, чтобы лично проследить за транспортом. Зверь оказался довольно крупным: длина 7 метров, вес около 4 тонн.

Всесторонне обдумав проблему, Гриффин решил поместить косатку в сеть с поплавками и отбуксировать в Сиэтл. Роль поплавков играли 40 пустых железных бочек. Сеть была подготовлена в несколько дней с помощью 200 добровольцев из Наму. И косатку назвали Наму в знак благодарности местным жителям.

И вот сеть с косаткой двинулась в путь через проливы Королевы Шарлотты, Джонстона, Джорджия. Ее буксировали медленно, и следом шла стая косаток. Похоже было, что они хотят освободить своего товарища, однако стая воздерживалась от атак. Один самец и две самки, очевидно принадлежавшие к семье пленника, обращались к нему свистами и криками. Наму в ответ двигал спинным плавником, но бежать не пытался.

Через две недели, пройдя через американскую таможенную, косатка была помещена в маринариум Сиэтла, где ее приняли по-царски. В пути косатка неделю не ела, потом все же проглотила двух лососей, и они явно пришлись ей весьма по вкусу, потому что в дальнейшем она никакой другой пищи не признавала. Эта неожиданная прихоть обошлась маринариуму в копейку.

Наму умер через год, в июле 1966 года. Как и Моби Долл, он был очень умным и поразительно миролюбивым существом. Выяснилось, что «тигр океана» дружески относится к человеку.

В последние несколько лет отловлено и помещено в маринариумы Сиэтла, Сан-Диего и Ванкувера около десяти косаток. Эдвард Гриффин, которому помогает его друг Джеральд Браун, стал специалистом по отлову этих животных. Браун участвовал и в экспедициях «Калипсо» как аквалангист и знаток морской фауны. Он неплохо изучил косаток; приведу одно из его высказываний:

— Их надо видеть в воде. Это настоящий подводный балет: они кружатся, стремительно идут к поверхности, прыгают. После поимки сначала нервничают, капризничают. А погладишь их, ласково поговоришь — успокаиваются. Для приручения главное не пища, а живой контакт.

Косатка может привязаться к человеку и работать с ним, хотя бы он и не участвовал в ее кормлении. В практике дрессировки животных это уникальный случай.

Более того, косаток в неволе вообще очень трудно заставить есть. К рыбе они равнодушны, Моби Долл была исключением. Больше всего они любят мясо теплокровных животных, чем ставят в затруднительное положение служащих маринариума: ведь не тюленями же кормить косаток.

Первые отловленные косатки были травмированы, и требовалось какое-то время, чтобы они привыкли к бассейну. Смотрители входили по пояс в воду и «прогуливали» узников — заставляли двигаться, тихонько подталкивая их. Без вмешательства человека косатки не двигались с места. А так, постепенно освоившись с бассейном, они начинали сами плавать по нему. Но есть по-прежнему отказывались.

Им предложили пасту из сельди, молока и витаминов — не берут. Смотрители раскрывали палками пасть подопечных и засовывали порции пасты внутрь, но косатки преграждали путь пище языком.

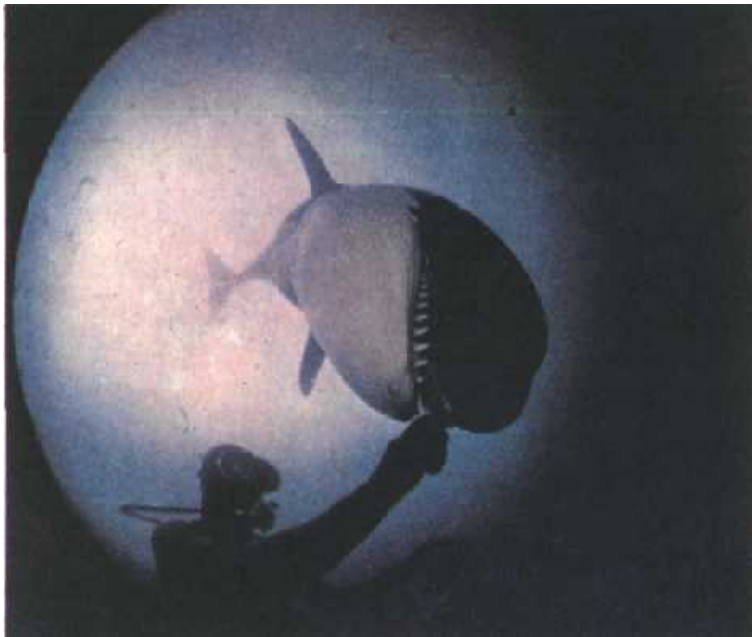
— Мы были уверены, — рассказывает Браун, — если только заставим одну есть, остальные последуют ее примеру. Когда косатка что-нибудь откусывает, в воде отдается звук, и стоит

другой косатке услышать его, как она тотчас подходит в расчете на остатки. Решили поставить опыт на молодом экземпляре: потеряли ему губы сельдью, потом сунули ее в пасть и тут же выдернули. Он реагировал совсем по-собачьи, сомкнул челюсти и сжал сельдь зубами. Естественно, другие косатки услышали хруст, подплыли — и начали есть.

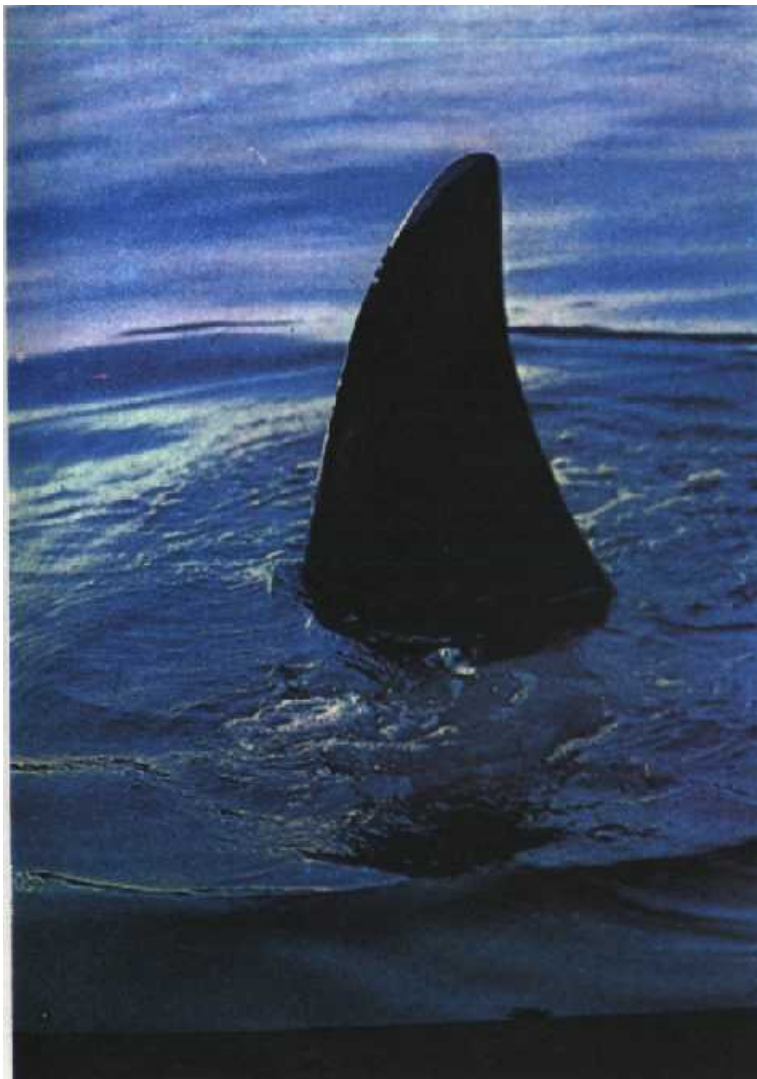
Семью косаток скрепляют прочные узы. Обычно в семье не больше одного новорожденного, и он не страдает от недостатка материнской любви. Когда мать беспокоится за малыша, она подходит вплотную и «разговаривает» с ним.

Есть немало достоверных рассказов о проявлениях материнской любви у косаток. Одна мамаша, смертельно раненная, до последней минуты кружила около своего детеныша и защищала его, пока ее не покинули силы. Другая три дня ходила у острова Хэт, недалеко от пролива Паджит, где был убит ее малыш.

В Сиэтле и Ванкувере отмечены случаи спаривания в неволе. После ухаживания и ласки косатки прижимаются друг к другу брюхом. Беременность длится 13-16 месяцев.

Авалангист кормит косатку в проливе ан-де-Фука

Очевидно, за этот плавник косатка получила свое название

Еще одна важная черта: все, кто работал с косатками и дельфинами, включая специалистов американских военно-морских сил, утверждают, что косатки намного умнее дельфина, вдвое быстрее соображают и запоминают.

Отряд калипсян — оператор Рон Черч, Андре Лабан и Луи Презелин — недавно навестил косаток Гриффина и Брауна в Хуан-де-Фука, под Сиэтлом. Там обитает «старейшина» всех плененных косаток: он уже пятый год содержится в неволе.

У Презелина была с собой гитара, и, сидя на краю бассейна, он сыграл несколько мелодий. Животные тотчас подплыли к нему и внимательно слушали, потом в знак одобрения обрызгали исполнителя из своих дыхал. Тогда ребята попробовали научить косаток петь под аккомпанемент гитары. Правда, у них ничего не получилось, но факт остается фактом: косатки восприимчивы к музыке, и при взыскательном подходе к выбору мелодий вполне можно рассчитывать на внимание и одобрение с их стороны.

Косатки Брауна исполнили для калипсян весь свой репертуар прыжков, кувырков и вольтов.

Фалько, которому довелось столько гоняться за косатками на «Зодиак», решил наладить с ними более мирные контакты и отправился в Калифорнийский маринариум, где содержались две самки. Потом он рассказывал, как живо обе косатки реагировали, когда воспроизводился диалог между ними и другими членами стаи по магнитофону. Записанные во время их отлова щелчки и трели заметно действовали на пленниц, они быстро кружили по бассейну, постоянно возвращаясь туда, где висел громкоговоритель, и отвечая ему сериями сигналов.

Фалько воспользовался случаем поплавать вместе с самкой, почему-то получившей имя Клайд, и провести несколько экспериментов. Например, предлагал ей рыбу, а когда она приближалась, заслонял угощение дощечкой. Косатка тотчас сворачивала в сторону, очевидно, сонар предупреждал ее о препятствии.

Несмотря на все попытки доктора Лилли и других исследователей расшифровать язык косаток и дельфинов, он остается для нас загадкой. А что такой язык существует, теперь точно известно, и хотелось бы выяснить смысл звучаний, издаваемых китообразными. Пожалуй, это одна из самых увлекательных задач, стоящих перед нами. Не исключено, что косатка, превосходя разумом дельфина, когда-нибудь даст нам в руки ключ, который позволит наладить звуковое общение между животными и человеком.

ПОРА УВАЖАТЬ

8 марта. Мы в заливе Уединения, на краю полуострова Калифорния. Вчера погода была прескверная, небо заволокли низкие тучи. Разумеется, лил дождь; о съемках нечего и помышлять. В довершение всего одному киту вздумалось порезвиться около «Зодиака», и звукозаписывающий аппарат шлепнулся в воду. Всего несколько секунд пробыл он в воде, но этого было достаточно, чтобы вывести его из строя. Пришлось отправить Эжена Лагорио в Лос-Анджелес, чтобы там отремонтировали рекордер. Хорошо еще, как раз вчера прилетал наш самолет.

А ночью взорвался аккумулятор от одной из наших кинокамер.

Зато сегодня мы вознаграждены, сегодня отличный день благодаря Бернару Делемотту. Все утро Бернар пытался заарканить детеныша серого кита. Поймает его руками и силится надеть ему петлю на хвост. Вода была мутная, как в Миссисипи, ничего не видно. Несколько раз нам казалось, что Бернар преуспел, но петля неизменно срывалась. В конце концов китенку надоела эта игра, он спружинил, подскочил вверх не хуже мустанга, вырвался из объятий Бернара и исчез в туче брызг. (В оправдание Бернара добавлю, что «малыш» был длиной около 6 метров.)

Наш подводный ковбой был огорчен, но не обескуражен. И во второй половине дня потешил нас другим, поистине сенсационным спектаклем.

После утренних объятий с китенком его осенила идея, достойная каскадера, — проехать на ките, как на коне. На роль скакуна он выбрал кита, мирно дремавшего у поверхности воды. В ластах и маске, но без акваланга Бернар медленно поплыл к киту; мы любовались его движениями, воплощавшими гибкость и силу. Ближе, ближе... Кит по-прежнему дремал. Еще миг — и Бернар стоит на его спине!

Мишель Делуар лихорадочно снимал этот эпизод на киноплёнку мы все смотрели как замороженные. Сколько он так устоит? И самое главное — если устоит, то как потом соскочит?

Нам не пришлось долго ждать ответа. Кит проснулся, весь передернулся — скорее от удивления, чем от недовольства, — и мотнул головой, да так, что Делемотт отлетел в сторону и пропал в водовороте. Когда Бернар выплыл на поверхность, кит был уже далеко.

С этого дня на «Поларисе» началось соревнование: кто первым удержится на спине брыкающегося скакуна, то бишь кита? Следом за Бернаром, используя его опыт, добились успеха Бонничи и Серж Фулон. Постепенно совершенствуя технику, они научились ездить верхом на ките легко и даже элегантно. У каждого из всадников своя манера, согласно его темпераменту и нраву. Делемотт — суровый, решительный, мышцы напряжены, брови нахмурены — приближается к киту так, словно задумал помериться с ним силами в вольной борьбе. Бонничи — порывистый, резкий, быстрый — несколько

секунд присматривается, затем лихо вскакивает на спину кита и мчится на нем с профессиональной улыбкой циркача.

Бернару Делемотту удалось встать на спину серого кита и немного прокатиться

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МОБИ ДИКА

Мы рассказали вкратце о новых взаимоотношениях человека и кита. Не стану утверждать, что у китов остались о наших встречах одни лишь светлые воспоминания, если они вообще что-нибудь запомнили. Думаю, однако, что смелые эксперименты Делемотта знаменуют начало нового курса в подходе человека к китообразным. От них можно ожидать больших (я чуть не написал — исторических) последствий. Увидев по телевизору, как калипсяне оседлали кита, люди уже не смогут придерживаться старой точки зрения на исполина морей. Практицизму и ограниченности, которые отличали наших дедов, придется отступить, когда люди перестанут верить в «свирепость» и «злонравие» «подводных чудовищ».

Я не могу не возмущаться, читая традиционные описания китобойного промысла в эпоху парусных судов. Пускай в них есть страницы, повествующие об отваге, даже героизме, все же эти описания — памятник недомыслию и заблуждениям человека. Кашалота здесь называют не иначе как «свирепым», и это говорится про разумное существо, искалеченное, искромсанное десятком гарпунов, обезумевшее от боли и мечущееся от ужаса!

После опытов Делемотта с серыми китами, Раймона Коля — с кашалотами, Филиппа — с горбачами, Бонничи — с финвалами на смену заблуждению должно прийти разумение и восхищение. По-моему, достоинство человека только возрастет, когда он научится уважать крупнейшее живое существо на свете, соприкоснется с ним вплотную и поймет, что кит безобиден. Пора изгнать китообразных из тех уголков человеческой души, где гнездится страх, побуждающий людей к насилию и убийству.

До XX века отношения человека и кита были отношениями убийцы и жертвы. И когда решили ограничить промысел китов, этот шаг был продиктован не жалостью и не уважением к «чуду природы». Просто китобой вдруг обратил внимание, что им встречается все меньше и меньше китов. Их и впрямь становилось меньше. Непрерывно совершенствуемые орудия охоты, применение быстроходных китобойцев и плавучих фабрик — все это отразилось на поголовье куда сильнее, чем предполагали. Китобой понял: если истребление будет продолжаться так же интенсивно, скоро некого будет истреблять. И решили поневоле, что лучше проявлять умеренность, чтобы сберечь в океанах «китовый капитал». Перед их глазами был яркий пример, к чему приводит неограниченный промысел: из Бискайского залива исчезли все киты.

Наибольшего размаха промысел китов достиг в XX столетии. В начале века он распространился на антарктические воды и там развернулся в таком масштабе, что южный кит *Eubalaena glacialis* по существу был истреблен. Словом, наше столетие оказалось куда более губительным для китов, чем романтическая эпоха, описанная Германом Мелвиллом.

Теперь китобойный промысел регулируется, все виды охраняются международными соглашениями в рамках Международной китобойной комиссии.

УГРОЗА НЕ МИНОВАЛА

Однако сам факт регулирования еще не означает, что киты спасены. Ограничения были введены слишком поздно.

Истребление гладких китов уже в начале нашего столетия зашло так далеко, что они, по-видимому, вскоре вымрут, если их промысел не будет совершенно прекращен.

Голубой кит, крупнейшее животное в истории нашей планеты тоже находится под угрозой. Сроки охоты ограничены, в некоторых районах промысел вовсе запрещен, однако специалисты говорят, что понадобится не меньше полувека такого строгого режима, чтобы отвести от голубого кита опасность вымирания.*

И финвалы тоже, хотя их бьют не в таком количестве, как прежде, нуждаются в более строгой охране.

В разные годы китобой делали упор на разные виды китов. Так, в 1964/65 году били в основном относительно менее крупного, активно мигрирующего сейвала. Промысловики добыли за сезон 24453 животных — вдвое больше, чем в предыдущем году.

Горбачи долго числились в списке вымирающих видов. Этот кит меньше сейвала, но на беду для себя дает вдвое больше жира. Промысел горбачей велся так интенсивно, что его пришлось совсем запретить на два года. И понадобится не меньше полувека, чтобы этот вид оправился**.

Для более эффективной охраны китообразных Международная китобойная комиссия несколько лет назад решила отказаться от старой системы квот, основанной на пресловутых «условных голубых китах»; вместо этого на каждый сезон устанавливают отдельные квоты для каждого вида.

ПРОЗРЕЛ САМ — ПОМОГИ ДРУГИМ

С китами та же история, что с кораллами и другими морскими организмами: как только мы начинаем их изучать и по-настоящему узнавать, сразу выясняется, что им грозит вымирание.

Пожалуй, калипсяне ощущают это острее, чем кто-либо другой. Мы видели глаз кита. Мы любовались нежным дыхалом финвала и белыми лапами горбача. И мы прозрели. Теперь мы на стороне китов.

Подобно всем новообращенным мы хотим обратить других. Удастся ли нам изменить общественное мнение? Повернуть развитие вспять, отстоять для китов место в земных океанах?

Мы обязаны попытаться.

Право же, киты могут дать нам нечто куда более важное, чем корм для собак, чем жир (его мы получаем сколько угодно из других источников), чем распорки для корсетов и зонтов. Мы можем поучиться у них поразительному умению нырять на большую глубину и подолгу задерживать дыхание. Из жертв человека китам пора стать его проводниками и наставниками в подводном мире, который только-только начинает открываться исследователям.

Мы убедились, что млекопитающих связывают особые узы. Кто испытал это таинственное чувство общности и единства, сохранит его навсегда. Море для нас уже не то, что прежде. Отныне Жестокость или хотя бы безразличие к морским организмам будут Нуждаться огромным большинством людей.

Нет сомнения, что люди повсеместно встревожены судьбой китов. Калифорнийцы, ежегодно наблюдающие с берега миграцию серых китов, искренне привязались к ним.

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Симпатия человека к китам пока что носит несколько отвлеченный, абстрактный характер. Она основана скорее на здравом смысле, чем на подлинном понимании и чувстве. Но мы надеемся, что дело переменится к лучшему, особенно когда учащаются встречи человека и кита под водой. Человек должен познать китообразных в их родной среде, тогда вопрос о существовании этих животных по-настоящему затронет его душу и сердце.

Одно дело — наблюдать серого кита на поверхности, совсем другое — видеть его под водой, видеть, как самка старательно заслоняет своего отпрыска от акалангиста. Мы давно сожалели об истреблении горбачей в начале века, а после того, как нам довелось услышать речь горбача, увидеть, как он скользит в воде и маневрирует своими лапами, мы не просто сожалеем — мы стыдимся.

А что в перспективе? Возможно ли, что когда-нибудь наступит подлинное взаимопонимание между человеком и китом?

В наших встречах с великим морским млекопитающим нам с самого начала мешало то, что мы не знали, как отнесется кит к человеку. Постепенно мы кое-что узнали.. Искали подход, нащупывали, как говорится, почву. И когда убедились, что контакт возможен, стали действовать смелее. Калипсяне научились без страха подходить к этим исполинам. Научились, как вести себя, чтобы животное, чей вес в тысячу раз превосходит наш, терпело наше присутствие.

Человек и под водой стремился диктовать свою волю, внедрять свои законы, подчинять животных

себе. Во время экспедиций в Красном море мы убедились, что даже акуле можем если не навязать свою волю, то во всяком случае внушить к себе почтение.

С китами все иначе. Для* страха причин больше нет, нас разделяют только масштабы — другими словами, в глазах кита человек настолько мал, что с ним можно вообще не считаться, тогда как для обычной акулы он достаточно велик, чтобы заслужить ее внимание.

Конечно, воспринимать и толковать можно по-разному, и все же калипсыне различали какие-то оттенки в отношении к ним кита. Так что наши исследования затрагивают область психологии, и прямое наблюдение призвано сыграть тут немалую роль.

А ДАЛЬШЕ ЧТО?

Вопрос немаловажный. Если нам удастся ограничить, даже совсем прекратить промысел китов, это правило придется распространить также и на дельфинов, гринд, косаток. Будем помещать всех животных в клетки ради их спасения? Загоним всю фауну в зоопарки и маринарии?

В Калифорнии биологи уже озабочены тем, как много китообразных содержатся в неволе и нередко они гибнут. Можно ли считать охоту на косаток «гуманной», отвечающей принципам морали и законности, спрашивает доктор Шеффер. Это не праздный вопрос. Начиная с 1965 года только в Сिएтле шесть косаток погибли при попытках изловить их. А сколько еще смертельно ранены гарпунами, пулями с усыпляющим веществом, сетями. Правда, доктор Шеффер полагает, что косатки, с их умом и высокоразвитой социальной организацией, научатся избегать опасных районов. Если так, у берегов Калифорнии исчезнут животные, к которым люди прониклись симпатией, которые стали общительными, потому что им здесь ничто не угрожало. Станет невозможно наблюдать и изучать этих замечательных млекопитающих на воле. Доктор

Шеффер предлагает ввести лицензии на отлов косаток и выдавать их пореже, только для уважительных целей.

Китам угрожают и другие опасности, вызванные современным развитием. Серый кит — самый древний из сохранившихся китов, живое ископаемое — с каждым годом все больше вытесняется из привычных областей обитания. Сейчас осталось лишь три-четыре залива, где он может зимовать.

Для серого кита окаймленные манграми, глухие бухты Матанси-та и Скаммона — особый, чудом сохранившийся мирок. И это их последнее убежище. Воды Северной Калифорнии уже загрязнены. Матансита и Скаммон еще не поражены; в последнюю заходят лишь рыбаки, да и то не часто, и вода сохраняет первозданную чистоту, если не считать несколько заболоченных участков. Но малейшее загрязнение преградит серым китам доступ в райское царство, где происходит брачный ритуал и появляются на свет детеныши.

Это еще не самое худшее. Хуже всего то, что в последнее время китами заинтересовались военные моряки. И это не чисто научный интерес. Китов намереваются призвать на действительную службу, сделать из них лазутчиков, разведчиков, связных. Обнаружив, что киты разумны, их немедленно решили впутать в свои глупости, свои потасовки и войны. Еще в 1963 году специалист по китообразным англичанин Л. Хэррисон Метьюз писал: «Как ни разумны эти животные, им не хватает ума отказаться от сотрудничества или ответить дрессировщикам щелканьями, выражающими в переводе на человеческую речь глубокое презрение».

Быть может, настала пора составить моральный кодекс, определяющий наши взаимоотношения с крупными млекопитающими на море и на суше. Мы всем сердцем мечтаем, чтобы такой кодекс появился.

Если нашей цивилизации суждено распространиться и в подводном царстве, пусть она придет туда под знаком уважения — уважения ко всем формам жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фотографии

Китобойный промысел

Баски

Эскимосы

Заря современного китобойного промысла — XVIII век

Золотой век

Четырехлетние экспедиции Битва

Страшное оружие

Конец эпохи

Контроль

Конец избиения Жоржа Барского Франсуа Дорадо Фредерика Дюма Филиппа Кусто Андре Лабана

КИТОБОЙНЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Китобойный промысел зародился в стародавние времена. Для людей в деревянных лодчонках, вооруженных только примитивными гарпунами, кит, конечно же, был грозным врагом. Но если вспомнить, как в палеолите человек выходил на мамонта с кремневым оружием, то нет ничего удивительного в том, что его потомки отважились схватиться с крупными китообразными. И еще можно напомнить: как бы способы промысла со временем ни менялись и ни совершенствовались (об этом — дальше), главное оружие, с которым человек выходил на кита, из века в век по сути оставалось неизменным — ручной гарпун или копье.

БАСКИ

Первые достоверные сведения о способах и размахе китобойного промысла относятся к средним векам. Впрочем, если верить написанной в V веке «Истории» Оросиуса, где, в частности, приводятся сведения об арктических плаваниях норманнского вождя Оттара, норвежцы били китов еще во времена Римской империи.

Во всяком случае, известно, что баски вели китобойный промысел ранее XII века, по некоторым данным — уже в девятом. Чтобы пустить в ход копья и гарпуны, им, как и всяким китобоям, надо было возможно ближе подходить к добыче. Правда, у них было одно преимущество: каждый год мимо их берегов проходили мигрирующие южные киты *Eubalaena glacialis* (баски называли их *Sardako Balaena*), а этот вид представлял собой идеальную добычу. Гладкие киты считаются более робкими, слабыми, медлительными, чем другие семейства, на них было относительно безопасно охотиться с примитивным оружием той поры и на легких суденышках. И еще одна особенность — убитый гладкий кит не тонет. Это позволяло баскам буксировать добычу на мелководье, а то и к самому берегу.

Гладкий кит принес баскам богатство. Мясо шло в пищу, жир переплавляли и сбывали в странах Европы как основное горючее для светильников.

Отвага баскских китобоев была так велика, и охотились они так искусно, что вскоре в Бискайском заливе почти совсем перевелись киты. (В наши дни их там вовсе не осталось.) Тогда стали строить суда побольше и выходить за добычей в Атлантику. Китобои забирались все дальше на север, сквозь штормы и мимо грозных айсбергов пробивались в чужие страны — Исландию и Гренландию. Они доходили даже до нынешнего Ньюфаундленда, открыв берега Северной Америки раньше Колумба. (На Ньюфаундленде найден могильный камень с баскской надписью, датируемой концом XIV века.)

В XVI веке в гренландских водах промысел велся так рьяно, что через 100 лет и там не осталось гладких китов.

Китовый жир побуждал басков идти на утлых судах навстречу неведомым опасностям Северной Атлантики, и они же разработали технику разделки туш и выварки жира на борту. Большая заслуга тут, очевидно, принадлежит моряку Сопите из Сен-Жан-де-Люса: он сконструировал необходимую для этого процесса печь. До тех пор переработка добычи происходила на берегу, а голландцы продолжали до конца XVII века доставлять в порт непереработанный жир в бочках.

ЭСКИМОСЫ

О других народах, которые наряду с басками могут считаться зачинателями китобойного промысла, нам мало известно. Во всяком случае, баски были не одни: в Скандинавии пользовались табуретками из китовых позвонков, а в Гренландии недавно обнаружены древние эскимосские поселения с жилищами из костей кита. Конечно, кости могли принадлежать китам, которые погибли, застряв на мели. И все же нет сомнения, что древние эскимосы занимались охотой на кита. Подходя к животному вплотную на каяках из шкур, они поражали его копьями, причем метили в легкие. А чтобы раненый зверь не нырнул и не утонул, они привязывали к копьям поплавки — бурдюки из тюленьей кожи.

ЗАРЯ СОВРЕМЕННОГО КИТОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА — XVIII ВЕК

В начале XVIII века англичане, голландцы, датчане с участием басков снаряжали китобойные суда, которые вели обширный промысел у Шпицбергена. Об ограниченности природных ресурсов у них было столь же мало понятия, как у первобытного человека. Или как у китобоев XIX и XX веков. Они охотились со знанием дела, охотились беспощадно, помышляя лишь об одном: забить возможно больше китов, чтобы поскорее нажиться. Их ничуть не волновало, что это неизбежно отразится на приросте стада, а то и вовсе его остановит, что через несколько лет богатые уголья у Шпицбергена

могут опустеть. В итоге история повторилась: киты и здесь исчезли.

Французы, а еще больше норвежцы тоже занимались в это время китобойным промыслом, но не так усердно. В конце столетия, при Луи XVI, у Франции было всего 40 китобойных судов.

У японцев было то же преимущество, что и у басков, — мигрирующие киты проходили у берегов Японии. К концу XVII века японцы разработали новый способ охоты, они ловили китов сетью — огромной сетью с поплавками из пустых бочек.

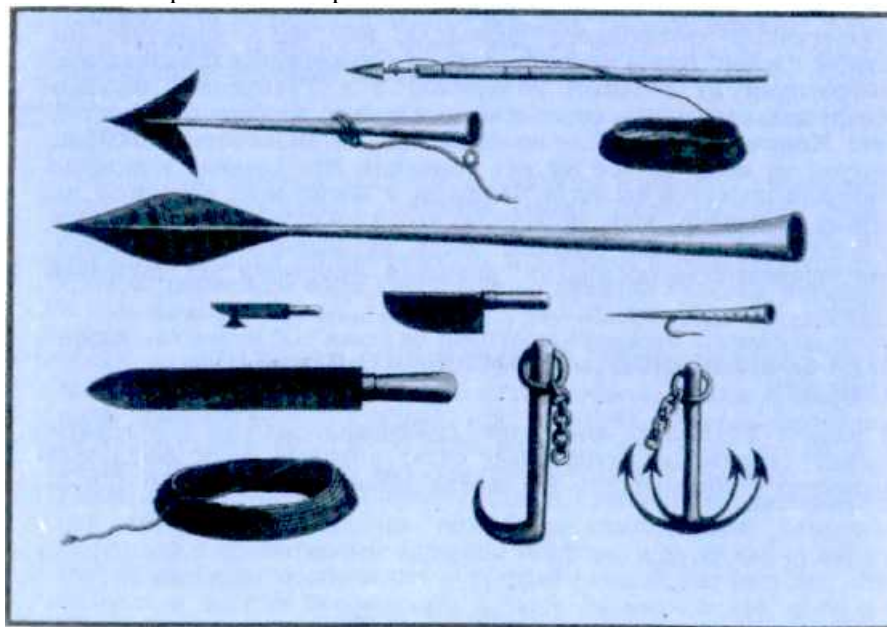
Для этого требовалось одновременно три десятка лодок: одни окружали животное, другие заводили сеть. Пойманного кита добивали копьями и гарпунами, пока не представлялась возможность без опасности для жизни забраться на голову жертвы и прикрепить конец для буксировки.

Не менее кипучую деятельность развили голландцы. В XVIII веке на промысел ходило 400 голландских судов, 20 тысяч моряков. Они работали преимущественно в проливе Девиса между Гренландией и Баффиновой Землей. Их примеру последовали англичане: в 1750 году в этом районе промышляло 20 английских судов, в 1788 году — 252. И снова та же история: киты перевелись.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

В это время мореплаватели Новой Англии обнаружили, что у восточных берегов Северной Америки видимо-невидимо китов. После гражданской войны Соединенные Штаты обзавелись китобойными судами, и этот флот развил промысел кашалотов, который вписал в историю американской экономики главу легендарную, главу яркую, но и скорбную.

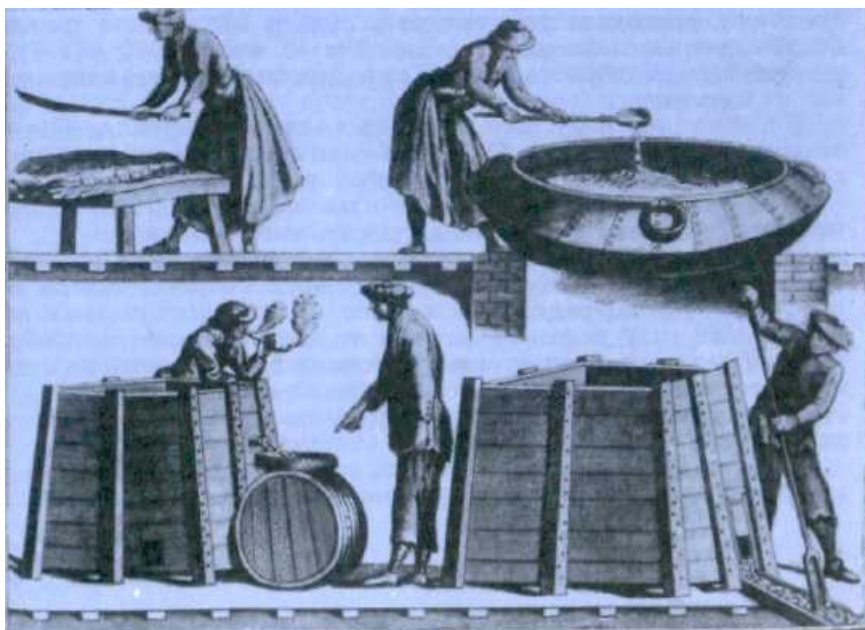
Стадо гладких китов в американских водах быстро поредело, тогда американцы стали бороздить моря, охотясь за кашалотами. Огромный, сильный кашалот был куда более грозным противником; о его дьявольской свирепости и сообразительности, о незадачливых китобоях, ставших его жертвами, рассказывали страшные истории.

Гарпун, копьё, секач и другое снаряжение

До XVIII века китобои не решались помериться силами с этим грозным чудовищем. Но в Америке требовалось все больше китового жира; возросший спрос если не оправдывал, то во всяком случае поощрял риск. Содержащийся в огромной голове кашалота спермацет ценился высоко, а каждый кит давал до тонны этого товара, который лег в основу не одного из великих состояний Америки.

Китобои выходили из Нантакета, из Нью-Бедфорда, из Мистика. Промысел велся круглый год, не щадили ни взрослых, ни молодых китов. Это было подлинное избиение, правда не без драматических эпизодов. В 1778 году Томас Джефферсон писал французскому послу: «Открытый жителями Нантакета кашалот — агрессивный и свирепый зверь, так что от охотников требуется и сметка и отвага». Кашалота стали называть «бойцом».

Котлы для варки китового жира. Из книги Дю Реста

ЧЕТЫРЕХЛЕТНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В далекой Антарктике китобои обнаружили еще одну жертву — южного кита *Balaena australis*. С 1804 по 1817 год было убито 190 тысяч представителей этого вида; южный кит начал становиться редкостью.

Поневоле пришлось китобоям опять заняться грозным кашалотом. Китобойный флот Нантакета неуклонно рос с 20-х годов прошлого столетия. Все меньше становилось небольших парусников с одной-двумя лодками (гарпунерами часто были индейцы), которым было под силу доставить в порт каких-нибудь 5 — 6 китов. На смену приходили трехмачтовые суда в 500 тонн, с пятью, шестью, семью лодками и командой в 40 человек. Пожалуй, в истории парусного флота не было судов прочнее, чем эти «южане», как их называли.

В золотой век парусного китобойного промысла только долгие экспедиции оправдывали себя, только они позволяли найти и убить достаточно китов, чтобы оправдаться расходы на корабль. И «южане» часто уходили в дальнее плавание на три-четыре года, чтобы уж возвратиться с полным грузом китового жира.

Строители промысловых судов меньше всего думали об удобствах и санитарии. Команды, как правило, составлялись не из профессиональных моряков. Профессор Поль Будкер рассказывает: «В 1860 году рядовому матросу на американском китобойце платили 20 центов в день, тогда как неквалифицированный рабочий на берегу получал 90 центов. Другими словами, в Соединенных Штатах самая низкая категория работающих на суше получала в два-три раза больше, чем матрос на китобойце».

Особое положение занимали гарпунеры. Они спали не на юте, с простыми матросами, а вместе с офицерами.

Запас воды и провианта всегда был скудным. Перед выходом из порта капитан забирал провианта столько, сколько вмещали трюмы, и старался потом не заходить в другие порты, иначе он рисковал остаться без людей: члены команды бежали при первом удобном случае.

Говорят, нынешние кашалоты меньше тогдашних. Теперь они достигают в длину не больше 20 метров, а в прошлом веке, во времена Моби Дика, будто бы нередко встречались экземпляры в 30 метров. И правда, в Нью-Бедфордском музее в штате Массачусетс хранится семиметровая челюсть кашалота. Есть сведения, что в 1841 году Оуэн Тилтон из Бедфорда убил самца длиной более 28 метров.

Как бы то ни было, рядом с судами той поры кашалот, конечно же, выглядел исполином. Тем более, для впередсмотрящего, который дежурил в бочке высоко на мачте, пристально обозревая морские дали. Вот обнаружил искомое, и звучит знаменитая формула: «Вижу фонтан!» И по сей день эти слова оповещают капитана китобойца о том, что замечен кит.

БИТВА

Как только прозвучал сигнал, спускают на воду лодки. Они совсем легкие, длина не больше 10 метров. Корабль несет их на шлюпбалках, чтобы быстро спустить даже в плохую погоду. Обычно команду лодки составляют офицер, старшина и пять матросов. У левого борта — два гребца с пятиметровыми веслами, у правого — еще два гребца и гарпунер, у них весла покороче. Задача состоит в том, чтобы подойти к киту

возможно ближе. А это далеко не просто, если учесть волнение и малое количество весел.

Когда лодка сближается с добычей, по сигналу старшины гарпунер отпускает весло и хватается свое оружие. Затем поворачивается, становится коленями на планшир и бросает гарпун, метя в голову, около глаз.

Гарпун соединен с линем, который уложен кольцами в корзине. Если цель поражена, зверь обычно уходит с такой скоростью, что разматывающийся лине надо смачивать водой, чтобы не загорелся.

Начинается долгий и подчас драматический поединок. Кит ныряет, но ведь ему приходится буксировать лодку, и он не может уйти глубоко. К тому же он вынужден всплывать за воздухом.

Нетрудно представить себе, какой опасности подвергались люди в лодке, буксируемой со скоростью 12 — 15 узлов. Впрочем, главная опасность впереди, самое трудное еще предстоит... Старшина и гарпунер меняются местами, для этого им приходится пробираться вдоль качающейся лодки навстречу друг другу. Наконец старшина на носу, гарпунер — на корме. (Традиция требовала, чтобы добывал кита кто-нибудь из начальства — в этом случае старшина.) Как только кит снова показывается на поверхности, лодка подходит вплотную, старшина берет широкое полуметровое копьё и старается вонзить его в голову кита, опять же поближе к глазу. Если ему это удастся, он поворачивает копьё в ране.

Что последует затем, наперед угадать нельзя. Кит может одним ударом могучего хвоста сокрушить лодку. Если это кашалот, он способен раздавить ее челюстями.

Однако чаще всего рана оказывалась смертельной. Огромную тушу надо было оттащить к кораблю, а он к этому времени мог уже оказаться за горизонтом. (Часто для охоты за стадом спускали на воду сразу несколько лодок, и даже без добычи не всегда было легко добраться обратно до корабля.)

Кита привязывали хвостом вперед к правому борту судна, и начиналась разделка. Стоя прямо на туше, которую качало и бросало на волнах, люди отсекали кривыми ножами огромные пласты жира и передавали их на судно.

В хорошую погоду разделка длилась 4 — 5 часов. На выварку жира уходило гораздо больше времени. В огромных котлах на палубе жир варился подчас целые сутки. Судно окутывал едкий дым, царил отвратительный смрад. Никто не ложился спать, пока не был завершен этот процесс.

Иногда китобоев ожидала редкостная находка: во внутренностях кита лежал быстро твердеющий на воздухе ком особого вещества — драгоценной амбры. Первоначально амбру применяли в медицине, теперь используют для дорогих духов. Предполагают, что амбра образуется из переваренных кашалотом кальмаров.

СТРАШНОЕ ОРУЖИЕ

Нью-Бедфорд в штате Массачусетс стал общепризнанной столицей мирового китобойного промысла. Однако значение этой отрасли уже падало. Китов били так нещадно, что становилось все труднее находить их. Да и спрос на продукты промысла шел на убыль. Керосин и электричество вытесняли китовый жир как источник света.

Вышло так, что в то самое время, когда китовый жир начал терять свое значение, появилось новое страшное оружие против китов — гарпунная пушка. Теперь под угрозой оказались не только гладкие киты, горбачи и кашалоты, но и голубые киты и финвалы, которых до сих пор спасала их величина.

Гравюры из книги Олауса Магнуса, 1555 год

Менее крупных и сравнительно медлительных китов было легче убить, но где их искать? А поединок с быстрыми гигантами был чреват растущим риском и далеко не всегда сулил удачу. Перед лицом этой дилеммы норвежец Свенд Фойн в 1868 году создал гарпун, который выстреливался из пушки и был снабжен взрывающейся головкой. После взрыва раскрывались лапы, не дающие гарпуну выскочить. К тому же можно было зацепить кита вторым тросом, чтобы не затонул, и быстро подтянуть к судну. Позднее придумали еще способ накачивать тушу для плавучести сжатым воздухом.

Новое оружие позволяло бить даже самых крупных китов. А развитие паровой машины позволило судам подходить к жертве на 30 — 40 метров — идеальная дистанция для гарпунной пушки. (Взрослый кит развивает скорость до 14 узлов, тогда как скорость китобойцев долго не превышала 10 — 12 узлов.)

Пушка Свенда Фойна быстро стала незаменимой, ведь киты, которых можно было добыть без нее, почти совсем исчезли из океана. Теперь китобоям в полярных водах встречались преимущественно финвалы. В конце XIX века даже самые ретивые охотники на кашалотов прекратили промысел. Но в 1904 году прошел слух, что в Антарктике обнаружены многочисленные китовые стада, и они возобновили охоту — с гарпунной пушкой, с более мощными и быстроходными судами.

КОНЕЦ ЭПОХИ

В начале XX века стали находить новые применения китовому жиру, и он сразу подскочил в цене. Китобойный промысел, оснащенный новейшей техникой, опять стал рентабельным. Снаряжались новые суда, выросли фабрики на Фолклендских островах, на Ньюфаундленде и в других местах. Китобои принялись усердно истреблять стада финвалов в Антарктике. В защищенных бухтах ставили на якорь старые грузовые пароходы и доставляли туда китовые туши для переработки.

Однако вспышка длилась недолго. Американские китобои постепенно вышли из игры, фабрики Новой Англии одна за другой закрывались. В 1921 году состоялась последняя экспедиция американского китобойца «Чарлз Морган».

Рональд Кларк относит конец промысла на парусных судах к 1925 году, когда в Нью-Бедфорде были выведены из эксплуатации шхуны «Джон Манта» и «Маргарет».

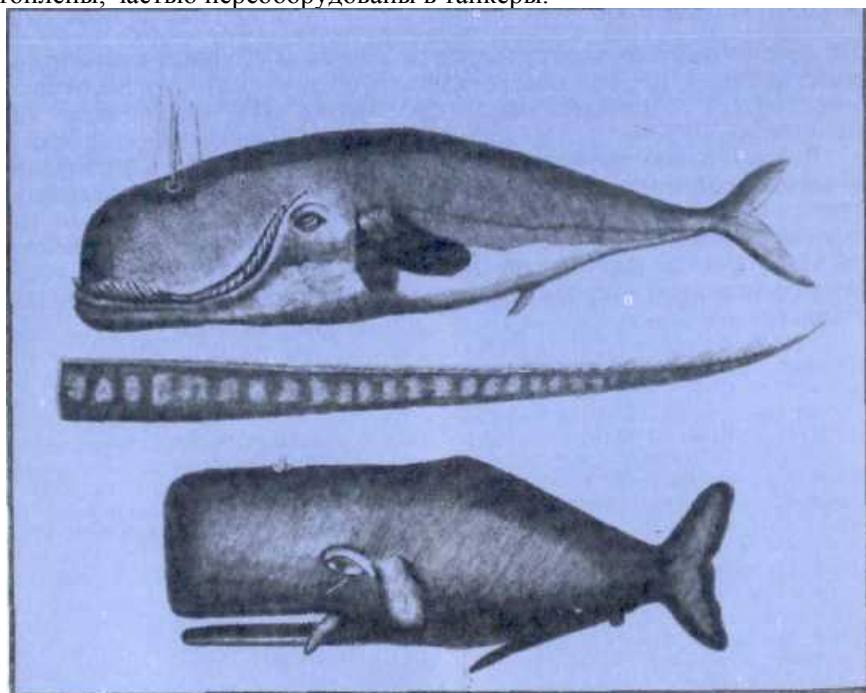
Однако китов не оставили в покое. В середине 20-х годов норвежцы начали строить плавучие фабрики — суда, которые принимали на борт и полностью перерабатывали туши, доставленные легкими китобойцами. Уже в сезон 1925/26 года плавучая база «Лэнсинг» втаскивала по огромной рампе на борт крупных китов, дальше происходила разделка туш и выварка жира. В 1927/28 году было убито 13775 китов, в 1930/31 году — 40201 кит.

КОНТРОЛЬ

Начиная с 1931/32 года китобои, озабоченные резким уменьшением численности китообразных, договорились сократить число ежегодно снаряжаемых экспедиций. За этим последовало соглашение компаний ограничить продолжительность сезона, а также количество добываемых китов и производимого китового жира.

В 1937 году девять стран подписали первое международное соглашение о китобойном промысле — так

называемую Лондонскую конвенцию, которая действовала вплоть до второй мировой войны. В военные годы промысел прекратился, и численность видов понемногу возрастала. Китобойные суда были частью потоплены, частью переоборудованы в танкеры.

Гладкий кит и кашалот. Из книги Дю Реста

7 февраля 1944 года положения конвенции 1937 года были подтверждены. Одновременно ввели стандартную единицу измерения — УГК (условный голубой кит), исчисленную на основе количества жира, получаемого от одного голубого кита. Тогда же придумали шкалу, которая произвольно приравнивала одного голубого кита к двум финвалам, к двум с половиной горбачам, к шести сейвалам.

8 декабря 1946 года представители девятнадцати стран встретились в Вашингтоне, учредили Международную китобойную комиссию и обнародовали новое соглашение, предусматривающее даты начала и конца промыслового сезона, запрещающее охоту на самок с детенышами, определяющее минимальные размеры разрешенного к бою кита (по каждому виду) и устанавливающее ежегодную квоту выбоя в УГК.

По этому соглашению некоторые виды вообще не разрешается убивать. Речь идет о гладких китах, сером ките и горбаче.

Кроме того, был определен район, где запрещается бой всяких китов*. Это самый крупный в мире заказник, он включает сектор Арктики между 70-м и 160-м градусами западной долготы.

Вопрос об охране видов решается Международной китобойной комиссией. За исполнением ее директив следят присутствующие на всех плавучих и наземных базах контролеры.

КОНЕЦ ИЗБИЕНИЯ

По приблизительным подсчетам, численность крупных китообразных, которые прежде подвергались особенно сильному истреблению, ныне составляет около 220 тысяч. Из этого числа 75 процентов — финвалы, 15 — голубые киты, 10 процентов — горбачи. В последнюю четверть столетия Международная китобойная комиссия работает эффективно**. Очень важной была ее двадцать третья сессия, проходившая в Вашингтоне летом 1971 года. Было решено отказаться от системы единиц УГК, пагубно отражавшейся на некоторых видах. Отныне квоты*** устанавливаются по каждому виду отдельно — на таком порядке не один год настаивал научный комитет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 4. Вильям Скорезби — одна из самых ярких фигур в китобойном промысле конца XVIII — начала XIX в. — капитан и исследователь, автор замечательной книги «Поденные наблюдения о плавании в северные моря на китобойный промысел» (СПб., 1825), в которой до сих пор ученые находят поразительные по точности и глубине наблюдения за китообразными.

Стр. 7. Узел — мера скорости движения судов, равен одной морской миле в час (1,552 км/час).

Стр. 15. Строго говоря, нет данных, позволяющих утверждать, что фи-нвал сообразительнее кашалота. Есть

наблюдения, свидетельствующие об обратном,

Стр. 27. Сиреневые — третий из типично водных отрядов млекопитающих (после китообразных и ластоногих). Это редкие ныне травоядные морские и пресноводные млекопитающие, живущие в тропических водах Азии, Африки, Центральной и Южной Америки и Австралии. Двести с лишним лет назад в водах нашей страны, у Командорских островов, обитала стеллерова корова — единственный северный вид сиреневых. Она была полностью истреблена в результате хищнического промысла.

Стр. 29. Вряд ли правильно считать, что добыча планктона не требует усилий. Вода как среда обитания очень плотная, в несколько сот раз плотнее воздуха. Движение кита в такой плотной среде с раскрытой пастью, конечно же, требует значительных усилий. Наверное, именно поэтому кит при «тралении» планктона движется очень медленно, а когда настает время захлопнуть пасть, чтобы отцедить планктон, то ему часто приходится поворачиваться вдоль оси тела (может быть, чтобы облегчить закрывание рта?).

Стр. 30. Белухи (*Delphinapterus leucas*) не могут быть спутаны с китами, хотя бы уже по своим размерам — это крупные дельфины, не превышающие в длину 5 — 6 м. Живут белухи исключительно в северных и холодных дальневосточных морях. Встреча с белухами в Аденском заливе невозможна.

Стр. 41. Приводимые цифры не точны. Подсчеты американских исследователей показывают, что сейчас серых китов около 10 — 11 тыс. особей; добывается же ежегодно лишь 100 — 200 голов исключительно эскимосами Чукотки и Аляски для своих нужд.

Стр. 42. Точность прохода серых китов во время ежегодных миграций у побережья Северной Америки авторами преувеличена; как показывают длительные наблюдения, киты появляются ежегодно примерно в одно и то же время, но все же с отклонениями на несколько дней, а то и две недели.

Стр. 46. Сонар — судовой эхолокатор.

Стр. 50. Тело серого кита (особенно голова) покрыто колониями не паразитических, а обычных моллюсков, тех самых, что прикрепляются и к камням, — *балянусов*. Настоящие паразиты — ракообразные и так называемые китовые вши — скапливаются в складках брюха и трещинах кожного покрова усатых китов.

Окраска серых китов пятнистая от рождения и, кроме того, от шрамов, оставленных паразитами. Пятна бывают не только от миног, но и от укусов мелких акул, вырывающих своими острыми челюстями кусочки кожи с салом.

Стр. 50. Всякий, кому приходилось посещать побережья Берингова и Чукотского морей, где проводят лето серые киты, не может согласиться с этим рассказом о купании китов под скалами в пресной воде. Дело в том, что подобных мест просто нет на побережьях. Видимо, авторы книги в художественной форме излагают гипотезу, согласно которой серые киты заходят в сильно опресненные мелководные лагуны у побережья Чукотского полуострова, чтобы избавиться от китовых вшей и других наружных паразитов.

Стр. 60. Возможно, что отдельные особи финвалов могут оставаться под водой значительно дольше, чем некоторые кашалоты.

Стр. 61. Окраска кожи китообразных объясняется присутствием пигмента меланина, который не имеет прямого отношения к дыхательному пигменту — гемоглобину и миоглобину. Есть темно окрашенные виды дельфинов, которые погружаются на сравнительно небольшой период времени, и есть светлые дельфины, для них, наоборот, характерно длительное погружение.

Стр. 61. Я не думаю, что в образовании фонтанов принимает участие «маслянистая слизь в легких». Давно доказано, что есть два типа фонтанов: паровые и водяные. Первые образуются в холодном воздухе от быстрого выдыхания китом большой массы теплого воздуха; вторые — от разбрызгивания воды на поверхности океана струей воздуха, выходящего из дыхал.

Стр. 62. Авторы преувеличивают, когда говорят, что человек еще недостаточно познал физиологию ныряния китообразных. Именно в этой области исследований за последние десятилетия достигнуты интереснейшие результаты, основанные на вполне надежных экспериментальных данных (подробнее см.: *А. В. Яблоков, В. М. Белькович и В. И. Борисов*. Киты и дельфины. Монографический очерк. М., 1972).

Стр. 66. См. второе примечание к стр. 61.

Стр. 67. Ряд других наблюдений показывает, что частота сердцебиения не только у крупных, но и у средних по размеру китообразных у поверхности составляет около 30 ударов в минуту. При нырянии частота ударов резко уменьшается и сердце бьется вдвое реже. Это явление брадикардии свойственно, видимо, всем позвоночным животным (в том числе и человеку) при погружении в воду.

Стр. 68. Сонар-эхолокатор есть, по современным данным, лишь у зубатых китообразных (кашалотов, дельфинов, бутылконосов). У усатых китов, судя по всему, нет способности генерировать ультразвуки, которые только и могут обеспечить работу эхолокатора.

Стр. 72. Выделять горбачей из числа других животных по наиболее разнообразным звукам и особенно широкому спектру звуковых частот вряд ли правильно.

Стр. 77. Авторы вскользь затрагивают интереснейшую проблему сверхдальней передачи звуков в океане. Известно, что по звуковым каналам в океане низкочастотные звуки большой мощности, издаваемые некоторыми усатыми китами, могут распространяться на расстояние многих сотен километров.

Стр. 77. У ряда видов китообразных эти связи есть.

Стр. 78. Подробнее об этих интересных экспериментах Дж. Лилли можно прочитать в журнале «Природа» № 5 за 1969 г. Там приводятся большие выдержки из его знаменитой книги «Mind of Dolphin».

Стр. 79. Авторы не всегда точны, когда говорят о локации и эхолокации. Локация — пассивное определение источника звука, эхолокация вмещает в себя понятия генерации ультразвука и восприятие отраженного эха.

Стр. 80. Стереоскопичность зрения характерна и для многих дельфинов.

Стр. 82. Сперматовый орган кашалота состоит из двух основных структур: большого соединительнотканного «мешка», наполненного особым высокомолекулярным соединением (сперматомом), и расположенной под этим «мешком» системы плотно прилегающих друг к другу небольших «мешков». Вся эта конструкция размещается не в черепе животного, а в корытообразном углублении поверх черепа. В книге приводится ряд гипотез о значении этого органа. Мною вместе с В. М. Бельковичем более десяти лет назад была также высказана гипотеза, которая находит в последнее время все большее число сторонников: одна из основных функций сперматового органа заключается в фокусировании ультразвуков, это как бы огромный прожектор. Подробнее об этом можно прочитать в книге А. А. Берзина «Кашалот» (М., 1970).

Стр. 82. Решением проблемы «Что думает кит о человеке?» занимались многие ученые, но одним из первых подробно написал об этом Дж. Лилли в уже упоминавшейся книге «Mind of Dolphin». На русском языке см. об этом в книге «Загадка океана» (М., 1965).

Стр. 85. У кашалотов, несмотря на их достаточно крупные размеры, довольно узкая глотка.

Стр. 85. См. первое примечание к стр. 82. Предполагается также, что кашалот может «оглушать» свою жертву концентрированным и мощным пучком ультразвука.

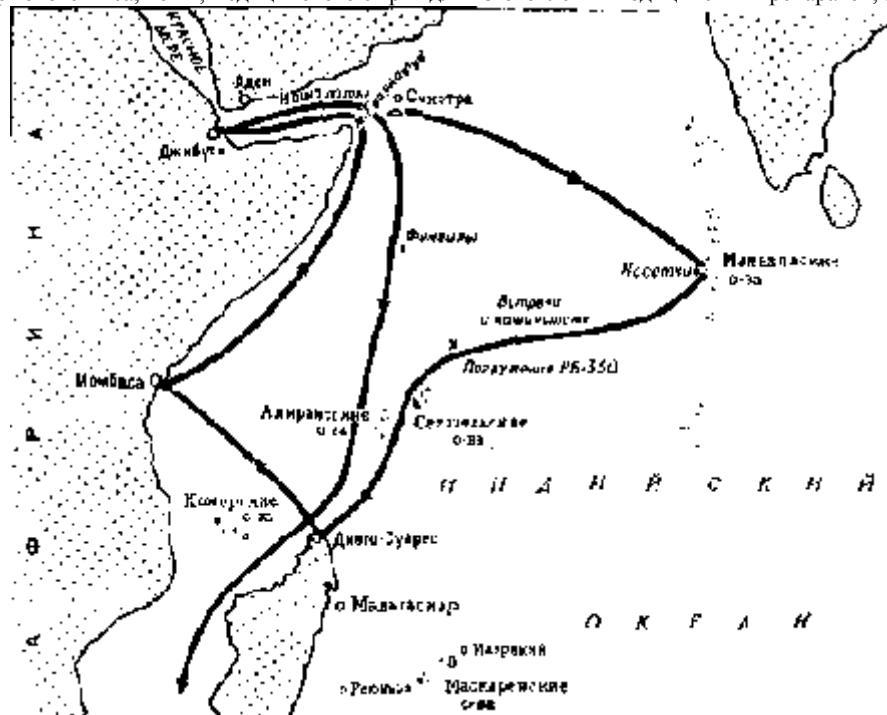
Стр. 88. Приводимые размеры зубов кашалота не вполне точны. В моей коллекции есть зуб сравнительно крупного кашалота. Он имеет длину 26 см, но весит только 900 г. Интересно, что над поверхностью десны этот зуб выступал только на 6 см!

Стр. 90. История, описанная в американском популярном журнале «Ней-черэл хистори» («Естественная история»), относится к 1893 г. До сих пор существуют серьезные сомнения в достоверности приведенных там событий. Подробное изложение заметки из журнала и комментариев к ней разных исследователей приводятся в уже упоминаемой выше книге А. А. Берзина «Кашалот».

Стр. 91. У гренландских китов, почти истребленных в настоящее время, длина пластин уса достигает 4,5 м.

Стр. 92. Наблюдения показывают, что в водах Чукотского моря серый кит кормится не только ракообразными, но и придонными моллюсками.

Стр. 94. Это преувеличение. Кашалотов добывают в основном для получения высококачественных технических жиров, кормового мяса, кожи, медицинского сырья для изготовления медицинских препаратов, а не только из-за амбры.

Встречи с китообразными в Индийском океане

Стр. 111. Так представляли раньше организацию стада (групп) у кашалотов. Сейчас получены точные данные, опровергающие эту стройную картину. В «гареме», состоящем из нескольких самок и их детенышей, оказываются часто один-два самца среднего возраста. Именно они, а не один огромный «император» оказываются отцами появляющихся на свет детенышей (подробнее см. послесловие). Усатые киты не образуют таких устойчивых многочисленных скоплений, какие встречаются у зубатых китов. Однако надо вспомнить удивительные коммуникационные способности этих животных, их умение общаться на расстоянии сотен километров.

Стр. 141. Попадают на мель и обмелевают не только гринды, но и другие китообразные (кашалоты, некоторые виды дельфинов). Обычно причиной массовых обмелений считается не испуг, а ошибка в действии эхолокатора.

Стр. 142. Взаимоотношения в стаде косаток еще далеко не изучены, но здесь мы встречаемся, вероятно, не с гаремом в прямом смысле слова, а с какой-то формой сложной семьи. Кстати, о сообразительности косаток и их дружелюбии к человеку было известно давно, по крайней мере с середины прошлого века. Документально подтверждена история одной семьи китобоев на восточном побережье Австралии, члены которой на протяжении двух поколений использовали полуприрученных косаток как гончих псов при охоте на горбачей и гладких китов в прибрежных водах.

Фонтаны разных китов

Голубой кит

Кашалот

Финвал

Гладкий кит

Сейвал

Горбач

Серый кит

Стр. 156. Промысел гладких китов был запрещен повсеместно еще в 1937 г., синих (голубых) китов — в 1965 г., добыча финвалов и сейвалов с сезона 1972/73 г. строго лимитирована, промысел всех китов контролируется международными инспекторами.

Стр. 156. Промысел горбачей повсеместно запрещен с 1965 г.

Стр. 172. Перечень мер, принимаемых во всем мире для охраны китов и дельфинов, неполон. В нашей стране кроме видов, запрещенных к промыслу согласно действующим международным соглашениям, полностью охраняются законом черноморские дельфины, промысел же других видов ежегодно регламентируется. В США в 1972 г. принят закон, по которому граждане США не имеют права добывать какие-либо виды морских млекопитающих. В ряде стран действуют строгие таможенные правила, запрещающие ввоз любых продуктов промысла китообразных и т. д.

Стр. 172. В нашей стране уже давно существуют строгие запреты на добычу многих видов морских млекопитающих, в том числе и редких китообразных, таких, как гладкий кит, серый кит, горбач (разрешается добыча только населению Чукотки для своих нужд). В последние годы в соответствии с решением МКК запрещена добыча голубого кита, а летом 1975 г. на очередной сессии МКК в Лондоне принято решение о полном запрете добычи финвалов в северной части Тихого океана. Напомню, что уже с 1967 г. у нас запрещена добыча всех видов черноморских дельфинов.

Стр. 172. Уже после 1971 г. на ежегодных, заседаниях межправительственная Международная китобойная комиссия (МКК) анализирует все предложения специального научного комитета, изучающего данные по численности китов, и на каждый следующий китобойный сезон устанавливает квоты — число особей, разрешенное к добыче — по каждому из видов в каждом районе Мирового океана. Сейчас практически сведен на нет промысел финвала (разрешается добывать только несколько сот особей), и активно ведется только промысел сейвала, малого полосатика и кашалота. Численность этих видов по мнению научного комитета позволяет вести промысел. Так, например, считается, что кашалотов в Мировом океане обитает несколько сот тысяч.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Красочный, образный и увлекательный рассказ авторов о китах и дельфинах интересен и для любознательного читателя, и для искушенного специалиста. Большинство наблюдений, приводимых в книге, уникальны и вносят много нового в изучение таких замечательных млекопитающих как китообразных. Однако, прежде чем выделить эти наблюдения из числа других, о которых говорится в книге, надо кратко охарактеризовать животных, над которыми они проводились. Привести некоторые общие сведения о китообразных необходимо главным образом потому, что авторы книги — не специалисты по млекопитающим. Отсюда сравнительно часто встречающиеся в книге упрощенные или неточные высказывания по различным вопросам изучения китообразных.

Однако, не являясь специалистом в этих областях науки, Ж.-И. Кусто тем не менее сегодня один из лучших знатоков жизни моря в целом. Его вклад в развитие техники и технологии освоения океана человечеством вряд ли можно

переоценить (вспомним, что изобретением акваланга мы обязаны Ж.-И. Кусто). С конца 30-х годов и особенно с середины 40-х Ж.-И. Кусто — организатор и вдохновитель ряда исследований по освоению и изучению моря с помощью автономных средств. Тут и упоминавшийся акваланг с различными модификациями, и не менее знаменитые автономные аппараты типа «ныряющего блудца», и легкие подводные буксировщики, и многое другое. В последнее десятилетие вся энергия Кусто направлена на сохранение живой природы Мирового океана. Именно этой цели служат и многочисленные научно-популярные фильмы Кусто, и все его книги последних лет.

Та, которую мы только что прочли, рассказывает о жизни китов в их родной среде. Она как бы продолжает рассказ Ж.-И. Кусто, начатый книгой «Чтобы не было в море тайн» («Мысль», 1974). Другие книги этой серии посвящены кораллам, дельфинам, тюленям, акулам. Этими книгами и всей своей деятельностью Ж.-И. Кусто, можно сказать, вновь открывает Мировой океан для человечества (*сегодняшний* Океан для *современного* человечества) и вносит огромный вклад в дело спасения животных Мирового океана от непредвиденных последствий изменения биосферы под натиском цивилизации.

Все китообразные (киты и дельфины) делятся на две большие группы — зубатых и усатых китообразных. Зубатых китов известно по крайней мере 72 вида, и нет полной уверенности, что нам известны все виды (только за последние 20 лет описано четыре новых вида). Большая часть зубатых китообразных относится к семейству настоящих дельфинов. Все настоящие дельфины подразделяются систематиками в свою очередь на две группы — собственно дельфины (представитель — хорошо описанная в книге косатка) и морские свиньи. Отдельное семейство составляют два арктических дельфина (белуха и нарвал). Резко отличаются от других зубатых китообразных так называемые речные дельфины, обитающие в реках и озерах Азии и Южной Америки (среди них, например, есть совсем слепые животные — в мутной воде тропических рек орган зрения оказывается бесполезным). Самые крупные зубатые китообразные относятся к семействам клюворылых (клюворыл, ремнезубы, бутылконосы) и кашалотов.

¹ Читатели, желающие более подробно ознакомиться с биологией китов, могут обратиться к некоторым из популярных книг, вышедших в свет за последние годы. См. В. Белькович, С. Клейнберг, А. Яблоков. Наш друг дельфин. М., 1967; Дж. Лилли. Человек и дельфин (Перев. с англ.). М., 1965; Кит (колл. авт., перев. с англ.). Л., 1973; Э. Олмерс. Дельфины (Перев. с англ.). Л., 1971; А. Г. Томилин. История слепого кашалота. М., 1965; А. Г. Томилин. В мире китов и дельфинов. М., 1974.

Известно всего десять видов усатых китов (голубой кит, финвал, сейвал, малый полосатик, кит Брайда, горбач, серый кит, гренландский кит, южный кит, карликовый гладкий кит), и продолжается спор о том, считать ли голубого кита-пигмея из Антарктики самостоятельным видом.

Остатки самых древних китообразных найдены в слоях морских отложений, относящихся к эоцену. Эти киты жили более 35 млн. лет назад. Как правильно пишут авторы книги, это были уже вполне сформировавшиеся морские млекопитающие: с длинным позвоночником, типично китовой формой черепа, развитыми передними и почти исчезнувшими задними конечностями. Данные палеонтологии позволяют прийти к весьма любопытному заключению: уже около 20 млн. лет назад сформировались все основные группы современных китов и дельфинов (напомню, что древность рода *человек* составляет не более 4 — 5 млн. лет). И все это время (20 млн. лет), с трудом охватываемое мысленным взором, китообразные занимают место настоящих властителей Мирового океана. Не в этом ли кроется разгадка их порой необъяснимого безразличия к другим существам в Мировом океане?

Итак, китообразные в процессе эволюции приобрели совершенные приспособления для жизни в океане. Среди них — изменение формы тела и скелета. Исчезли задние конечности, передние превратились в рули глубины и поворотов, главным двигателем служит мощный хвостовой плавник. Впрочем, даже в этих измененных конечностях сохранились многие черты типичной конечности наземных позвоночных — кисть с пятью пальцами. Изредка (примерно у одного животного из 100 тысяч) развиваются и задние конечности в виде небольших плавничков, торчащих по бокам туловища. Иногда у китов находят и развившиеся наружные уши в виде небольших выступов кожного покрова на месте ушной раковины наземных млекопитающих. Подобные атавизмы убедительно свидетельствуют, что предками китообразных были типичные наземные млекопитающие.

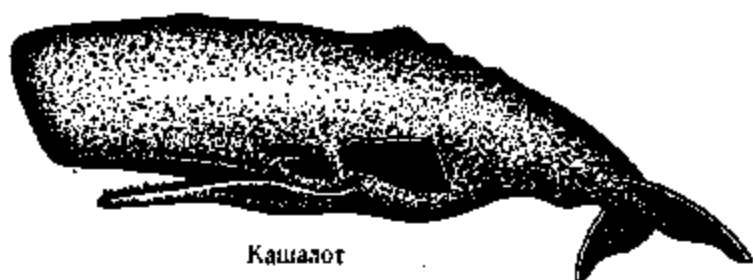
Интересно устроены органы дыхания китов и дельфинов. Разными способами они проглатывают под водой корм.

У зубатых китов длинная вытянутая гортанная трубка перегораживает глотку поперек и плотно удерживается специальными мышцами у основания черепа. У этих китообразных происходит полное разобщение пищеварительной и дыхательной систем.

У усатых китов сравнительно маленькая гортань как бы накрывается со стороны ротовой полости широким надгортанником. Надгортанник и препятствует доступу воды и проглатываемого корма в гортань и трахею. Поэтому китообразные могут глотать пищу под водой и не захлебываться.

У зубатых китов воздухоносные проходы над черепом образуют целую сеть сложных камер. Эта система камер и узких проходов между ними и служит одним из главных механизмов производства ультразвуков. Отраженные от корытообразного (или плоского у некоторых видов) черепа, как от рефлектора, ультразвуки могут концентрироваться расположенной впереди жировой «линзой» — особым образом устроенной системой мягких соединительных тканей, насыщенных высокомолекулярными жироподобными веществами (вроде спермацета у кашалота). В самое последнее время доказано, что дельфины могут одновременно «включать» по крайней мере три источника ультразвука, которые работают строго согласованно. Генерируемые в голове зубатых китообразных ультразвуки хорошо отражаются от любых предметов, находящихся в толще воды (рыб, скал, других дельфинов и т. п.), и ультразвуковое эхо с высокой точностью воспринимается органами слуха этих животных (в экспериментах дельфины различали разные виды рыб, отличали латунный шар от точно такого же размера эбонитового, находили шар с пустотой и т. д.). При помощи ультразвуков происходит непосредственная связь, общение между отдельными животными.

Надо сказать, что у усатых китов пока неизвестны структуры, производящие ультразвуки. Да и подавляющее большинство звуков, издаваемых этими животными, относится не к ультразвукам, а к звукам обычной или очень низкой частоты (инфразвукам). Однако у усатых китов есть свойство, которого лишены все зубатые китообразные, — способность генерировать инфразвуки. Инфразвуки распространяются в благоприятных условиях в океане на многие сотни километров (предел распространения ультразвуков в воде — несколько километров). Пока эти фантастические способности усатых китов посылают сигналы через моря изучены чрезвычайно слабо, но сам факт существования их не вызывает ныне сомнения. Органами генерации инфразвуков служат, по моему мнению (основанному на изучении строения воздухопроводящей системы этих животных), большие мускульные мешки у гортани.

Кашалот

Бутылконос

Косатка

Гринда

Нарвал

Афална

Карликовый кашалот

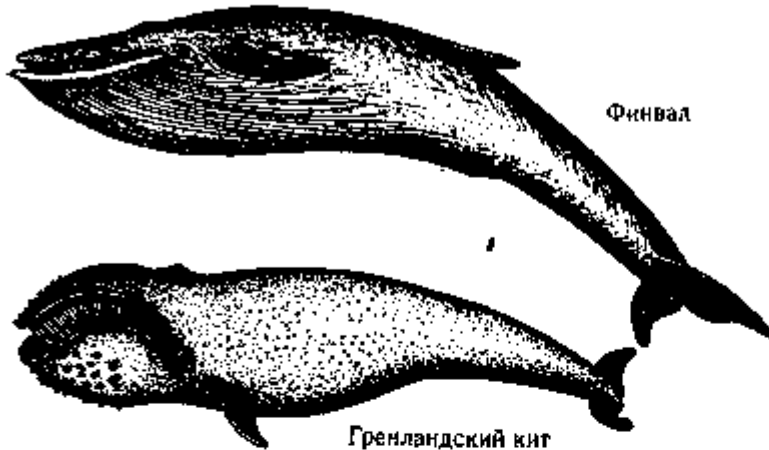
Морская свинья

Зубатые китообразные

Голубой кит

Финвал

Гренландский кит

Сейвал

Горбач

Серый кит

Малый полосатик

Карликовый гладкий кит

Усатые китообразные

Не будучи в совершенстве знакомы со строением разных систем органов у китов и дельфинов, авторы книги, к сожалению, часто не точно описывают возможности акустической связи и эхолокации у животных. Именно поэтому необходимо здесь более подробно рассмотреть этот вопрос.

Авторы неоднократно говорят о большой глубине и продолжительности погружения кашалотов, финвалов, серых китов. Сейчас таких данных накопилось в науке достаточно, и мы хорошо представляем возможности задержки дыхания у большинства видов китообразных. Максимальная длительность дыхательной паузы у китообразных составляет от 15 — 20 минут у большинства дельфинов до 2 часов у кашалотов и бутылконосов. Усатые киты не могут находиться под водой более 30 минут (финвал) и 50 минут (голубой кит). Дыхательная пауза длительностью в 2 часа, несомненно, рекорд для млекопитающих. Обеспечивается она, во-первых, большим количеством гемоглобина в мышцах, способного удерживать кислород во время интенсивной вентиляции легких в периоды, когда кит находится у поверхности (недаром мышцы у всех

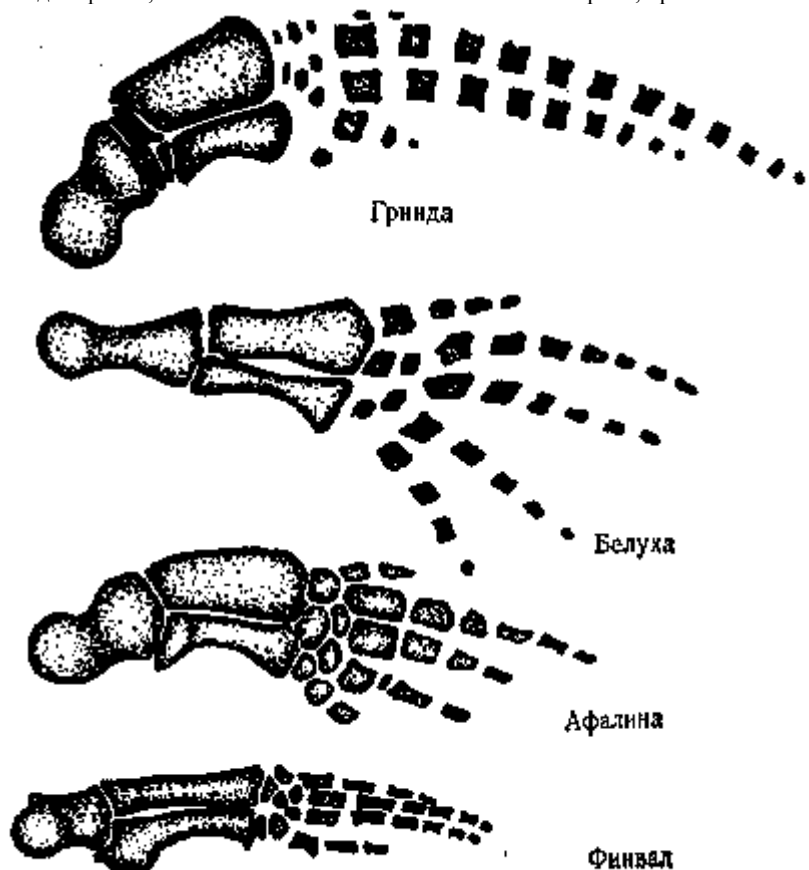
хороших ныряльщиков-китов почти черные от большого количества этого дыхательного пигмента). Во-вторых, способность оставаться длительное время на большой глубине объясняется, как мне кажется, еще и тем, что питательные вещества, которые получает кит при погружении могут до некоторой степени (по расчетам — до 10 — 12%) служить дополнительным поставщиком кислорода в организм.

Таковы основные дополнения, которые необходимо было сделать к тому рассказу о биологических особенностях китов, которые содержатся в книге Ж.-И. Кусто и Ф. Диоле.

Ни в популярной книге, ни тем более в кратком послесловии невозможно рассказать о всех особенностях китообразных, и читателей, более глубоко заинтересовавшихся биологией китов и дельфинов, можно отослать к ряду научных сводок и обзоров, имеющих на русском языке [Г. Б. Агарков, Б. Г. Хоменко, В. Г. Хаджинский. Морфология дельфинов. Киев, 1974; В. А. Арсеньев, В. А. Земский, И. С. Студенецкая. Морские млекопитающие. М., 1973; А. А. Берзин. Кашалот. М., 1971; М. В. Ивашин, Л. А. Попов, А. С. Цапко. Справочник по морским млекопитающим. М., 1971; С. Е. Клейнберг, А. В. Яблоков, В. М. Белькович, М. Н. Тарасевич. Белуха. Опыт монографического исследования вида. М., 1964; А. Г. Томилин. Китообразные фауны морей СССР. М., 1962; А. В. Яблоков, В. М. Белькович, В. И. Борисов. Киты и дельфины. Монографический очерк. М., 1972.]. Но две группы проблем, связанных с современным изучением китообразных, мне кажется, стоит специально затронуть. И хотя авторы данной книги часто касаются их, проблемы эти еще не нашли должного отражения ни в научной, ни в популярной литературе. Речь идет об особенностях поведения, и главным образом об умственных способностях китообразных.

Широко известно, что мозг китов и дельфинов отличается удивительной сложностью. Например, по числу нервных клеток мозг дельфина превосходит мозг Человека, да и строение отдельных участков мозга у дельфина сложнее. Среди ученых идут бесконечные споры по поводу объяснения этих фактов.

Китообразные, например, по сравнению с остальными млекопитающими обладают значительно большей свободой перемещения в пространстве — фактически еще одной степенью свободы, ведь они передвигаются не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости. Предполагается, что феноменальное развитие центральной нервной системы дельфинов обуславливается локационными особенностями: огромная акустическая информация, поступающая одновременно по нескольким каналам, требует мощного анализирующего аппарата. И видимо, способность китообразных, особенно дельфинов, обмениваться сложными сигналами типа речи, привела к высокому развитию мозга.

Рентгенограмма кисти различных китообразных.

Обратите внимание: у финвала только четыре «пальца»

В книге Ж.-И. Кусто и Ф. Диоле приводится прекрасное (одно из лучших в мировой литературе) описание подводного концерта горбачей у Бермудских островов. Другими исследователями, хотя и не в столь романтической обстановке, также проанализировано множество звуков разных видов китообразных из разных частей Мирового океана (пластинки с записями таких «концертов» пользуются большой популярностью за рубежом). Мнение Ж.-И. Кусто и его спутников о том, что чередующиеся сигналы китообразных напоминают обмен информацией типа речи подтверждается сегодня многими точными экспериментами. Остаются, однако, неясными главные вопросы: что за «язык», на котором идет обмен информацией? О чем «говорят» между собой киты или дельфины?

Более десяти лет назад было высказано предположение, подкрепленное позже теоретическими работами, будто главным барьером на пути межвидового общения человека и дельфина надо считать не техническую сложность расшифровки языка, а непреодолимый пока барьер психологический, когда образ мышления китов и дельфинов глубоко чужд нам и непонятен.

Но все это гипотезы, гипотезы и гипотезы. Факты же, причём порой волнующие, необъяснимые, загадочные, таковы: при расшифровке языка дельфинов разных видов выяснилось, что их речь (думаю, что это слово можно теперь писать по отношению к способу обмена информацией между дельфинами без кавычек) состоит из разного числа элементарных «кирпичиков» — частиц. Эти частицы объединяются в стройную иерархическую систему с пятью «этажами» сложности. Вспомним, что в человеческой речи существуют четыре этажа сложности: звук — слог — слово — фраза. Для каждого вида дельфинов характерны свои элементарные «кирпичики» этой речи, хотя среди нескольких десятков таких элементарных звуков («букв») около десятка присущи всем изученным формам. При этом дельфины одного и того же вида, живущие в разных частях Мирового океана, могут понимать речь друг друга. Проводились успешные попытки налаживания «диалога» между дельфинами Атлантики и Тихого океана. При «разговоре» по радию дельфины соблюдают обычные правила: когда один говорил, другой слушал, и наоборот.

Нельзя не упомянуть и о блестящих экспериментах, проведенных в нашей стране под руководством проф. Л. В. Крушинского на дельфинах. Эксперименты показали, что по уровню *элементарной* рассудочной деятельности (речь шла не о разуме в широком смысле слова) дельфины находятся на уровне высших обезьян.

Другая группа сложных проблем, также затрагиваемых в данной книге, — это организация стада китов и дельфинов. Авторы правильно пишут, что основная единица населения крупных китов — семья. Для отдельных видов китообразных это общее определение можно уточнить. Так, например, оказалось, что находящиеся в гареме самки не собраны туда «императором» из разных мест, а связаны между собой кровным родством. Теперь ясно, что гарем кашалотов — это не временное объединение самцов и самок, а своеобразная и очень сложная семья.

Интересные результаты обнаружены и при исследовании стад некоторых видов дельфинов. Стадо белух, например, представляет собой сложную семью, во главе которой стоит старая самка. В стаде остаются ее дочери, внуки, правнучки, праправнучки и так далее (вплоть до 14-го колена), а также все молодые самцы до достижения ими половой зрелости. Взрослые самцы приходят в такое стадо, видимо, лишь на период размножения.

Теперь настало время ответить на вопрос: что же нового по сравнению с другими дает читателям книга Ж.-И. Кусто и Ф. Диоле? Первое и, наверное, главное — это наиболее полная сводка оригинальных наблюдений за жизнью крупных китообразных в природе. Не отрывочных, сделанных в промежутках между выстрелами из гарпунной пушки или во время погони за очередным китом, а спокойно и целенаправленно собранных наблюдений. До сих пор такие наблюдения были единичны, случайны и велись лишь с палубы судов. Показательно, что в мировой литературе, посвященной китам, до появления настоящей книги было всего два-три фотографических изображения усатых китов под водой.

Особенно важно подчеркнуть, что наблюдения за поведением китов проводились группой Ж.-И. Кусто непосредственно в открытом море. Трудно даже перечислить все то существенно новое, что подметили авторы в поведении китов. Тут и прекрасное описание хитроумных способов, какими киты избавляются от докучливых преследователей при помощи «дежурного», отвлекающего кита; и волнующие примеры взаимоотношения человека и кита в океане (чего стоит одно лишь наблюдение о том, как горбач аккуратно изогнул длинный грудной плавник, чтобы не задеть внезапно появившегося перед ним пловца; к сожалению, только люди, когда-либо видевшие горбача, могут по достоинству оценить это наблюдение, граничащее с маленьким открытием такой степени подвижности его многометровых плавников, о которой никто и не догадывался). Интересны и заставляют о многом задуматься случаи путешествия пловцов, прицепившихся к хвостовому или спинному плавнику китов.

Не оставляют равнодушным читателя описания взаимоотношений матери и детенышей усатых китов (серых китов, горбачей). Большинство наблюдений сделано человеком впервые.

Исключительно важное значение имеет документальный характер этих наблюдений, позволяющий с уверенностью сказать, что они войдут в фонд мировой научной литературы. Незабываемы сцены, подсмотренные каллипсо-нами в заливе Скаммона и на других участках калифорнийских вод. Мне кажутся очень интересными и наблюдения, приведенные в разделе «Минута молчания», когда на короткий период мгновенно замолкают все переговаривающиеся между собой киты после обнаружения ими вблизи человека.

Особый и специальный интерес представляет описание методических приемов, примененных исследователями при изучении и наблюдении крупных китов. Не исключено, что как акваланг, изобретенный в свое время Ж.-И. Кусто, произвел революцию в изучении мира океана, так и новые способы исследования крупных китообразных в открытом океане окажут революционизирующее воздействие на развитие исследований в этом направлении.

Я отмечу лишь два метода, вероятно, очень перспективных для наблюдений за крупными китами, — метод остановки одиночных китов на месте с помощью быстроходной лодки, описывающей круги вокруг животного («виразу»), и метод мечения и последующего наблюдения за передвижением китов на протяжении многих часов с использованием в качестве буя небольшого аэростата.

Заканчивая книгу размышлениями о дальнейшей судьбе китов, Ж.-И. Кусто и Ф. Диоле не показывают, какова же должна быть роль этих животных в будущем, какое место они могут и должны занять в освоенном человечеством Мировом океане. Мне кажется, что сегодня уже можно более четко ответить на этот вопрос. Китообразные — киты и дельфины — всегда будут нужны человеку, и отнюдь не только как источники сырья для промышленности. Человечество хочет сохранить все виды китообразных в океане. И выходом, позволяющим решить эту проблему, представляется переход от промысла, от охоты на китов к многоотраслевому *хозяйству* китообразных в океане. Возможно, в будущем отдельные виды китов и дельфинов будут полностью или частично одомашнены или приручены и смогут использоваться как помощники в освоении океана (скажем, как пастухи рыбьих стад). А может, их будут эксплуатировать так же, как полувольных северных оленей или маралов. При промысле человек только берет что-то из природы, при хозяйствовании же, прежде чем что-то взять от природы, он вынужден предварительно что-то дать природе. Окончательная продукция при хозяйствовании — это как бы процент с неубывающего основного капитала. Переход от промысла к хозяйству — кардинальная линия освоения биосферы, и не только по отношению к морским млекопитающим. Применительно к китам и дельфинам такой подход означает, видимо, организацию заповедников и заказников в океане, создание ферм, «детских садов» и «ясель», мелиорацию естественных угодий в океане, пастбу стад и развитие морской биоинженерии. Сегодня все это звучит, может быть, фантастично, но я уверен, что это дело не такого уж отдаленного будущего.

А. В. Яблоков

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТРЕЧА С КИТОМ
УЯЗВИМЫЙ МОРСКОЙ ИСПОЛИН
КОГДА КИТ СТРАНСТВУЕТ
ЧЕМПИОН МИРА ПО ЗАДЕРЖКЕ ДЫХАНИЯ
РАЗГОВАРИВАЮТ, ПОЮТ И СЛУШАЮТ
КРУПНЕЙШИЕ ИЗ ПЛОТОЯДНЫХ
ТАИНСТВА ЛЮБВИ
ЯСЛИ ЛЕВИАФАНОВ
МАЛЫШ, КОТОРОМУ ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ
СИЛЬНЕЕ И УМНЕЕ ВСЕХ: КОСАТКА
ПОР А УВАЖАТЬ
ПРИЛОЖЕНИЕ
ПРИМЕЧАНИЯ
ПОСЛЕСЛОВИЕ

И Б № 498

Жак-Ив Кусто Филипп Диоле

Могучий властелин морей

Подводные исследования Ж.-И- Кусто

Заведующий редакцией И. К. Мячин

Редактор Г. Е. Матвеева

Младший редактор З. В. Кирьянова

Редактор карт З. А. Киселева

художественный редактор Е. М. Омеляновская

Технические редакторы Л. П. Гришина, В. Н. Корнилова

Корректор Т. М. Шпиленко

У Сдано в набор 27 февраля 1976г. Подписано в печать 6 декабря 1 976 г. Формат 60X84^{1/2},,,. Бумага офсетная, 100 г. Усл. печатных листов 10» 93.
четно-издательских листов 12,16. Тираж 80000 экз. Заказ № 24. Цена 1 р. 23 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая Образцовая типография

имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома

при Государственном комитете

Совета Министров СССР

по делам издательств, полиграфии

и книжной торговли.

Москва, М-54, Валуевая, 28

OCR Pirat